

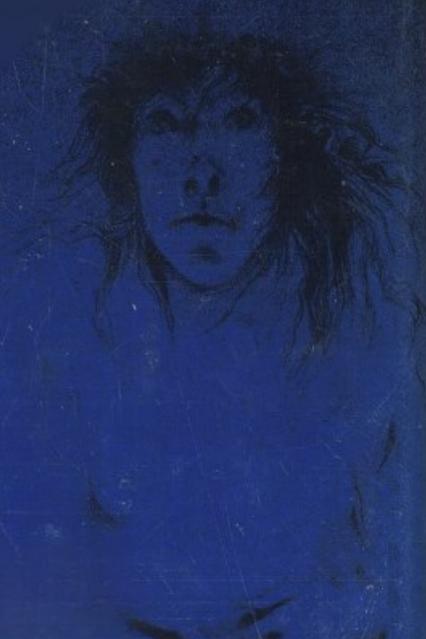
Эд Макбейн

ПРИЗРАКИ

87-й

полицейский

участок

Эд Макбейн

Посвящается для Эда Виктора.

Перевод: Евгений Роменович Сова

П р и з р а к и

Персонажи и события, изображённые в этой книге, являются вымышленными. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мёртвыми, является случайным и не предполагается автором.

Город на этих страницах - воображаемый.

Люди, места - всё вымышлено.

Только полицейская рутина основана на отработанной методике расследования.

P. S. Имеющиеся нецензурные выражения переведены по смыслу.

Возможно, они сами были призраками - детективы, стоявшие в падающем снегу вокруг тела женщины на тротуаре. Окутанные клубящимися хлопьями, стоящие в снегу глубиной в три дюйма под ногами, они, как неуверенные призраки, прижались к серому фасаду жилого дома позади убитой женщины. Двое мужчин из отдела убийств, стоявших на тротуаре вместе с детективом Коттоном Хоузом, были одеты в чёрные шинели и серые фетровые шляпы. Хоуз был без шляпы. Его рыжие волосы вскрикивали в однотонной тишине, вторя крови, запятнавшей одежду женщины. Чуть выше левого виска Хоуза виднелась седая полоска - память о поножовщине во время расследования кражи со взломом; она почти казалась продолжением кристаллов снега, сверкавших в его волосах.

Детективы из отдела убийств стояли, засунув руки в карманы шинелей. До Рождества оставалось четыре дня, время было семь часов вечера. Моноган ещё не купил подарок жене, как и Монро. Магазины будут работать до девяти вечера, и они планировали отправиться за покупками, как только освободятся без четверти восемь. Вместо этого они приняли звонок из 87-го участка, и одному Христу известно, сколько времени они простоят здесь, на тротуаре, вместе с Хоузом и его напарником Кареллой, который стоял на обочине и разговаривал с патрульным, первым прибывшим на место происшествия.

«Должно быть, возвращалась домой с продуктами», - сказал Моноган.

«Да, посмотрите на всё это, разбросанное по тротуару», - сказал Монро.

«Хлопья» (*wheaties*), американская марка хлопьев для завтраков, известная слоганом «завтрак чемпионов» – **примечание переводчика**), - сказал Моноган.

«Она ест завтрак чемпионов», - сказал Монро.

«Раньше ела», - поправил Моноган.

«Присыпала свою задницу пакетами чая», - сказал Монро.

«У неё хорошие ноги», - сказал Моноган.

Женщине, лежавшей на тротуаре, на вид было около тридцати лет. Она была белой, на ней было простое суконное пальто, запахнутое поверх белой блузки, чёрная юбка и чёрные сапоги. Передняя часть блузки, чуть ниже левой груди, была разрезана, когда нож вонзился ей в грудь. Вся левая сторона блузки была залита кровью. Юбка задралась на бёдрах, когда она упала на тротуар. Она лежала на спине, раскинув руки и ноги, сжимая кулаки, вокруг неё были разбросаны коричневые пакеты с покупками, один из них порвался, содержимое рассыпалось. Ремешок чёрной сумки спустился до локтя.

«Ты уже проверил её сумочку?», - спросил Моноган.

«Я жду, когда приедут техники», - сказал Хоуз.

«Парень, который это сделал, может оказаться во Внешней Монголии, когда сюда придут техники.»

«Они уже в пути», - сказал Хоуз.

«Ты позвонил в судмедэкспертизу?»

«Я не новичок на этой работе», - сказал Хоуз.

«Вот это да, он не новичок на этой работе», - сказал Моноган своему напарнику.

«Он профессионал на этой работе», - сказал Монро, достал носовой платок и высморкался. Он простудился, и ему не нужно было стоять здесь на снегу с умником из 87-го участка. Но в городе, где работали эти люди, появление детективов из убойного отдела на месте убийства было обязательным; детективы, ответившие на вызов в участке, вели дело и должны были регулярно подавать отчёты в убойный отдел.

Детектив Стив Карелла повернулся от патрульной машины с радиоприёмником. Это был высокий стройный белый мужчина с непринуждённой походкой атлета. Он медленно подошёл к ним, казалось, погрузившись в раздумья, и склонив голову. Его глаза, прищуренные на фоне падающего снега, были слегка раскосыми, что придавало его лицу несколько восточное выражение, усиливавшее впечатление глубокой, непостижимой задумчивости. Как и Хоуз, он был без шляпы. Как и Хоуз, он был одет в клетчатую макино (*короткое двубортное пальто из толстого и тяжёлого шерстяного материала, обычно с красно-чёрным клетчатым узором* – **примечание переводчика**) поверх шерстяной рубашки и вельветовых брюк; они оба только что вернулись с безрезультатной слежки у склада, когда поступил звонок.

«Патрульный узнал женщину», - сказал он. «Она живёт в этом здании, но он не знает её имени.»

«Я велел твоему напарнику порыться в её сумке», - сказал Моноган.

«Новые правила требуют, чтобы этим занимались техники», - говорит Карелла.

«К чёрту новые правила», - сказал Моноган. «Мы тут стоим, морозим себе задницы, а вы беспокоитесь о новых правилах.»

«Ты хочешь разрешить это?», - сказал Карелла.

«Я не уполномочен давать на это разрешение», - сказал Моноган.

«Хорошо, тогда мы подождём техников. А пока я хочу поговорить с консьержем. Хотите послушать?»

«Лучше, чем стоять здесь в снегу», - сказал Моноган.

«Я начну делать набросок места преступления, Стив», - сказал Хоуз.

«Лучше повесь таблички о месте преступления», - посоветовал Монро через плечо и последовал за Кареллой и Моноганом в

здание. Этот жилой комплекс был частью общегородского проекта по восстановлению разрушающихся трущоб. Он возвышался в бетонном и стеклянном великолепии на окраине зоны ответственности 87-го участка, сменив полдюжины приземистых домов, которые стояли здесь раньше. Консьерж был белым мужчиной лет шестидесяти, как предположил Карелла, в серой униформе с жёлто-голубой нашивкой «Патруль безопасности» на левом рукаве. Вид у него был настороженный и опасливый, словно полицейские собирались обвинить его в чём-то.

«Я детектив Карелла, 87-й участок», - сказал Карелла. «Эти люди из убойного отдела.»

Охранник кивнул, а затем облизнул губы.

«Как вас зовут?», - спросил Карелла.

«Джимми Карлсон.»

«Вы здесь постоянный консьерж, мистер Карлсон?»

«Да, сэр. Нас четверо – вообще-то пятеро, если считать того, кто заступает после полуночи.»

«Какие у вас смены?»

«С шести утра до двенадцати дня, с полудня до шести вечера, с шести до полуночи и с полуночи до шести. Четыре смены. В смену с полуночи до шести у нас есть дополнительный человек, который патрулирует территорию с собакой.»

«В котором часу вы пришли сегодня вечером, мистер Карлсон?»

«В шесть. Ну, вообще-то чуть позже. У меня нет зимней резины на машине, и меня задержала буря.»

«Вы знаете, что у вас на улице мёртвая женщина?», - спросил Моноган.

«Да, сэр, знаю. Человек, который нашел её, пришёл сюда, чтобы сделать звонок.»

«Кто это был?», - спросил Карелла.

«Я не знаю. Он сказал, что на тротуаре кто-то пострадал, и спросил, можно ли ему воспользоваться телефоном. Как только он позвонил, то сразу ушёл. Думаю, он не хотел вмешиваться.»

«И что вы сделали?», - спросил Монро.

«Я вышел на улицу, чтобы посмотреть, в чём дело.»

«Вы узнали женщину?»

«Да, она живёт здесь, в этом здании. Эспозито, квартира 701.»

«Как её имя?», - спросил Моноган.

«Я не знаю.»

«Она замужем или не замужем?», - сказал Монро.

«Замужем. Вообще-то её муж должен вернуться домой с минуты на минуту.»

«Вы видели, что там произошло?», - спросил Карелла.

«Нет, сэр, не видел. Ведь стол охраны находится как бы справа. Я не мог видеть, что там происходит на тротуаре.»

«Вы видели миссис Эспозито, когда она выходила из здания?»

«Нет, сэр, не видел. Это было бы сегодня утром. Она ходит на работу, видите ли, и обычно возвращается домой сразу после моего прихода - может быть, в десять минут, в четверть шестого.»

«Заехала за продуктами, как я тебе и говорил», - сказал Моноган Монро.

Патрульный, с которым Карелла разговаривал несколькими минутами ранее, отошёл от полицейского автомобиля. Вид у него был встревоженный. Он замешкался, прежде чем открыть стеклянную дверь в вестибюль, затем смахнул снег с ботинок и снова замешкался, прежде чем сказать то, что должен был сказать, словно королевский гонец, опасаящийся потерять голову за то, что принёс дурные вести.

«У нас есть ещё один», - сказал он. «Наверху, в квартире 304.»

Второй звонок поступил на узел связи ровно в десять минут седьмого. Диспетчер ввёл информацию в компьютер, и данные секторального сканирования предыдущих сообщений о происшествиях поначалу сбили его с толку. Полчаса назад на то же место происшествия была направлена машина «Адам Одиннадцать»: зарезанная на углу Джексона и Восьмой. Но первой жертвой была белая женщина, истекающая кровью на тротуаре у дома 781 по Джексон, а этот новый звонок был от истеричной женщины из квартиры 304, и она сообщала полиции, что на полу в спальне зарезанный мужчина, и не могли бы они прислать кого-нибудь немедленно? Диспетчер снова связался по радиации с машиной «Адам Одиннадцать» и велел проверить этаж наверху, а патрульный, принявший звонок в патрульной машине, сказал: «Вы, наверное, шутите», а затем подошёл к тому месту, где детективы разговаривали с охранником.

Женщина, вызвавшая полицию, ждала их в коридоре третьего этажа. Это была белая женщина лет двадцати пяти, как догадался Карелла, с карими глазами и чёрными волосами, и она была так похожа на его жену, что он замешкался на полпути, выходя из лифта, а затем сделал вторую попытку присмотреться и понял, что это не может быть Тедди; Тедди была дома в Риверхеде, с Фанни и детьми. Сходство не прошло бесследно и для Хоуза. Он бросил быстрый взгляд на Кареллу, а затем снова посмотрел в коридор, где женщина стояла у открытой двери в квартиру 304. На ней было пальто, плечи которого всё ещё были влажными от талого снега. На её лице и в глазах читалась полнейшая паника. Полицейские шли по коридору летящим клином: Карелла и Хоуз - впереди, Моноган и Монро - за ними. Монро подумал, что это как раз то, что им нужно, - ещё один убитый человек.

«Где он?», - спросил Карелла.

«Внутри», - ответила женщина. «В... спальне.»

Входная дверь открывалась в фойе с зеркалом и почтовым столиком напротив входа. По обеим сторонам коридора располагались разветвлённые квартиры. Справа через

открытую дверь Карелла мог видеть кухню. Слева была гостиная. Они быстро осмотрелись: никаких признаков беспорядка, комната была оформлена аккуратно и дорого, в чистом современном стиле, несколько картин на стенах, барная стойка с графином виски и двумя бокалами на ней, оба сверкающие, всё аккуратно, чисто и упорядоченно. Спальня была совсем другим делом. С того момента, как они вошли в дверь, они поняли, что дело будет плохо.

В комнате царил полный беспорядок. Ящики белого комода из керамики были выдвинуты, одежда разбросана по полу. Мужская и женская одежда, трусы и бюстгалтеры, нижнее бельё и пижамы, рубашки и шёлковые блузки, ночные рубашки и носки, свитера и трусики бикини лежали в андрогинном (*явление, при котором человек проявляет одновременно, необязательно в равной степени, и женские, и мужские качества – примечание переводчика*) беспорядке на толстом ворсовом ковре. Дверцы обоих шкафов были открыты, и одежда, снятая с вешалок, была разбросана по полу, кровати и креслам. Мужские спортивные куртки и костюмы, женские платья и юбки, туфли на высоких каблуках, прогулочные туфли, мокасины, пальто, тренчи (*модель дождевого плаща с неизменными атрибутами: двубортный, с погонами и отложным воротником, манжетами, кокеткой, поясом и разрезом сзади, обычно выполнен из водонепроницаемого материала: шерстяной или хлопчатобумажной материи с водонепроницаемой пропиткой, иногда кожи – примечание переводчика*), шинели - всё это петляло по ковру к тому месту, где на самом дальнем от двери краю кровати лежал мёртвый мужчина.

Это был, как предположил Карелла, белый мужчина лет пятидесяти, одетый в синие брюки, лаймово-зелёную футболку и тёмно-синий свитер-кардиган. Обuvi не было. Его руки были связаны за спиной витой проволочной вешалкой. Футболка была разрезана на ленточки. На груди, горле, кистях и руках были колотые раны. Одно ухо болталось с правой стороны головы, где оно было частично отрезано. Карелла посмотрел на мертвеца и вновь ощутил знакомую смесь ужаса и печали -

каждый раз одну и ту же: отвращение к насилию, превратившему человека в груды кровавых обломков, и скорбь о том, что всё это было сделано совершенно напрасно. Он повернулся к Хоузу и сказал: «Если судмедэксперт внизу, нам лучше пригласить его сюда.»

«Лучше вызвать ещё одну команду техников», - сказал Моноган. «Иначе мы проторчим здесь всю ночь.»

У одной стены комнаты, выходящей окнами на реку Харб, стоял длинный стол из белой керамики с пишущей машинкой на нём. На столе лежала пачка жёлтой бумаги, рядом с пепельницей, наполненной окурками. Лист бумаги лежал в пишущей машинке. Не прикасаясь ни к бумаге, ни к машинке, Карелла наклонился над столом и прочитал написанные на машинке слова:

С самого начала в доме ощущалось что-то чуждое. Я был вызван сюда, чтобы расследовать заявление о том, что в помещении имеет место полтергейст, и, прежде чем я сделал три шага в вестибюле, отпали всякие сомнения, что это утверждение действительно. Воздух практически гудел от невидимых призраков. Когда призраки в месте

«Предсмертная записка?», - спросил Монро у него за спиной.

«Конечно», - сказал Карелла. «Парень лежит на полу со связанными руками и тридцатью шестью ножевыми ранениями в груди...»

«Откуда ты знаешь, что их тридцать шесть?», - сказал Моноган.

«Пусть будет сорок», - сказал Карелла. «Это явно самоубийство.»

«Он нас обманывает», - сказал Монро.

«Он нас разыгрывает.»

«Он очень юморной полицейский.»

«Все полицейские в восемьдесят седьмом участке очень юморные.»

«Ты хочешь кое-что узнать, Карелла?»

«Иди на фиг, Карелла.»

Женщина, похожая на жену Кареллы, ждала в гостиной у входа. Она ещё не сняла пальто. Она сидела в одном из белых мягких кресел, сцепив руки над сумкой на коленях. Пока они разговаривали, Хоуз вернулся с судмедэкспертом и молча провёл его в спальню. Прибыла вторая бригада лаборантов, и они принялись за работу, как заправские гробовщики.

«Когда вы его нашли?», - спросил Карелла.

«Как раз перед тем, как я позвонила в полицию.»

«Откуда вы звонили?»

«Отсюда. Вот здесь.» Она указала на белый телефон, стоящий на барной стойке рядом с графином и двумя чистыми стаканами.

«Трогали что-нибудь ещё в квартире?»

«Нет.»

«Только телефон.»

«Да. Ну, дверную ручку, когда я вошла. Я отперла дверь и позвала Грега, а когда мне не ответили, я пошла прямо... в спальню и... и... тогда я его и увидела.»

«А потом вы позвонили в полицию.»

«Да. И... и я вышла за дверь, чтобы... чтобы подождать вас. Я не хотела ждать здесь. Не с... не с...»

Карелла достал блокнот и занялся поиском чистой страницы. Он подозревал, что она вот-вот расплчется, а он никогда не знал, что делать, когда начинают плакать.

«Не могли бы вы сказать мне его имя?», - мягко спросил он.

«Грегори Крейг», - сказала она и, сделав паузу, посмотрела в глаза Кареллы, и он почувствовал, что она ожидает какого-то ответа, которого не получила. Озадаченный, он ждал, что она скажет ещё что-нибудь. «Грегори Крейг», - повторила она.

«Не могли бы вы написать это по буквам?»

«Г-Р-Е-Г-О-Р-И.»

«А фамилия?»

«К-Р-Е-Й-Г.»

«А как вас зовут?»

«Хиллари Скотт.» Она сделала паузу. «Мы не были женаты.»

«Откуда вы пришли, мисс Скотт?»

«С работы.»

«Вы обычно возвращаетесь домой примерно в это время?»

«Сегодня я немного задержалась. Мы ждали звонка с побережья.»

«Чем вы занимаетесь?»

«Я работаю в Парапсихологическом обществе.» Она сделала паузу, а затем сказала: «Я медиум.»

«Медиум?»

«Да.»

«Простите, что...?»

«Я наделена экстрасенсорными способностями», - сказала она.

Карелла посмотрел на неё. Она казалась вполне вменяемой, сидя в своём мокром пальто, сжимала в руках карманный блокнот, глаза её начали наполняться слезами. В своём блокноте он написал слово «медиум» и поставил после него знак вопроса.

Когда он снова поднял голову, она вытирала глаза носовым платком, который достала из сумки.

«Где работал мистер Крейг?» - спросил он.

«Здесь», - сказала она.

«Здесь?»

«Он писатель», - сказала она и сделала паузу. «Грегори Крейг, писатель.»

Имя ничего не значило для Кареллы. В своём блокноте под словом «медиум» он написал «жертва - писатель», а затем уяснил, что она сказала: «Грегори Крейг, писатель», поскольку всё это время ожидала, что присутствующие знают это имя. Он осторожно спросил: «А что он писал?»

Он написал «Мёртвые тени», - сказала она и снова посмотрела ему прямо в глаза, и на этот раз он был уверен: она считала, что он должен был узнать название книги, которую написал Крейг, если это была книга. Он не стал спрашивать, что это было за произведение.

«И он работал здесь, в квартире, не так ли?», - сказал он.

«Да, в спальне. В спальне есть письменный стол. Там он и работал.»

«Весь день?»

«Обычно он начинал около полудня и заканчивал около шести.»

«И писал... э-э... книги или... что он там писал, собственно, мисс Скотт?»

«Вы не читали «Мёртвые тени?»»

«Нет, простите.»

«Она уже продана в количестве трёх миллионов экземпляров в мягкой обложке. Фильм по мотивам снимается прямо сейчас.»

«Простите, я не знаком с этим произведением.»

Она ничего не сказала. Она просто смотрела на него. Он прочистил горло, снова заглянул в свой блокнот, поднял глаза и сказал: «Есть идеи, кто мог это сделать?»

«Нет.»

«Были ли у мистера Крейга враги, о которых вы можете знать?»

«Нет.»

«Получал ли он в прошлом телефонные звонки или письма с угрозами...»

«Нет.»

«Последние несколько недель? Что-нибудь в этом роде?»

«Нет, ничего.»

«Он был кому-то должен?»

«Нет.»

«Как давно вы живёте в этом здании, мисс Скотт?»

«Шесть месяцев.»

«Какие-нибудь проблемы с соседями?»

«Нет.»

«Когда вы сегодня вернулись домой, дверь была заперта?»

«Да. Я же сказала, что открыла её своим ключом.»

«Вы уверены, что она была заперта?»

«Да.»

«Вы слышали щелчки дверного замка, когда вы поворачивали ключ?»

«Да, я знаю, что дверь была заперта.»

«У кого-нибудь кроме вас и мистера Крейга был ключ от этой квартиры?»

«Нет», - сказала она. «Только мы вдвоём имели ключи.»

«Спасибо, мисс Скотт», - сказал он и закрыл блокнот. Он попытался улыбнуться, а затем сказал: «Мне придётся поискать книгу «Мёртвые тени». О чём она?»

«О призраках», - сказала она.

Когда Карелла вернулся в вестибюль, старший офицер службы безопасности ждал его внизу вместе с Карлсоном. Его звали Рэнди Джадд, и это был крупный, мускулистый ирландец лет шестидесяти. Он сразу же рассказал Карелле, что раньше был патрульным, работавшим в 32-м участке. Он также упомянул, что с тех пор, как комплекс был построен год назад, здесь, в Харборвью, никогда не было никаких неприятностей. Даже краж со взломом не было. Ничего.

«В Харборвью очень строгая охрана», - сказал он.

«Очень плотная», - сказал Карлсон. Он всё ещё выглядел встревоженным, как будто как никогда был уверен, что копы каким-то образом обвинят его в этом.

«Мистер Карлсон», - сказал Карелла, - «вы сказали мне недавно, что пришли на работу в шесть вечера...»

«Немного позже.»

«Немного позже шести, верно. Объявляли ли вы о ком-нибудь мистеру Крейгу в период между вашим приходом и...»

«Нет, сэр, я не делал этого.»

«Это обычная процедура? Объявлять о посетителях?»

«Стандартная практика», - сказал Джадд.

«Всех посетителей», - сказал Карлсон. «Даже курьерах.»

«А что происходит потом?»

«Когда мы получим разрешение от арендатора, посетитель сможет подняться.»

«В лифте?»

«Если только это не доставка. Служебный лифт находится сзади.»

«И никто не приходил сюда, спрашивая мистера Крейга?»

«Никого.»

«Кто был в смене до вас? С полудня до шести?»

«Джерри Мандел.»

«У вас есть номер его домашнего телефона?», - спросил Карелла.

«Да, но это не принесёт вам пользы», - сказал Джадд.

«Почему так?»

«Он собирался покататься на лыжах в эти выходные», - сказал Карлсон. «Его лыжи лежали на крыше машины, и он поехал на север штата, как только я освободил его.»

«Когда он вернётся?»

«На следующий день после Рождества», - сказал Джадд. «У него был отпуск. Я дал ему добро. Он большой любитель лыж.»

«Вы знаете, куда он поехал?»

«Куда-то на север штата», - сказал Карлсон.

«Он упоминал название отеля или кемпинга?»

«Нет, не упоминал.»

«Могу я получить этот номер телефона?», - сказал Карелла.

«Конечно», - сказал Джадд. «Прямо в офисе.»

«С рабочего телефона Карелла набрал домашний номер Мандела. Он дал телефону прозвонить двенадцать раз, а затем повесил трубку.»

«Не повезло, да?», - сказал Джадд.

«Нет», - сказал Карелла и покачал головой.

«Я же говорил вам», - сказал Карлсон. «Он уезжал прямо отсюда.»

«Как попасть в это здание, кроме как через парадный вход?», - спросил Карелла.

«Мусор вывозится через заднюю дверь», - сказал Джадд. «Там есть большая дверь, мы отпираем её, когда приезжает мусоровоз.»

«Что за замок на нём?»

«С засовом «schlage» (*американский производитель замков, основанный в 1920 году, одна из самых популярных торговых марок в США – примечание переводчика*).»

«У кого ключ?»

«У управляющего зданием.»

«Он сейчас здесь?»

«Конечно. Хотите поговорить с ним?»

Управляющим зданием был чернокожий Чарльз Уиттиер. Он как раз ужинал, когда Джадд представил его Карелле. В другой комнате работал телевизор, и Карелла мог видеть через открытую дверь, как чернокожая женщина в халате и тапочках сидела и смотрела на экран, поставив на колени тарелку с ужином. Она встала, как только поняла, что в квартире гости, и закрыла дверь. За закрытой дверью доносились голоса из телевизора. Полицейское шоу. Карелла ненавидел полицейские шоу.

«Мистер Уиттиер», - сказал Карелла, - «наверху, в квартире 304, было совершено убийство, мы зафиксировали звонок в семь десять. Была ли сегодня открыта дверь сюда?»

«Да, сэр, так и было», - сказал Уиттиер.

«Вы её открыли?»

«Да.»

«Когда?»

«В двенадцать пополудни, когда приехал мусоровоз.»

«Вы впустили кого-нибудь в здание?»

«Только мусорщиков. Мы держим мусорные баки внутри, потому что не хотим, чтобы до них добрались крысы. В этом районе водятся крысы, знаете ли.»

«В каждом районе», - сказал Джадд, защищая свою территорию.

«Значит, мусорщики заходят сюда, чтобы забрать контейнеры, так?»

«Они не обязаны», - сказал Джадд, - «но мы даём им несколько баксов каждый год примерно в это время.»

«Сколько мусорщиков?», - спросил Карелла.

«Два», - сказал Уиттиер.

«Вы были здесь, когда они находились в здании?»

«Да, сэр.»

«Кто-нибудь из них остался в здании?»

«Нет, сэр. Они убрали мусор, и я запер за ними дверь.»

«Открывали ли вы эту дверь после этого?»

«Да, сэр, это так.»

«Когда?»

«Когда начался сильный снегопад. Я хотел выйти и немного поработать лопатой, пока снега не стало слишком много для ходьбы.»

«Что именно вы разгребали?»

«Пандус, вот там. Чтобы мусоровоз мог заезжать завтра.»

«Вы закрыли дверь, когда были снаружи?»

«Нет, сэр, не закрывал. Но я видел вход всё время, пока разгребал лопатой.»

«Кто-нибудь заходил сюда?»

«Нет, сэр.»

«Вы следили за дверью каждую минуту?»

«Нет, сэр, не каждую минуту. Но я положил на неё глаз.»

«В котором часу это было?»

«Когда я начал разгребать? Наверное, около пяти тридцати.»

«И вы не видели, чтобы кто-то заходил в здание?»

«Нет, сэр. Я бы сразу позвонил в службу безопасности, если бы увидел кого-нибудь.»

«Хорошо, спасибо, мистер Уиттиер», - сказал Карелла.

«Извините, что прервали вашу трапезу.»

По дороге вверх Джадд сказал: «В Харборвью очень строгая охрана, как я вам уже говорил.»

Карелла подумал, что охрана не была достаточно строгой, чтобы предотвратить убийство на третьем этаже или на тротуаре на улице.

На теле Грегори Крейга было девятнадцать ран. Карелла получил отпечатанный на машинке список из морга больницы Буэна-Виста за десять минут до того, как Хоуз пришел с утренней газетой. Список гласил:

Диаграмма ран, Грегори Крейг:

Резаная рана поперёк горла длиной $\frac{3}{4}$ дюйма (*используемый в США английский дюйм, в точности равный 2,54 сантиметра – примечание переводчика*).

Резаная рана через горло чуть ниже первой, длиной $2\frac{1}{2}$ дюйма.

Колотая рана в $1\frac{1}{2}$ дюйма справа от средней линии чуть выше ключицы.

Колотая рана на $4\frac{1}{2}$ дюйма правее средней линии и на 4 дюйма выше соска.

Колотая рана по средней линии и на линии сосков.

Резаная рана на груди, начинающаяся на средней линии примерно на 5 дюймов ниже подбородка и идущая вниз и влево длиной 2 дюйма.

Колотая рана в $1\frac{1}{2}$ дюйма слева от средней линии и над ключицей.

Колотая рана на $8\frac{1}{2}$ дюйма левее средней линии и на 3 дюйма ниже соска.

Колотая рана (входная и выходная) посередине между локтём и подмышкой, на внутренней стороне руки.

Резаная рана длиной 1 дюйм на внешней стороне левого запястья.

Резаная рана длиной $1\frac{1}{4}$ дюйма на внутренней стороне правого запястья.

Колотая рана на спине на 15 дюймов ниже основания черепа и на 5½ дюйма левее средней линии.

Колотая рана на спине на 15 дюймов ниже основания черепа и на 3 дюйма левее средней линии.

Колотая рана на спине на 13¼ дюйма ниже основания черепа и на 3½ дюйма левее средней линии.

Колотая рана на спине на 12 дюймов ниже основания черепа и на 8 дюймов левее средней линии.

Колотая рана на спине на 20 дюймов ниже основания черепа и на 3½ дюйма левее средней линии.

Резаная рана на внутренней стороне безымянного пальца правой руки.

Колотая рана (входная и выходная) на верхней стороне среднего пальца правой руки.

Резаная рана на правой стороне головы над ухом, идущая вниз длиной 1½ дюйма.

Это было чертовски много колотых и резаных ран. Они не вполне соответствовали оценке, которую Карелла дал копам из отдела убийств на месте преступления, но их было достаточно, чтобы понять, что тот, кто убил Крейга, действительно хотел его смерти; не стоит наносить человеку девятнадцать ударов, если не хочешь в этом убедиться. С другой стороны, Мэриан Эспозито, как её опознали по водительским правам в её наплечной сумке, была уколота только один раз, чуть ниже левой груди, лезвие вошло в грудь и сердце и, очевидно, убило её сразу. Если преступления были связаны между собой, как казалось, то логично предположить, что она встала на пути убийцы, когда тот убегал с места первого убийства. Ещё до того, как Хоуз пришёл с утренней газетой, Карелла решил, что линия расследования должна быть сосредоточена на Крейге. Он пометил папку с делом «R-76532», а на папке, предназначенной для Мэриан Эспозито, написал: «Сопутствующее дело R-76532», после номера её дела, «R-76533».

В полицейском участке в то утро пятницы, 22 декабря, было относительно тихо. Самоубийства начнутся только в канун Рождества, а потом немного поутихнут до Нового года, когда их снова начнут совершать. Мисколо в канцелярии вскользь упомянул, что в канун Нового года будет полнолуние. Полнолуние увеличит число самоубийств. Праздники и полнолуние - это сочетание никогда не подводило. Тем временем участились случаи магазинных и карманных краж, а вот краж со взломом, грабежей, изнасилований и разбойных нападений стало меньше; ну да ладно. Может, все грабители, насильники и вооружённые преступники ходили по универсамам и обчищали карманы?

График дежурств в отряде висел на стене рядом с кулером, где, по мнению лейтенанта, его обязательно должны были прочитать. В полицейском управлении не было праздников, но в графике дежурств на канун и день Рождества обычно указывались почти исключительно имена детективов-евреев, которые подменяли своих коллег-христиан. Однако в этом году всё было иначе. Чем же этот год отличался от всех остальных? В этом году Рождество и первый день Хануки (*еврейский праздник, продолжающийся восемь дней – примечание переводчика*) пришлось на один и тот же день - двадцать пятое декабря, что, естественно, служило убедительным доказательством братства людей и солидарности демократических идеалов. Это создавало проблемы только для полицейских. Все хотели быть свободными в понедельник, когда наступал двойной праздник. Но все не могли не работать в понедельник, потому что тогда все эти дешёвые воришки смогут совсем распоясаться.

Компромисс.

В полицейской работе, как и в браке, компромисс был необходим. В репертуаре Хенни Янгмена (*американский скрипач, актёр и комик, известность приобрёл благодаря своим коротким шуткам – примечание переводчика*) была шутка про мужчину, который хочет купить новую машину, и его жену, которая хочет купить норковую шубу. Они идут на компромисс. Жена покупает норковую шубу и хранит оную в

гараже. Стив Карелла и Мейер Мейер пошли на компромисс, бросив монетку. Выиграл Карелла. Он будет работать в канун Рождества, а Мейер - в первый день Хануки. Но это было до того, как к 87-му участку привалило двойное убийство. Если речь идёт об убийстве, то в первые несколько важных дней вы выкладываетесь на полную катушку. У Кареллы закралось подозрение, что с этим делом он будет возиться долго - горячий сэндвич с пастромом (*мясной деликатес из говядины, блюдо еврейской кухни – примечание переводчика*) и бутылка газировки в отделе на Рождество. Потрясающе.

За своим столом в другом конце комнаты, рядом с одной из проволочных решёток, которые защищали отдел от предметов, бросаемых в окна нерадивыми жителями участка, и, которые, кстати, не давали заключённым выпрыгнуть на улицу вниз, детектив Ричард Дженеро набирал отчёт о краже со взломом трёхнедельной давности. Дженеро был невысоким смуглым мужчиной с вьющимися черными волосами и карими глазами. В последнее время он стал надевать очки с бифокальными линзами (*этот тип линз предназначен для людей, которым необходима коррекция зрения для различных расстояний – примечание переводчика*), когда печатал отчёты, предположительно для того, чтобы улучшить правописание. Он по-прежнему писал слово «преступник» как «приступник», что является фатальным недостатком любого полицейского департамента. На столе у него стоял транзисторный радиоприёмник, и по залу разносились звуки песни «Тихая ночь, святая ночь» (*рождественский христианский гимн, создан в 1818 году – примечание переводчика*). Карелла прислушался к музыке и догадался, что если лейтенант Бирнс войдёт в эту самую минуту, то Дженеро вернётся на патрулирование ещё до Нового года. Дженеро печатал в такт музыке. Карелла гадал, когда он спросит, как пишется слово «наблюдение».

На часах в отделении было 10:37 утра. Снег, выпавший накануне, закончился незадолго до рассвета, и небо за окном стало голубым и ярким, как подвязка невесты. Через окна отдела доносилось звяканье шинных цепей - подходящий аккомпанемент для песни «Jingle Bells» (*одна из наиболее*

известных песен США, изначально была написана Джеймсом Лордом Пьерпонттом в 1857 году ко Дню благодарения и назвалась «One Horse Open Sleigh», но с течением времени стала восприниматься как рождественская – **примечание переводчика**), которая теперь сменила «Тихую ночь» на транзисторе Дженеро. Сегодня ему не очень хотелось работать. Он сказал близнецам, что отведёт их к Санта-Клаусу как-нибудь на этой неделе, но это было ещё до двойного убийства.

«Где все?», - сказал Хоуз из-за деревянных реечных перил, отделявших помещение отряда от коридора снаружи. «Ты видел это, Стив?», - спросил он и прошёл через ворота в перилах. «У нас тут большая шишка.» Он бросил утреннюю газету на стол Кареллы, а затем подошёл к кулеру с водой. Газета была развёрнута на соответствующей странице.

В некрологе о Грегори Крейге Карелла узнал, что тот написал книгу-бестселлер «Мёртвые тени», предположительно основанную на его собственном опыте общения с призраками в доме, который он арендовал в Массачусетсе три года назад. Книга целый год возглавляла список бестселлеров нехудожественной литературы и была переиздана полгода назад, получив аванс в 1,5 миллиона долларов. В настоящее время в Уэльсе снимается фильм, в котором британская звезда играет Крейга, а целая плеяда известных актрис исполняет эпизодические роли теней, мешающих его долгожданному отпуску. Далее в некрологе говорилось, что перед тем, как выпустить свой нехудожественный блокбастер, он написал полдюжины романов, перечислялись их названия и приводились некоторые из рецензий, которые газета дала ему за последние двенадцать лет. Между последним романом и книгой о призраках был пятилетний перерыв. Единственная наследница, дочь - мисс Эбигейл Крейг. В некрологе не упоминалось убийство Мэриан Эспозито, сопутствующего дела «R-76533».

«Что скажешь?», - Хоуз скомкал бумажный стаканчик, который держал в руках, и бросил его в корзину Кареллы.

«Думаю, они избавили нас от лишней работы», - сказал Карелла и открыл телефонный справочник Айзола.

Когда Эбигейл Крейг открыла им дверь в 11:20 тем утром, на ней был дорогой костюм, сшитый на заказ, шёлковая блузка с повязанным у горла шарфом, коричневые сапоги на высоком каблуке, золотые серьги-обручи. Они сначала позвонили, чтобы спросить, можно ли им приехать, и она согласилась немного неохотно, но они сочли это естественным горем и растерянностью, которые обычно следуют за смертью близкого члена семьи. Сейчас, сидя напротив неё в гостиной, где возвышалась огромная и богато украшенная рождественская ёлка, они не были уверены, что она вообще опечалена или растеряна. Казалось, она была больше заинтересована в том, чтобы добраться до парикмахера, чем в том, чтобы рассказать им что-нибудь об отце. По мнению Хоуза, её волосы были в порядке, да и вся она была в порядке.

Она была одной из тех кремовых блондинок с безупречным цветом лица, которые обычно приписывают англичанкам, занимающимся верховой ездой. У неё были блестящие зелёные глаза, окаймлённые ресницами, такими же светлыми, как её волосы; лицо несколько узкое, с высокими скулами и широким ртом, который выглядел прекрасно даже без помады. Верхняя губа слегка оттопыривалась, демонстрируя безупречно белые зубы, даже когда она молчала. Хоуз любил тех, у кого был избыточный прикус. Хоузу хотелось, чтобы они пришли сюда обменяться рождественскими подарками, а не задавать вопросы о мертвеце, который, похоже, практически не интересовал красавицу, сидевшую напротив него в коричневых сапогах на высоком каблуке, скрестив ноги.

«Извините, что вынуждена вас торопить», - сказала она, - «но у меня встреча в полдень, а Антуан в другом конце города.»

«Мы сожалеем, что вломились в дом таким образом», - сказал Хоуз и улыбнулся. Карелла посмотрел на него. Они вовсе не вламывались. Они позвонили полчаса назад и тщательно подготовили её к своему визиту.

«Мисс Крейг», - спросил Карелла, - «когда вы в последний раз видели своего отца живым?»

«Год назад», - сказала она, поразив его.

«И с тех пор нет?»

«С тех пор нет.»

«Как же так?»

«Как так?», - сказала Эбигейл и изогнула одну бровь. «Я не уверена, что понимаю, о чём вы.» Её голос принадлежал выпускнице колледжа Вассара (*частный университет в городе Покипси, штат Нью-Йорк, основанный в 1861 году, первое высшее учебное заведение для девушек в Соединённых Штатах – **примечание переводчика***) или Брин-Мара (*частный женский гуманитарный университет в городе Брин-Мар, штат Пенсильвания, основан в 1865 году – **примечание переводчика***), после школы Розмари-Холла (*независимая школа для девочек в Гринвиче, штат Коннектикут, основана в 1900 году – **примечание переводчика***) или Вестовера (*независимая школа-интернат для девочек, готовящая к поступлению в колледж, расположена в городе Миддлбери, штат Коннектикут, основана в 1909 году – **примечание переводчика***). В её манере поведения чувствовалось раздражение и нетерпение. Карелла никогда не чувствовал себя комфортно с этими важными, холодными, уравновешенными типами людей, и сейчас она мало что делала, чтобы облегчить его страдания. Он с минуту смотрел на неё, обдумывая свой подход. Он решил выложить всё начистоту.

«Я имею в виду», - сказал он, - «не слишком ли это необычно? Единственная дочь...»

«У него есть ещё одна дочь», - резко ответила она.

«Ещё одна дочь? Мне казалось...»

«Более или менее», - сказала Эбигейл. «Она достаточно молода, чтобы быть его дочерью.»

«Кто это?», - спросил Карелла.

«Хиллари.»

«Вы имеете в виду Хиллари Скотт?»

«Да.»

«Понятно.»

«В самом деле?», - Эбигейл достала сигарету из эмалированной коробки на торцевом столике. Прикурив, она сказала: «Скажу проще», - и выпустила струйку дыма, а затем положила золотую зажигалку обратно на стол. «С тех пор как отец развёлся, мы с ним не ладили. Когда он сошёлся с призраком, это был конец. Точка. Финиш. Занавес.»

«С призраком...?»

«Хиллари.»

«И когда он... стал с ней встречаться, мисс Крейг?»

«Вскоре после публикации «Теней», из ниоткуда стали вылезать вселенские твари с их собственными призраками.»

«Вы имеете в виду «Мёртвые тени?»»

«Шедевр моего отца по зарабатыванию денег», - сказала Эбигейл и затушила сигарету.

«Когда она была опубликована?»

«Издание в мягкой обложке? Полтора года назад.»

«И вскоре после этого он познакомился с Хиллари Скотт?»

«Я не знаю, когда он с ней познакомился. Я узнала о них только на День благодарения год назад. Бог знает, как долго они к тому времени жили вместе. Пригласили меня на большой ужин с индейкой. «Привет, дорогая», - сказала она, широко улыбаясь, - «познакомься с Хиллари Скотт, моей подругой.» Его подруга!» - сказала она, сверкнув глазами. «Долбаная маленькая двадцатидвухлетняя охотница за страшилками.»

Карелла моргнул. Он привык к разным выражениям в отделении и на улицах; нельзя было быть полицейским столько лет, сколько он им проработал, и ожидать, что люди будут говорить только «проклятье» и «дерьмо». Но в этой празднично украшенной гостиной на Холл-авеню непристойности звучали совершенно неуместно. Хоуз же наблюдал за Эбигейл со всевозрастающим вниманием, граничащим с мгновенной одержимостью; ему нравились те, кто говорил ругательства через прикус.

«Итак, в последний раз вы видели своего отца», - сказал Карелла, - «это было...»

«День благодарения в прошлом году. Когда он познакомил меня с призраком. Это было всё. Последняя капля.»

«Какие ещё были поводы?»

«Главным событием стал развод.»

«И когда это было?»

«Семь лет назад. Сразу после публикации «Рыцарей и кавалеров».»

«Это один из его романов, не так ли?»

«Его лучший роман. И последний.» Она взяла из эмалированной коробки ещё одну сигарету, поднесла к ней зажигалку и выпустила струю дыма в сторону Хоуза. «Критики разгромили его. Естественно, он сорвал злость на матери. Решил, что Стефани Крейг, бедняжка, каким-то образом виновата в том, что критики сказали о его книге. Так и не поняв, что книга действительно была чудесной. О, нет. Если критики сказали, что она ужасна, значит, она и должна быть ужасной. И обвинил маму. Винил её за образ жизни - одно из его любимых выражений, - который заставил его написать роман, не получивший всеобщее одобрение. Сказал, что хочет уйти.» Эбигейл пожала плечами. «Сказал, что ему нужно «открыть себя заново» - ещё одно любимое высказывание Грегори Крейга.» Она снова затянулась сигаретой. «И вот он открыл себя заново с таким куском дерьма, как «Тени».»

«Ваша мать ещё жива?», - спросил Хоуз.

«Нет.»

«Когда она умерла?»

«Три лета назад.»

«Как?»

«Она утонула. Они сказали, что это был несчастный случай.»

«Они?»

«Офис коронера в Хэмпстеде, штат Массачусетс.»

«Массачусетс», - сказал Карелла.

«Да. Она утонула в Бухте, в двух милях от того места, где мой отец арендовал свой знаменитый дом с привидениями.»

«Это было через сколько лет после развода?»

«Четыре.»

«И они проводили свои летние каникулы в одном и том же городе?»

«Она так и не смирилась с этим», - говорит Эбигейл. «Она хотела быть рядом с ним. Куда бы он ни поехал...» Она покачала головой.

«Минуту назад, мисс Крейг, вы сказали, что офис коронера...»

«Да.»

«Вы не считаете, что смерть вашей матери была случайной?»

«Она была в команде по плаванию в университете Холмана, когда училась там», - категорично заявила Эбигейл. «Она выиграла три золотые медали.»

Отчёт из передвижной криминалистической лаборатории лежал на столе Кареллы, когда они вернулись в отдел. В нём

говорилося, что замок на двери в квартиру Крейга был с засовом Вейзера (*Weiser, американская фирма, производящая как дверные, так и кодовые замки для сейфов – примечание переводчика*), то есть его можно было отпереть с обеих сторон, изнутри и снаружи, только ключом. Ключа в замке с внутренней стороны двери не было. На косяке не было ни следов отмычек, ни царапин по периметру замка или вокруг замочной скважины, ни следов взлома. Служебный вход в квартиру - открывающийся на кухню из небольшой ниши, уставленной мусорными баками, - также был оборудован засовом Вейзера. И снова никаких следов взлома. Проверка замка на большой двери, ведущей на задний пандус здания, также не выявила следов взлома. Кто бы ни убил Грегори Крейга, он либо жил в этом здании и был знаком с дежурным охранником, либо был знаком с самим Крейгом. Если об убийце сначала сообщил охранник, который в это время где-то катался на лыжах, то Крейг дал добро на то, чтобы отправить его наверх. В комплексе «Харборвью» было шестьдесят квартир. Карелла сделал пометку начать опрос жильцов от двери к двери и ещё одну - попросить лейтенанта Бирнса выделить дополнительную рабочую силу для этого дела - хотя мало шансов получить оную за три дня до Рождества.

В 12:20 того же дня он позвонил в квартиру Крейга, надеясь застать там Хиллари Скотт. Он дал телефону прозвонить ещё дюжину раз, поставил трубку на место, отыскал номер Парасихологического общества в Айзоле и набрал его.

«Я пыталась связаться с вами», - сказала Хиллари.

«Каким образом, мисс Скотт?»

«Разве вы не получили моё сообщение?»

«Нет, простите, я только что вернулся.»

«Я передала сообщение кому-то с таким же итальянским именем, как у вас.»

Карелла посмотрел в другой конец комнаты, где Дженеро ел сэндвич за своим столом, причмокивая в такт «Deck the Halls»

(в переводе «Украсьте залы», традиционная рождественская песня – **примечание переводчика**).

«Простите, по какому поводу вы звонили?» - спросил он.

«По поводу вскрытия. Я так понимаю, они хотят провести вскрытие.»

«Верно, вскрытие обязательно в любом случае подозрительной смерти.»

«Ни в коем случае», - сказала она.

«Мисс Скотт, боюсь, это не то...»

«Что произойдёт, когда сущность Грега перейдёт в другое состояние?», - сказала Хиллари. «Если разрезать его и вынуть внутренности, что произойдёт, когда он попадёт в мир духов?»

«Я ничего не могу с этим поделать», - сказал Карелла. «Вскрытие является обяз...»

«Да, я вас услышала. С кем мне надо поговорить?»

«О чём?»

«Об отмене вскрытия.»

«Мисс Скотт, медицинская экспертиза, вероятно, уже начала работу над телом. Нам крайне важно установить причину смерти, чтобы, когда дело дойдет до суда...»

«Очень важно, чтобы дух Грега перешёл в целости и сохранности!»

«Мне очень жаль.»

На линии повисло молчание.

«Я слышала о слишком многих искалеченных духах», - сказала Хиллари.

«Простите», - повторил он. «Мисс Скотт, причина, по которой я звонил...»

«О слишком многих», - сказала она, и на линии снова повисло молчание. Карелла ждал. Продолжать спор не имело смысла. Вскрытие будет проведено, что бы ни сказала или ни сделала Хиллари Скотт. Как он только что сказал ей, судмедэксперты, вероятно, уже приступили к работе. В морге тело Грегори Крейга вскроют, как говядину, извлекут жизненно важные органы и проверят их, а череп приподнимут, чтобы обнажить мозг. Когда потом труп выставят в похоронном бюро, никто из скорбящих не поймет, что перед ними полая оболочка того, что когда-то было человеком. Молчание затянулось. Карелла решил, что он изложил свою точку зрения.

«Я подумал, не могли бы вы встретиться с нами сегодня в квартире», - сказал он.

«Зачем?»

«Есть вероятность, что мистер Крейг был застигнут врасплох грабителем. Мы хотим знать, не пропало ли что-нибудь, мисс Скотт, а определить это можно только с помощью человека, который знает, что должно быть в квартире.»

«Грега убил не грабитель», - сказала Хиллари.

«Почему вы так утверждаете?»

«Это был призрак.»

Конечно, подумал Карелла. Призрак связал руки Крейга провололочной вешалкой. Призрак нанёс ему девятнадцать ударов в грудь, спину, руки, горло, кисти и голову призрачным ножом, который лаборанты не смогли найти нигде в квартире. Тот самый нож-призрак, который, скорее всего, был использован против Мэриан Эспозито, сопутствующего дела «R-76533».

«Вчера я почувствовала очень сильный поток в той квартире», - сказала Хиллари.

«Вы можете встретиться с нами там через час?», - спросил Карелла.

«Да, конечно», - сказала она. «Но это был не грабитель.»

Если это и не был грабитель, то уж точно кто-то, кто помог себе в приобретении множества вещей в квартире Крейга. По словам Хиллари Скотт, когда она покидала квартиру вчера в десять утра, в бумажнике Крейга в отделении для купюр было около 300 долларов. Она знала об этом, потому что попросила у него денег на такси до офиса, а он разложил пачку пятидесятидолларовых банкнот в поисках более мелких купюр. Денег уже не было, но кредитные карты Крейга - всего их было семь - остались нетронутыми. Из его шкапулки, стоявшей на комодe, пропали золотые наручные часы «Patek Philippe» (*швейцарский производитель часов класса «люкс» – примечание переводчика*) с золотым ремешком, пара золотых запонок «Шлюмберже» (*французский ювелир, известный своими работами в компании «Tiffany & Co.», американском торговом доме по производству престижных ювелирных изделий, известном своими предметами роскоши – примечание переводчика*) с бриллиантами, золотое кольцо на мизинце с камнем ляпис (ляпис-лазурь, также лазурит или лазурик, полудрагоценный непрозрачный камень от сине-фиолетового до голубовато-серого цвета – *примечание переводчика*) и золотой браслет. Хиллари не была уверена в ценности пропавших драгоценностей Крейга, за исключением золотого браслета, который она сама купила ему на прошлое Рождество и который стоил 685 долларов. Она подозревала, что наручные часы «Patek Philippe» стоили где-то в районе 6 500 долларов. Она уточнила, какие именно украшения пропали из шкапулки, которую она хранила в верхнем ящике комода со своей стороны. Все они были подарены ей Грегори Крейгом за те полтора года, что они прожили вместе. Она перечислила следующие украденные вещи:

Браслет «Angela Cummings» (*дизайнер ювелирных украшений, сотрудничающая с «Tiffany & Co.» – примечание переводчика*) из бирманского нефрита и восемнадцатикаратного золота с ручной резьбой по основаниям стоимостью 3 975 долларов.

Ободок со змейками «Elsa Peretti» (*итальянский дизайнер ювелирных изделий и филантроп, а также модель – **примечание переводчика***) из восемнадцатикаратного золота стоимостью 510 долларов.

Один чокер (*короткое ожерелье, которое плотно обхватывает шею – **примечание переводчика***) из восемнадцатикаратного золота с бриллиантами стоимостью 16 500 долларов.

Подвеска с бриллиантом грушевидной формы в платиновой оправе и восемнадцатидюймовой цепочкой из восемнадцатикаратного золота по цене 3 500 долларов.

Один бриллиант изумрудной огранки в платиновом кольце стоимостью 34 500 долларов.

Одна пара серёг из восемнадцатикаратного золота с жемчугом Мабе (*частично культивированный жемчуг, выращивается на прикрепленной к стенке раковины моллюска полусфере, поэтому обладает полусферической формой, также имеет блеск и переливы на поверхности – **примечание переводчика***) по цене 595 долларов.

Одна пара бриллиантовых серёг в платиновой оправе по цене 1 500 долларов.

Верёвочный чокер из восемнадцатикаратных жёлтого и белого золота по цене 2 950 долларов.

Один браслет из восемнадцатикаратных розового, жёлтого и белого золота стоимостью 1 250 долларов.

И два браслета из четырнадцатикаратного золота по 575 долларов каждый.

Помимо украденных из шкатулки драгоценностей, она рассказала, что из ящика комода пропали сумочка «Elsa Peretti» в форме фасоли, лакированная под дерево магнолии и украшенная двадцати четырьмя каратами золота, стоимостью 2500 долларов и часы-браслет «Chopard» (*швейцарский производитель часов и ювелирных украшений премиум класса – **примечание переводчика***) из восемнадцатикаратного золота

с бриллиантами стоимостью 14 500 долларов. Она хранила часы в оригинальном футляре, в котором они попали к ней; футляр всё ещё лежал в ящике стола: чёрный бархат снаружи, белая атласная подкладка - но часы исчезли. Она знала стоимость драгоценностей, которые подарил ей Крейг, потому что недавно они сделали страховую оценку всех этих украшений.

«Но не его украшений?», - спросил Карелла.

«Да, и его тоже. Но нам пришлось оформить отдельные страховые полисы, потому что мы не женаты. Я знала только о тех, что досталось мне.»

«И сколько было в сумме?», - спросил Хоуз.

«Навскидку, это было ровно восемьдесят три тысячи четыреста тридцать долларов.»

«Многовато для вещей, хранимых в ящике комода», - говорит Карелла.

«Грег планировал купить настенный сейф», - сказала Хиллари. «В любом случае, всё было застраховано. И кроме того, охрана здесь очень хорошая. Мы бы не стали снимать квартиру, если бы нам не обещали такую надёжную охрану.»

«Что-нибудь ещё пропало?», - сказал Хоуз.

«На нём было кольцо из колледжа?», - спросила Хиллари.

«На теле не было никаких украшений.»

«Тогда оно тоже пропало.»

«Какой колледж?», - спросил Карелла.

«Университет Холмана. Там он встретил свою бывшую жену.»

«Что за кольцо?»

«Золото с аметистовым камнем.»

«Где он его носил?»

«На безымянном пальце правой руки.»

Карелла вспомнил таблицу ран: резаная рана на внутренней стороне безымянного пальца правой руки. Использовал ли убийца нож, чтобы снять кольцо с пальца Крейга? Пришёл ли он в квартиру вооружённым или воспользовался ножом, который нашёл на улице? Если он пришёл сюда специально для того, чтобы совершить кражу со взломом, то как ему удалось пройти через «строгую» охрану внизу? Стал бы Крейг впускать в квартиру незнакомца, который впоследствии украл драгоценности на сумму более 83 000 долларов и убил его перед уходом? Но Хиллари Скотт настаивает, что это был не грабитель.

«Поток сильнее всего в этой комнате», - сказала она. Она подошла к столу, стоящему напротив окон, и положила руки на его поверхность. «Он был здесь, за столом.»

«Он?»

«Мужской дух», - сказала она, слегка проведя руками по рабочему столу. «Молодой. Чёрные волосы и карие глаза.» Её собственные глаза были закрыты, её руки слегка порхали по поверхности стола, она покачивалась, когда говорила. «Ищет что-то. Ищет. Беспокойный. Беспокойный дух.»

Карелла посмотрел на Хоуза. Хоуз ответил взглядом. Карелла размышлял, как человек, так сильно похожий на его жену, может быть настолько чокнутым. Хоузу стало интересно, какой она будет в постели - не впадёт ли она в транс от всего этого потока? И тут же почувствовал, что такое представлять недопустимо, потому что эта чёртова девица так похожа на Тедди Кареллу. Он отвернулся от взгляда Кареллы, словно опасаясь, что его мысли могут быть прочитаны.

«Что-нибудь пропало со стола?», - спросил Карелла.

«Можно открыть?», - сказала она. «Ваши люди уже закончили?»

«Пожалуйста», - сказал Карелла.

Она открыла ящик с выемками для коленей. На дне ящика лежали скрепки, резинки и карандаши. Приспособление для удаления скоб. Коробка с бирками для ключей. Коробка с

листочками для приклеивания. Она закрыла этот ящик и открыла ящик для бумаг справа. В нём лежала пачка проиндексированных папок с названиями.

«Это почерк Крейга?», - спросил Карелла.

«Да, ш-ш-ш.»

«Что это за имена?»

«Призраки», - сказала она, - «ш-ш-ш», - и слегка провела руками по папкам. «Он искал здесь.»

«Если он это делал», - сказал Хоуз, - «у лаборантов будут отпечатки.»

«Духи не оставляют отпечатков пальцев», - сказала она, и Карелла подумал, что она спятила.

«Эти имена...»

«Да, призраки», - сказала она. «Случаи, которые он планировал расследовать на предмет подлинности. С тех пор как он написал «Тени», он получал звонки и письма со всего мира, люди сообщали о призраках.»

«Пропало ли ещё что-нибудь, можете сказать?», - спросил Хоуз.

«Нет, но он был здесь. Я знаю, что он был здесь.»

Она закрыла ящик с папками и открыла ящик над ним. Пачка жёлтой манильской бумаги (*производится из манильской пеньки, растительного, грубого, значительно одеревенелого волокна, получаемого из растений семейства банановых – **примечание переводчика***), больше ничего. «И здесь тоже», - сказала она. «Искал, искал.»

«Хранил ли мистер Крейг когда-нибудь в этом столе что-нибудь ценное?», - спросил Карелла.

«Его бумаги чрезвычайно ценны», - сказала Хиллари и резко открыла глаза.

«Может быть, он что-то искал», - сказал Хоуз. «Разбросанные всюду вещи это предполагают.»

«Да, конечно», - сказала Хиллари.

«И нашёл кое-что», - сказал Карелла.

Хиллари посмотрела на него.

«Драгоценности на сумму более восьмидесяти трёх тысяч долларов.»

«Нет, это было не то. Это было что-то другое. Я не знаю, что», - сказала она и провела руками по воздуху, словно пытаясь коснуться чего-то, чего детективы не могли увидеть.

«Давайте проверим кухню», - сказал Карелла. «Я хочу, чтобы вы сказали нам, не пропали ли какие-нибудь ножи.»

Они осмотрели кухню. На магнитной настенной стойке над столешницей висели семь ножей разного размера, один из них - поварской нож длиной десять дюймов. По словам Хиллари, все ножи были на месте. Они открыли ящики шкафа. Она пересчитала столовые приборы и ассортимент ножей для нарезки и разделки в лотке и сказала, что ничего не пропало.

«Значит он пришёл сюда с ножом», - сказал Карелла.

Хиллари снова закрыла глаза, снова широко расставила пальцы и прижала ладони к пустому воздуху. «Что-то искал», - сказала она. «Что-то.»

Именно Коттон Хоуз подвергся нападкам со стороны Уоррена Эспозито. Возможно, это было вполне заслуженно; Хоуз мог бы встретить такое же негодование в любом крупном городе мира, не исключая Пекин и Москву. Какой бы ни была политика той или иной страны, факт оставался фактом: если ты сбил с ног кого-то на виду у публики, это действие привлечёт больше внимания полиции, чем убийство пьяницы или проститутки с чешуйчатой кожей на ногах. Мэриан Эспозито не была ни пьяницей, ни проституткой; на самом деле она работала

секретарём в фирме, специализирующейся на продаже сувениров методом почтовой рассылки. Но в том, что она была несколько менее значима, чем Грегори Крейг, писатель бестселлеров, сомневаться не приходилось. Пока её муж, Уоррен, в ярости метался по помещению отдела, Хоуз размышлял, уделили бы они её делу столько же внимания, сколько делу Крейга, если бы её нашли с девятнадцатью ножевыми ранениями, а его - лежащим у здания с одной колотой раной. Он решил, что приоритеты были бы одинаковыми. Крейг был «важен», а Мэриан Эспозито - всего лишь ещё один труп в городе, где трупы появлялись как грибы.

«Так какого чёрта вы делаете?», - крикнул Эспозито. Это был высокий, крупный мужчина с густыми чёрными волосами и пронизательными карими глазами. В этот пятничный день он был одет в синие джинсы и водолазный свитер, а флисовая подкладка его автомобильного пальто была распахнута и развевалась, когда он шагал по полу. «Ради всего святого, ко мне даже не пришёл ни один полицейский! Мне пришлось сделать шесть звонков, прежде чем я узнал, куда они её увезли! Разве так бывает в этом городе? Женщину закалывают ножом перед её собственным домом, а полиция замечает её под ковер, как будто её и не было?»

«Есть сопутствующее дело», - неуверенно сказал Хоуз.

«Мне плевать на сопутствующее дело!», - крикнул Эспозито. «Я хочу знать, что вы делаете, чтобы найти убийцу моей жены.»

«Это наше предположение...»

«Предположение?», - сказал Эспозито. «Вот что вы здесь делаете? Предполагаете?»

«Это наше мнение...»

«О, теперь это мнение.»

«Мистер Эспозито», - сказал Хоуз, - «мы думаем, что человек, убивший Грегори Крейга, лишь случайно убил вашу жену. Мы думаем, что он мог быть...»

«Случайно? Разве это случайность, когда кто-то вонзает нож в сердце женщины? Господи!»

«Возможно, это был неудачный выбор слов», - сказал Хоуз.

«Да, возможно», - ледяным тоном сказал Эспозито. «Моя жена мертва. Кто-то убил её. У вас нет никаких оснований полагать, что это тот же человек, что убил того писателя на третьем этаже. Вообще никаких оснований. Но он же знаменитость, верно? Поэтому вы сосредоточили все свои усилия на нём, а тем временем тот, кто убил Мэриан, разгуливает на свободе где-то там», - сказал он и, повернувшись, указал на окна, а затем снова повернулся лицом к Хоузу, - «а я даже не могу выяснить, где находится её тело, чтобы организовать похороны.»

«Она в морге Буэна-Виста», - сказал Хоуз. «Они закончили вскрытие. Вы можете...»

«Да, я знаю, где она. Знаю после шести телефонных звонков и беготни по всем полицейским управлениям. Кто у вас тут отвечает на звонки? Монгольские идиоты? Первые два раза, когда я звонил, никто даже не слышал о моей жене! Мэриан Эспозито, сэр? Кто это, сэр? Вы звоните, чтобы сообщить о преступлении, сэр? Можно подумать, у кого-то украли чёртов велосипед, а не...»

«Большинство звонков в полицию поступает в центр города, в отдел связи», - сказал Хоуз. «Я понимаю ваш гнев, мистер Эспозито, но нельзя же ожидать, что диспетчер, который каждый час обрабатывает сотни звонков, будет знать подробности дела...»

«Ладно, кто знает подробности дела?», - сказал Эспозито. «Вы их знаете? Мне сказали внизу, что вы детектив, который ведёт дело моей жены. Итак, хорошо, что вы...?»

«Мы с партнёром, именно так», - сказал Хоуз.

«Так какого чёрта вы делаете?», - сказал Эспозито. «Её убили вчера. У вас есть какие-нибудь зацепки, вы хотя бы знаете, с чего начать?»

«Каждый раз мы начинаем одинаково», - сказал Хоуз. «Мы начинаем так, как начали бы вы сами, мистер Эспозито. У нас есть труп - в данном случае два трупа - и мы не знаем, кто сделал их трупами, и пытаемся это выяснить. Это не так, как в кино или на телевидении. Мы не задаём вопросов с подвохом и не получаем внезапных озарений. Мы делаем работу, изучаем всё, что нам попадается, каким бы неважным оно ни казалось, и пытаемся выяснить причину. Вот так, мистер Эспозито, мы занимаемся расследованием преступлений. В полицейской работе нет загадок. Есть только преступления, и человек или люди, совершившие эти преступления. При вооружённом ограблении мы знаем причину ещё до того, как ответим на телефонный звонок. При убийстве, если нам удаётся выяснить причину, мы часто можем узнать, кто именно - если нам повезёт. В данный момент у нас в открытом архиве три сотни нераскрытых убийств. В следующем году мы сможем раскрыть поддюжины из них - если повезёт. Если же нет, то убийца останется где-то на свободе, - он указал на окна, как ранее Эспозито, - и мы никогда его не поймаем. Убийство - это одноразовое преступление, за исключением тех случаев, когда убийца - сумасшедший или преступник, который убивает при совершении другого преступления. Обычный убийца убивает один раз и больше никогда. Либо мы ловим его и сажаем за решётку, и у него больше никогда не будет шанса убить, либо он сворачивает палатку и исчезает.»

Эспозито уставился на него.

«Мне очень жаль», - сказал Хоуз. «Я не хотел произносить речь. Мы знаем о вашей жене, мистер Эспозито, мы очень хорошо знаем о ней. Но мы считаем, что главным было убийство в квартире 304, и именно с него мы начнём. Когда мы найдём убийцу Грегори Крейга, мы найдём и того, кто убил вашу жену. Так мы считаем.»

«А что, если вы ошибаетесь?», - сказал Эспозито. Его гнев угас; он стоял, засунув руки в карманы пальто на флисовой подкладке, и искал на лице Хоуза хоть какое-то подтверждение.

«Если мы ошиблись, то начнём все сначала. С самого начала», - сказал Хоуз и понадеялся, что они не ошиблись.

Звонок от Джерри Мандела, охранника-лыжника, раздался как раз в тот момент, когда Карелла и Хоуз собирались домой. К тому времени они успели безрезультатно пообщаться с лейтенантом Бирнсом, который сказал им, что не может удваивать команду в Рождество, и посоветовал, чтобы они в одиночку обследовали Харборвью от двери до двери, даже если это займёт их до Дня святого Свитуна, когда бы он ни наступил (*день поминовения 2 июля в Норвегии и 15 июля в Англии – примечание переводчика*). Кроме того, он сообщил им, что ему позвонил адвокат некоего Уоррена Эспозито, который утверждал, что убийство Грегори Крейга рассматривается предпочтительнее, чем убийство жены его клиента, и если кто не начнёт трясти задницами, то они услышат об этом от друга адвоката, который, как оказалось, работает в центре города в окружной прокуратуре. Бирнс напомнил им, что в этом честном городе убийство, возможно, является единственным великим уравниателем и что, независимо от расы, религии, пола или профессии, с одним трупом следует обращаться точно так же, как со следующим - и Карелла, и Хоуз приняли это наставление с досадой.

Затем они получили протоколы вскрытия Грегори Крейга и Мэриан Эспозито, но эти заумные медицинские трактаты почти ничего не добавили им, чего бы они уже не знали. Они бы сразу сдали свои полицейские значки, если бы хотя бы не подозревали, что причинами смерти были множественные ножевые ранения в случае Грегори Крейга и одно ножевое ранение в случае Мэриан Эспозито. Медицинским экспертам не платили за то, чтобы они строили догадки - нигде в связанных отчётах не было ни малейшего предположения, что в обоих убийствах могло быть использовано одно и то же орудие. Из отчётов следовало, что Грегори Крейг выпивал перед убийством; концентрация алкоголя в мозге составляла 16 промилле (*одна тысячная доля или 1/100 процента, обозначается ‰ – примечание переводчика*), а миллиграмм этилового

спирта на миллилитр крови - 2,3. Анализ мозга показал, что Крейг достиг той стадии сравнительного опьянения, когда физиологическим эффектом было «снижение чувства осторожности». Анализ крови показал, что он был «определённо в состоянии опьянения». Они записали, что нужно выяснить у «девицы-призрака» - они уже начали называть её так - не пили Крейг во время работы. Карелла вспомнил о двух чистых стаканах рядом с графином в гостиной и задался вопросом, не помыл ли их убийца после убийства. В списке вещей, найденных в спальне, не было ни бутылки виски, ни стакана.

Звонок от Джерри Мандела раздался в 18:20. Карелла как раз доставал из ящика стола свой пистолет 38-го калибра Chiefs Special («Смит и Вессон» модель 36, короткоствольный револьвер, выпущенный в 1950 году, предназначенный для повседневного и скрытого ношения сотрудниками правоохранительных органов США – **примечание переводчика**), собираясь пристегнуть его к поясу, когда зазвонил телефон. Он выхватил трубку из подставки и взглянул на часы. Он занимался этим делом с восьми утра, и больше ничего не мог сделать сегодня, разве что обстучать шестьдесят дверей в Харборвью, чего ему не хотелось делать до утра.

«87-й участок, Карелла», - сказал он.

«Могу я поговорить с детективом, который занимается убийствами в Харборвью?», - сказал голос.

«Я этот детектив», - сказал Карелла.

«Это Джерри Мандел. Я слышал по радио, что здесь...»

«Да, мистер Мандел», - сразу же ответил Карелла.

«Да, мистер Крейг был убит, и я позвонил в здание, чтобы выяснить, что случилось. Я разговаривал с Джимми Карлсоном со смены с шести до полуночи, и он сказал, что вы пытаетесь найти меня. И вот я здесь.»

«Хорошо, я рад, что вы позвонили, мистер Мандел. Вы работали вчера с полудня до шести?»

«Так и было.»

«Кто-нибудь приходил в здание и спрашивал мистера Крейга?»

«Да, кое-кто делал это.»

«Вы помните, кто это был?»

«Человек по имени Дэниел Корбетт.»

«Когда это было?»

«Около пяти часов. Снег только начинался.»

«Вы сообщили о нём мистеру Крейгу?»

«Да.»

«И что сказал мистер Крейг?»

Он сказал: «пропустите его немедленно.»

«Он поднялся?»

«Да, это так.»

«Вы видели, как он поднимался?»

«Я видел, как он заходил в лифт, да.»

«Примерно в пять часов?»

«Примерно так.»

«Вы видели, как он снова спускался?»

«Нет, не видел.»

«Вы сменились в шесть...»

«Примерно через четверть часа, когда Джимми сменил меня.
Джимми Карлсон.»

«И этот человек - Дэниел Корбетт - не спускался, пока вы были на дежурстве, это так?»

«Нет, сэр, не спускался.»

«Можете сказать, как он выглядел?»

«Да, он был молодым человеком, я бы сказал, лет двадцати - тридцати, у него были чёрные волосы и карие глаза.»

«Во что он был одет?»

«Тёмное пальто, коричневое или чёрное, точно не помню. И тёмные брюки. Я не смог разглядеть, был ли на нём костюм или спортивная куртка под пальто. На шее у него был жёлтый шарф. А в руках он нёс чемоданчик.»

«На нём была шляпа?»

«Был без шляпы.»

«Перчатки?»

«Я не помню.»

«Вы не знаете, как пишется его имя?»

«Я его не спрашивал. Он сказал Дэниел Корбетт, и именно это имя я назвал мистеру Крейгу по телефону.»

«И мистер Крейг сказал: «пропустите его немедленно», это верно?»

«Это были его точные слова.»

«Где вы находитесь, если вы мне понадобится?» - спросил Карелла.

«Домик «Три дуба», Маунт-Семани.»

«Спасибо, вы мне очень помогли.»

«Мне очень нравился мистер Крейг», - сказал Мандел и повесил трубку.

Карелла положил трубку обратно на подставку, с ухмылкой повернулся к Хоузу и сказал: «Нам везёт, Коттон.»

Их удача закончилась почти сразу.

Ни в одном из пяти телефонных справочников города Дэниел Корбетт не значился. Полагаясь на то, что Хиллари Скотт могла его знать, они позвонили ей в квартиру и не удивились, когда там не ответили на звонок: мало кто предпочитает оставаться на ночь в квартире, где было совершено убийство. Они позвонили в её офис и поговорили с женщиной, которая сказала, что все ушли домой, а она всего лишь уборщица. Они поискали в справочнике Айзолы второе имя - Хиллари Скотт. Таковых снова не нашлось. Они проверили список из шестидесяти четырёх Скоттов в телефонной книге, надеясь, что кто-то из них может быть связан с «девицей-призраком». Никто из тех, кому они звонили, не имел ни малейшего представления о том, кем может быть Хиллари Скотт.

В конце концов, придётся подождать до утра.

Хиллари Скотт позвонила Карелле домой в 8:30 утра в субботу. Он был ещё в постели. Приподнявшись на локте, он снял трубку телефона, стоявшего на ночном столике.

«Привет», - сказал он.

«Вы пытались связаться со мной?»

«Да», - сказал он.

«Я почувствовала это», - сказала Хиллари. «По какому поводу?»

«Откуда у вас мой номер телефона?», - спросил он.

«Из телефонной книги.»

Слава Богу, подумал он. Если бы она выудила номер его домашнего телефона из воздуха, он бы начал верить во всякие вещи. И в самом деле, было что-то жутковатое в том, что он разговаривал с ней по телефону, представляя её во время разговора, вызывая в памяти почти дублирующий образ своей жены, которая лежала рядом с ним, обхватив руками подушку, её чёрные волосы разметались по наволочке. Тедди Карелла была глухонемой; она не слышала звонка телефона; она не слышала сейчас и разговора Кареллы с женщиной, которая была так похожа на неё. Он вдруг подумал, что если бы у Тедди был голос, то он звучал бы так же, как у Хиллари Скотт.

«Вы ведь пытались найти меня в квартире, не так ли?», - сказала она.

«Да.»

«Я уже здесь», - сказала она. «Я вернулась, чтобы взять одежду. Поток был сильнее всего вокруг телефона.»

«Да, хорошо», - сказал он. «Не могли бы вы сказать, где вы сейчас остановились, просто на случай если мне понадобится...?»

«Вы можете связаться со мной у моей сестры», - сказала она.
«Её зовут Дениз Скотт; её номер - Гарднер 4-7706. Лучше запишите его, он не входит в список телефонной книги.»

Он уже записал его. «А адрес?», - сказал он.

«3117 Ластер Драйв. Что вы хотели, детектив Карелла?»

«Охранник, который обычно дежурит в Харборвью с полудня до шести, позвонил вчера вечером. Джерри...»

«Джерри Мандел, да.»

«Да. Он сказал, что в день убийства в пять часов вечера к мистеру Крейгу приходил посетитель. Человек по имени Дэниел Корбетт. Это имя вам о чем-нибудь говорит?»

На линии повисло молчание.

«Мисс Скотт?»

«Да. Дэниел Корбетт был редактором Грега в «Тенях».»

«Мне его описали как молодого человека с чёрными волосами и карими глазами.»

«Да.»

«Мисс Скотт, когда мы вчера были в квартире...»

«Да, я знаю, что вы хотите сказать. Дух, которого я описала.»

«Молодой мужчина, как вы сказали. Чёрные волосы и карие глаза.» Карелла сделал паузу. «У вас были какие-то причины для...?»

«Поток был сильнее всего у стола.»

«Кроме потока.»

«Только поток», - сказала она.

«Но вы же знаете Дэниела Корбетта.»

«Да, я его знаю.»

«Действительно ли он молодой человек?»

«Тридцать два года.»

«С чёрными волосами и карими глазами?»

«Да.»

«Как мне связаться с ним, мисс Скотт?»

«Через «Харлоу Хаус».»

«Где это?»

«Это название издательской фирмы. «Харлоу Хаус». Располагается на Джефферсон и Ллойд.»

«Сегодня суббота. Вы не знаете его домашний телефон?»

«Я уверена, что Грег записал его номер в своей записной книжке.»

«Вы сейчас в спальне?»

«Нет, я в гостиной.»

«Не могли бы вы пройти в спальню и поискать для меня номер телефона?»

«Да, конечно. Но вчера я чувствовала не Дэниела. Это вообще был не Дэниел.»

«Даже в таком случае...»

«Да, одну минуту, пожалуйста.»

Он ждал. Рядом с ним Тедди перевернулась и зашевелилась, а затем приподнялась и, моргая, оглянулась в комнате. На ней была ночная рубашка кремового цвета, которую он подарил ей на день рождения. Она потянулась, улыбнулась ему, поцеловала в щеку, быстро встала с кровати и направилась через всю комнату в ванную. Трусиков не было. Из-под кружевного подола короткого платья выглядывали сведенные полумесяцы ее ягодиц. Он наблюдал за ней, пока она пересекала комнату, на мгновение забыв, что она его собственная жена.

«Алло?», - сказала Хиллари.

«Да, я здесь.»

Дверь в ванную закрылась. Он снова обратил всё своё внимание на собеседницу по телефону.

«У меня есть два его номера», - сказала Хиллари. «Один в Айзоле, а другой в Грейслендсе, на севере штата. У него там есть дом, куда он ездит по выходным.»

«Продиктуйте мне оба номера, пожалуйста.» В ванной он услышал, как спускается унитаз, а затем как открывается водопроводный кран. Он записал номера и сказал: «Спасибо, мисс Скотт, я с вами свяжусь.»

«Это был не Дэниел», - сказала она и повесила трубку.

Тедди вышла из ванной. Её волосы были растрепаны, лицо бледное, без макияжа, но тёмные глаза блестели и были ясными, и он смотрел, как она идёт к кровати, и, наверное, в тысячный раз благодарил феноменальную удачу, которая привела её в его жизнь больше лет назад, чем он хотел бы помнить. Она уже не была той юной девушкой, которую он знал тогда, в её возрасте она не обладала стройным телом двадцатидвухлетней Хиллари Скотт, но её грудь всё ещё была упругой, ноги длинными и гибкими, и она следила за своим весом, как ястреб. Она уютно устроилась рядом с ним, пока он набирал первый из номеров, которые дала ему Хиллари. Её рука забралась под одеяло.

«Алло?», - сказал мужской голос.

«Мистер Корбетт?»

«Да?», - Голос звучал немного раздражённо. Карелла понял, что сейчас ещё только девять часов субботнего утра - не менее рождественского уик-энда. Под одеялом лежала знакомая рука Тедди.

«Извините, что беспокою вас с утра пораньше», - сказал Карелла. «Это детектив Карелла из 87-го полицейского участка. Я расследую убийство Грегори Крейга.»

«О. Да», - сказал Корбетт.

«Я подумал, не зайти ли мне чуть позже сегодня утром», - сказал Карелла. «Есть несколько вопросов, которые я хотел бы вам задать.»

«Да, конечно.»

Карелла посмотрел на прикроватные часы: «Десять часов - это нормально?»

Рядом с ним Тедди прочитала его слова по губам и покачала головой.

«Или одиннадцать», - поправил Карелла, - «в зависимости от того, что вам удобнее.»

«Одиннадцать было бы лучше», - сказал Корбетт.

«Могу я узнать адрес, пожалуйста?»

Корбетт продиктовал ему адрес. Пока Карелла писал, рука Тедди становилась всё настойчивее.

«Увидимся в одиннадцать», - сказал он, - «большое спасибо», - повесил трубку и повернулся к ней.

«Сначала я должен позвонить Коттону», - сказал он.

Она закатила глаза к небу.

«Это займёт всего минуту.»

Она отпустила его так же внезапно, как и схватила, и со вздохом откинулась на подушку, закинув руки за голову, постельное бельё опустилось до бедер, а короткое платье небрежно обнажило чёрную треугольную копну волос под подолом.

«Коттон», - сказал он, - «я договорился о встрече с Дэниелом Корбеттом на одиннадцать часов. Он в Квартале. Ты можешь встретиться со мной там?»

«Как ты его нашёл?», - спросил Хоуз.

«Звонила «девица-призрак».»

«Ни с того ни с сего?»

«Поток. Запиши это, ладно?», - сказал Карелла и зачитал адрес.
«Одиннадцать часов.»

«Увидимся там», - сказал Хоуз и повесил трубку.

Карелла положил трубку обратно на подставку и повернулся к Тедди. Её руки по-прежнему были заведены за голову, а на лице застыло выражение полнейшей скуки.

«Хорошо», - сказал он.

Она резко села. Её руки затрепетали в воздухе. Он наблюдал за её пальцами, читая слова, которые они складывали, а потом усмехнулся.

«Что значит, у тебя болит голова?», - спросил он.

Её руки снова задвигались, плавно и легко.

«У меня всегда болит голова, когда люди слишком долго разговаривают по телефону», - сказала она.

«Я уже не разговариваю», - сказал он.

Она легкомысленно пожала плечами.

«Так что ты ещё скажешь?»

Она снова пожала плечами.

«Хочешь немного подурочиться?», - спросил он, ухмыляясь.

Её глаза дымчато сузились, подражая звездам немого кино. Она провела языком по губам. Она спустила одну бретельку платья с плеча, обнажив грудь. «Я хочу много дурочиться, большой

мальчик», - сказала она, снова облизнула губы и жадно прильнула к его рукам.

В субботу перед Рождеством Квартал был переполнен покупателями, которые в последнюю минуту забегали на тротуары и заглядывали в магазины в поисках выгодных предложений, которые им никогда не найти. Было время, не так много десятилетий назад, когда этот район города ещё называли Кварталом художников и когда здесь можно было найти первоклассные картины или скульптуры, серебряные и золотые украшения ручной работы, изделия из кожи, равные тем, что выделывают во Флоренции, роскошные художественные книги и гравюры, блузки и плавки, сшитые вручную в Мексике, резьбу по дереву и нефрит, керамику и экзотические растения - и всё это по разумным ценам. Те времена ушли навсегда, Герти (*персонаж комиксов о детективе Дике Трейси – примечание переводчика*). Здесь больше нельзя было арендовать чердак и голодать в нём. Больше нельзя было найти ничего качественного по заоблачным ценам. Название сменилось много лет назад, а вместе с ним исчезла и уникальность района; теперь Квартал был лишь ещё одной туристической достопримечательностью в городе, который расставлял свои ловушки, как торговец пушниной. И всё равно покупатели приходили сюда, надеясь найти здесь что-то такое, чего они не могли найти в модных магазинах на Холл-авеню в центре города.

Как и повсюду в городе, фонарные столбы теперь были увиты рождественскими верёвками и гирляндами из хвои и остролиста. Витрины магазинов были забрызганы облаками белой краски в тщетной попытке имитировать мороз. За стеклянными витринами клумбы с хлопком, усыпанные голубыми блестками, должны были навевать воспоминания о заснеженных лугах. Огромные рождественские ели на всё ещё существующих площадях и скверах были украшены лампочками, которые слабо светились в предутреннем сумраке. Небо снова стало пасмурным, а убранный снег в водосточных трубах приобрёл любимый цвет города - серый от грязи.

Тротуары были очищены от снега лишь частично, и приходилось преодолевать коварные ледяные участки. Но ничто не мешало заядлым поздним покупателям. Они неслись вперёд, как лососи, плывущие вверх по течению, чтобы спариться в ледяной воде.

Дэниел Корбетт жил в одном из сохранившихся в этом районе особняков. Чёрная кованая ограда ограждала небольшой дворик, вымощенный сланцем, и вела к скрытой парадной двери дома в переулке, отгороженном от боковой улицы рощей австралийских сосен. Дверь была выкрашена в ярко-оранжевый цвет, а на ней висел массивный латунный стук. Если бы дверь находилась рядом с тротуаром, оной бы украли за десять минут. Но Карелла решил, что Корбетт всё равно сильно рискует, оставляя таковой висеть на улице в приглашающем свете. Он поднял тяжёлую латунную болванку и дал ей упасть. Раз, два, ещё раз. Хоуз посмотрел на него.

«Он знает, что мы придём, не так ли...?»

Дверь открылась.

Дэниел Корбетт был молодым и красивым мужчиной с прямыми чёрными волосами и карими глазами, аквилонским (*Аквилония, основанный до нашей эры итальянский город – **примечание переводчика***) носом из «Истории упадка и разрушения Римской империи» (*труд британского историка Эдварда Гиббона, изданный в 1776 году – **примечание переводчика***), ртом из «Острия бритвы» (*роман Сомерсета Моэма, описывающий эпоху между двумя мировыми войнами, изданный в 1944 году – **примечание переводчика***) и челюстью из «Брайтонского леденца» (*детективный роман Грэма Грина, опубликованный в 1938 году – **примечание переводчика***). Кроме того, на нём был красный пиджак для курения с чёрным бархатным воротником, прямо из «Больших надежд» (*тринадцатый роман Чарльза Диккенса, изданный в 1861 году – **примечание переводчика***). В целом это был литературный человек.

«Мистер Корбетт?», - сказал Карелла.

«Да?»

«Детективы Карелла и Хоуз», - сказал он и показал свой полицейский значок.

«Да, входите, пожалуйста», - сказал Корбетт.

То, что Корбетт обещал во плоти, теперь полностью воплотилось в оболочке. Облицованное деревом фойе открывалось в библиотеку, уставленную книжными полками, которые выдерживали вес продукции целого издательства за последние десять с лишним лет. Книги в обложках всех цветов спектра добавляли праздничную ноту к богатым ореховым панелям. Книги, переплетённые в роскошную кожу, придавали им особую актуальность. В очаге пылал огонь, в котором плясали жёлтые, красные и голубые языки пламени, несомненно, созданные химической пропиткой. В углу комнаты стояла рождественская ёлка, украшенная изящными немецкими украшениями ручной выдувки и миниатюрными ёлочными гирляндами гонконгского производства. Корбетт подошёл к тому месту, где оставил трубку, горевшую в пепельнице рядом с красным кожаным креслом. Он поднял трубку, сделал затяжку и сказал: «Пожалуйста, садитесь». Карелла огляделся в поисках доктора Ватсона, но не увидел его нигде. Он сел в одно из двух мягких кресел напротив красного кожаного кресла. Ему захотелось позвонить в колокольчик. Ему захотелось снять туфли и надеть бархатные тапочки. Он хотел приготовить рождественского гуся. Он хотел с нетерпением ждать Дня подарков (*отмечается во второй день Рождества, также совпадает с христианским фестивалем в День святого Стефана – **примечание переводчика***), что бы в одной ни дарилось. Хоуз сел в кресло рядом с ним. Корбетт, как и подобает хозяину дома, сидел в красном кожаном кресле и попыхивал трубкой.

«Итак», - сказал он.

«Итак», - сказал Карелла. «Мистер Корбетт, я сразу перейду к делу. В четверг днём, около пяти часов - примерно за два часа

до того, как было найдено тело мистера Крейга, - человек по имени Дэниел Корбетт прибыл в Харборвью и объявил о себе...»

«Что?», - сказал Корбетт и чуть не выронил трубку.

«Да, - так он объявил охраннику в вестибюле. Охранник позвонил наверх, и мистер Крейг сказал ему, чтобы Корбетт немедленно поднялся. Корбетт был описан...»

«Дэниел Корбетт?»

«По описанию это был молодой человек с чёрными волосами и карими глазами.»

«Невероятно», - сказал Корбетт.

«М-м-м», - сказал Карелла. «Так где вы были в четверг в пять часов дня?»

«В офисе», - сказал Корбетт.

««Харлоу Хаус»?»

««Харлоу Хаус».»

«Кто-нибудь был с вами?»

«Всего-то весь персонал. У нас была ежегодная рождественская вечеринка.»

«Во сколько началась вечеринка, мистер Корбетт?», - спросил Хоуз.

«В три часа.»

«И когда всё закончилось?»

«Примерно в семь тридцать.»

«Вы были там всё время?»

«Совершенно верно.»

«С кем-то конкретным или со всем персоналом?»

«Я провёл некоторое время с людьми, которые могут поручиться за моё присутствие.»

«Кто эти люди?», - спросил Карелла. «Можете ли вы назвать их имена?»

«Ну... один человек, в частности.»

«Кто именно?»

«Один из наших редакторов книг для несовершеннолетних, женщина по имени Присцилла Ламбет.»

«Вы были с ней в пять часов?»

«Да, наверное, в пять часов.»

«И вы говорите, что она это подтвердит?»

«Ну... я не уверен, что она это сделает.»

«Почему бы и нет?»

«Она замужем, видите ли.»

«И что?»

«Так что она может не захотеть признать, что была в... несколько компрометирующем положении.»

«Насколько компрометирующим было положение?», - спросил Хоуз.

«Я трахал её на диване в её кабинете», - сказал Корбетт.

«О», - сказал Хоуз.

«В пять часов?», - сказал Карелла.

«В пять часов и ещё раз в шесть часов.»

«Вы знаете её домашний телефон?»

«Вы, надеюсь, не собираетесь звонить ей?», - сказал Корбетт.

«Мы можем навестить её вместо этого.»

«Правда, господа...»

«Мистер Корбетт, один из ваших авторов был убит в прошлый четверг, и человек, подходящий под ваше описание и назвавший ваше имя, по сообщениям, был на месте преступления за два часа до того, как было найдено тело. Это серьезно, мистер Корбетт. Мы не хотим разрушать счастливые браки, но если миссис Ламбет не подтвердит, что вы были с ней в пять часов, а не поднимались на лифте в квартиру Крейга...»

«Её номер Хигли 7-8021.»

«Можно воспользоваться телефоном?»

«Да, конечно», - сказал Корбетт и указал на телефон, стоящий в углу книжной полки. Карелла снял трубку, набрал номер, который только что дал ему Корбетт, и стал ждать. Корбетт пристально наблюдал за ним, его лицо побледнело. На пятом звонке трубку сняла женщина.

«Алло?», - сказала она. Голос у неё был тоненький, едва слышный, как и подобает редактору детских книг.

«Миссис Ламбет?», - сказал Карелла.

«Да?»

«Это детектив Карелла, я расследую убийство Грегори Крейга. Не могу ли я поговорить с вами наедине? Вы одна?»

«Да, это так.»

«Мы здесь с Дэниелом Корбеттом...»

«О.»

«Вашим коллегой...»

«О.»

«И он сказал нам, что вы можете поручиться за его местонахождение в пять часов дня в четверг.»

«О.»

«Так вы можете?»

«Я... полагаю, да», - сказала она и заколебалась. «Где, по его словам, он был?»

«Где, вы говорите, он был, миссис Ламбет?»

«Наверное, в моём кабинете.»

«Так он был или не был?»

«Да, наверное, так и было.»

«В пять часов?»

«Ну... где-то в четыре тридцать, кажется, это было. Трудно вспомнить точно.»

«Вы вместе пошли в кабинет в четыре тридцать, не так ли?»

«Около четырёх тридцати, да.»

«Как долго вы там пробыли?»

«Примерно до шести тридцати. Он вам так сказал?»

«Да, именно так он нам и сказал.»

«О редакционном совещании в моём кабинете?»

«Угу», - сказал Карелла.

«Ну, хорошо», - сказала она, и в голосе её прозвучало неожиданное облегчение. «И это всё?»

«Пока да.»

«О.» Она заколебалась. «Значит ли это, что вы будете звонить снова?»

«Может быть.»

«Буду признательна, если в следующий раз вы позвоните в офис», - сказала она. «Мой муж не любит, когда я приношу дела в дом.»

Ещё бы, подумал Карелла, но ничего не сказал.

«Номер - Кэриер 2-8100. Добавочный номер сорок два.»

«Спасибо», - сказал Карелла.

«Пожалуйста, не звоните сюда больше», - сказала она и повесила трубку.

«Всё хорошо?», - сказал Корбетт.

«Да», - сказал Карелла. «Как вы думаете, кто там, в Харборвью, использовал ваше имя?»

«Понятия не имею.»

«Всем известно, что вы редактор Крейга?»

«В сфере книжной торговли, всем, я полагаю.»

«Как насчёт того, чтобы выйти за рамки торговли?»

«Не думаю, что многие люди за пределами связанных профессий знают об этом.»

«В каких-нибудь журнальных или газетных статьях вы упоминались как его редактор?»

«Ну, да, если подумать. В журнале «People» (*американский еженедельный журнал о знаменитостях – примечание переводчика*) была статья о Грее. Там упоминался я, и там же была наша совместная фотография.»

«Тогда вполне возможно, что не только кто-то из торговцев...»

«Да, наверное.»

«Как давно вы знаете Присциллу Ламбет?», - неожиданно спросил Хоуз.

«Недолго.»

«Как долго?»

«Она новенькая в компании.»

«Насколько новенькая?»

«Она поступила в «Харлоу Хаус» осенью.»

«Были ли у вас с ней интимные отношения с тех пор?»

«Какое ваше дело?», - сказал Корбетт, словно внезапно взобравшись на свою высокую лошадь.

«У нас есть только её слова о том, где вы были в пять часов четверга, мистер Корбетт. Если это давняя интрижка...»

«Это не так.»

«В четверг был первый раз, да?», - сказал Хоуз.

«Я нахожу это постыдным», - сказал Корбетт.

«Я тоже», - сказал Хоуз. «Это было в первый раз?»

«Нет.»

«Вы уединялись с ней раньше?»

«Да.»

«Как часто?»

«Это началось в прошлом месяце», - сказал Корбетт и вздохнул.

«Как часто вы виделись с ней с тех пор?»

«Два или три раза.»

«И это всё?»

«Да. Это несерьёзно, если вы так считаете. У Прис нет причин обеспечивать мне алиби. Мне также не нужно алиби. В четверг меня не было рядом с квартирой Грега. Я был именно там, где я вам сказал, - в кабинете Прис, на диване Прис.»

«Не слишком ли это рискованно?»

«На рождественской вечеринке нет ничего рискованного.»

«Значит, это просто случайная интрижка, верно?», - сказал Хоуз.

«Если вы хотите так выразиться.»

«Как вы хотите это назвать, мистер Корбетт?»

«Да, это случайно.»

«Как складывались ваши отношения с Крейгом?», - спросил Карелла.

«Профессиональные.»

«Что это означает?»

«Он прислал мне книгу, она мне понравилась, и я порекомендовал её купить. Я работал над ней вместе с ним, и «Харлоу Хаус» опубликовали её.»

«Когда это было?»

«Мы опубликовали её полтора года назад. Она была в нашем летнем списке.»

«Когда поступила книга?»

«Примерно за десять месяцев до этого.»

«Через агента?»

«У него нет агента. Она пришла на имя редактора, которого уже нет с нами. Я сразу узнал это имя, конечно, я читал пару его романов в колледже.»

«Но это была нехудожественная литература.»

«Да. Смена темпа. Совершенно не похоже на то, что он делал раньше. Я сразу же влюбился в его творчество.»

«Когда вы говорите, что работали над этим вместе с ним...»

«Это не потребовало особой правки. Провалы в памяти - голубые глаза на двенадцатой странице, зелёные глаза на тридцатой странице, ещё небольшие сокращения, но в основном всё было чисто. Хотелось бы, чтобы все мои книги были такими же чистыми.»

«И на этом ваши отношения закончились?»

«Нет, он работал над другой книгой, когда... когда его убили. Мы переписывались по этому поводу и много, много раз звонили друг другу. У него были трудные времена.»

«Как насчёт личных встреч?»

«Да, на обедах.»

«Когда это было в последний раз?»

«О, две недели назад, я полагаю.»

«Он упоминал, что у него возникли трудности с новой книгой?»

«Да, именно поэтому мы и встретились.»

«Что вы ему посоветовали?»

«Что может посоветовать редактор? У него уже был период засухи между последним романом и «Тенями». Я сказал ему, что этот тоже пройдёт.»

«Он вам поверил?»

«Кажется, он мне поверил.»

«Мистер Корбетт», - сказал Карелла, - «в пишущей машинке Крейга лежал лист бумаги, и мне показалось - я не редактор, я не разбираюсь в таких вещах, - но мне показалось, что это начало книги. Фактически, начальный абзац.»

«Я так не думаю, нет», - сказал Корбетт, покачав головой.

«Я не помню точно, но уверен, что он написал что-то о том, как впервые пришёл в дом...»

«О, да. Но, видите ли, Грег составлял досье на отдельные случаи. О якобы подлинных сверхъестественных происшествиях.»

«Предположительно правдивых?»

«Ну... знаете», - сказал Корбетт и улыбнулся. «То, что вы видели в его печатной машинке, могло быть началом всего лишь одной главы в книге.»

«Как долго он над ней работал?»

«В течение последнего года или около того.»

«Сколько глав у него было написано?»

«Четыре.»

«Через год?»

«Я же говорил, что у него были трудности. Он переписывал книгу снова и снова. Просто всё выходило не так, как он хотел... «Тени» - это трудная задача, поверьте мне. Грег был не так хорошо знаком с нехудожественной литературой, как с романами. Не так уверен в своих силах, понимаете, о чём я? Даже не уверен, что «Тени» не были случайностью.»

«Это он вам сказал?»

«Ему и не нужно было. Этот человек был дрожащей массой неуверенности в себе.»

«Он упоминал о чём-то ещё, что его беспокоило?»

«Ничего.»

«Никаких писем с угрозами или телефонных звонков?»

«Ничего такого.»

«Звонки?»

«Каждый автор на земле получает звонки.»

«Он упоминал о чём-нибудь?»

«Конкретно - нет. Но я знаю, что в прошлом месяце у него сменился номер телефона, так что я предполагаю, что дело было именно в этом.»

«Хорошо, спасибо», - сказал Карелла. «Мистер Корбетт, возможно, мы захотим связаться с вами снова, так что...»

«Не уезжайте из города, а?», - сказал Корбетт и улыбнулся. «Я редактировал детективы на своей первой работе в издательстве.»

«Я не собирался этого говорить», - сказал Карелла.

«Что вы хотели сказать?»

«Я как раз хотел сказать...» Карелла заколебался. «Именно это я и хотел сказать», - сказал он.

На улице, когда они шли к тому месту, где Карелла припарковал машину, Хоуз сказал: «Ты ведь не собирался это говорить, правда?»

«Да, так и было.»

«Не уезжать из города?»

«Слова на этот счёт.»

Снова пошёл снег. Когда они подошли к машине, Карелла отпер дверь со стороны обочины, а затем обошёл её со стороны водителя. Хоуз наклонился, чтобы нажать на кнопку отпирания замка. Карелла сел за руль, поднял козырёк с надписью «Дежурный городской детектив», сделанной от руки, и завёл машину. Они сидели и ждали, когда печка даст тепло.

«Что ты думаешь?», - спросил Хоуз.

«Думаю, нам придётся навести справки у других людей в «Харлоу Хаус». Мне не нравится, что о том, где он был, можно судить только по её словам, а тебе?»

«Нет, но, с другой стороны, она замужняя женщина, которая трахалась в собственном офисе, так что вряд ли она лгала, правда?»

«Если только это не нечто большее, чем случайная интрижка, о которой он говорит, в таком случае она могла солгать, чтобы защитить его.»

«Возможно», - сказал Хоуз. «Но я скажу тебе, Стив, что для меня это прозвучало непринуждённо.»

«Как это?»

«Если это не случайно, ты не говоришь, что трахался с кем-то. Ты говоришь, что занимался любовью, или вы были наедине, или у вас была интимная близость, или что-то ещё. Но ты не говоришь, что трахался с кем-то на её диване. Это несерьёзно, Стив. Поверь мне, это несерьёзно.»

«Ладно, это несерьёзно.»

«И кроме того, если он поднялся туда, чтобы убить Крейга, зачем ему было объявлять о себе охраннику? Почему он не сказал, что он кто-то из «Тайм», «Ньюсуик» или «Сатурдей ревью»? Зачем называть своё собственное имя?»

«Чтобы Крейг впустил его.»

«И чтобы охранник потом вспомнил об этом? Не может быть.»

«Может, он не шёл туда с конкретной целью убить его. Может, они поссорились...»

«Убийца принёс нож с собой», - сказал Хоуз.

«Да», - сказал Карелла.

«И что?»

«Так что же, чёрт возьми, я знаю?», - сказал Карелла и вытер рукой в перчатке запотевшее лобовое стекло. На мгновение он задумался. Дворники зашипели от налипших снежинок.

«Ладно», - сказал он, - «вот что я думаю. Думаю, нам следует позвонить Джерри Манделу в домик на Маунт-Семани и немедленно вернуть его в город. Я хочу провести опознание Дэниела Корбетта. А пока, раз уж мы так близко к зданию суда, думаю, нам стоит попытаться получить ордер на обыск его квартиры. Из квартиры Крейга украли драгоценностей на восемьдесят три тысячи баксов, а это не то, от чего можно избавиться за минуту, особенно если ты редактор и не знаком со скупщиками краденого. Что скажешь?»

«Я говорю, что голоден», - сказал Хоуз.

Они остановились на быстрый обед в китайском ресторане на Каупер-стрит, а затем поехали к зданию Уголовного суда на Хай-стрит. Судья Верховного суда, которому они представили письменное ходатайство, с сомнением отнёсся к тому, чтобы выдать им ордер только на основании телефонного разговора с охранником, но Карелла указал, что есть достаточные основания полагать, что человек, представившийся Дэниелом Корбеттом, находился на месте преступления в те часы, когда оно было совершено, и что время крайне важно, чтобы найти украденные драгоценности до того, как они будут перепрятаны или распроданы. Они спорили об этом в течение пятнадцати минут. По истечении этого времени судья сказал: «Офицер, я просто не могу согласиться с тем, что у вас есть достаточные основания для проведения обыска. Если бы я удовлетворил это постановление, то впоследствии, когда ваше дело дойдёт до суда, оно будет только оспариваться. Ходатайство отклонено.» Карелла бормотал про себя всю дорогу к лифтам и до самой улицы. Хоуз заметил, что одна из приятных особенностей жизни в демократическом обществе заключается в том, что права гражданина так тщательно охраняются, а Карелла ответил: «И права преступника тоже», и на этом всё закончилось.

С Джерри Манделом у них тоже ничего не вышло. Позвонив в отель «Три дуба» в Маунт-Семани, они узнали, что он выехал из отеля тем утром в поисках лучших условий для катания в других местах. Карелла сказал портюе, что если Манделу нужен снег, то у них в городе его по горло. К тому времени выпало уже шесть дюймов снега, и он всё ещё продолжал падать. Клерк сказал: «Привезите его сюда, он нам пригодится.»

Карелла повесил трубку.

Первый звонок поступил в 2:30 того же дня, доказав, к удовлетворению Кареллы, что их получал не только каждый автор на земле, но и, возможно, каждый полицейский. Звонившей оказалась женщина, назвавшаяся мисс Бетти Олдершот и сообщившая, что живёт в доме 782 по Джексон, прямо напротив комплекса «Харборвью». Она рассказала, что ровно в двадцать пять минут седьмого вечера в четверг она смотрела в окно на улицу, когда увидела мужчину и женщину, борющихся на снегу. Карелла, да и не только он, не знал, что это был за телефонный звонок. Он переложил блокнот ближе к себе на столе и взял карандаш.

«Да, мисс Олдершот, я вас слушаю», - сказал он. «Вы можете описать мне этого человека?»

«Он был суперменом», - сказала она.

«Суперменом?»

«Да. На нём было синее бельё и красный плащ.»

«Понятно», - сказал Карелла.

«Он достал большой красный пенис и засунул его в неё.»

«Понятно.»

«Пенис Супермена», - сказала она.

«Ага. Что ж, миссис Олдершот, спасибо вам за...»

«Потом он улетел.»

«Угу.»

«Пролетал над зданиями. И пенис всё ещё болтался.»

«Ага. Ну, хорошо, спасибо большое.»

«Вы никогда его не поймаете», - сказала она и начала гоготать. «Он летает быстрее пули», - и повесила трубку.

«Кто это был?», - сказал Мейер Мейер со своего стола. На нём была шляпа, которую он привык носить и в помещении, и на улице, - клетчатая шляпа охотника на оленей (*deerstalker hat, также известная как Шляпа Шерлока Холмса, вид шляпы, которую обычно носили в сельских районах Англии, как правило, во время оленьей охоты, deerstalking, откуда и произошло название оной; из-за ассоциации этой шляпы с Шерлоком Холмсом её также считают традиционным головным убором для детектива – примечание переводчика*), скрывавшая его лысину и позволявшая ему чувствовать себя Шерлоком Холмсом. Ещё неделю назад люди в отделе обсуждали, надевает ли он её в постели или нет. Хэл Уиллис предположил, что жене Мейера, Саре, нравится, когда лысый мужчина в оленьей шапке заигрывает с ней. «Сочетание оленьих шапок и чёрных подвязок», - сказал Берт Клинг. «Больше ничего. Только оленьи шапки и чёрные подвязки.» «И большой стояк», - сказал Хоуз. «Очень смешно», - сказал Мейер.

«Это была мать Супермена», - сказал Карелла.

«Да? Как она поживает?»

«Потрясающе. Я пытался дозвониться до Дэнни Гимпа. Он сменил номер или что-то в этом роде?»

«Насколько я знаю, нет», - сказал Мейер. «Послушайте, что мы будем делать в понедельник?»

«Я рассчитываю раскрыть это дело сегодня к полуночи», - сказал Карелла.

«Конечно, ты и Супермен. Серьёзно. Если вы планируете таскаться по всему городу, то позвольте мне устроить Хануку.»

«Дайте мне время до полуночи», - сказал Карелла и снова набрал номер Дэнни Гимпа. По-прежнему не было ответа. Ему не нравилось иметь дело с Жирным Доннером, но в городе было больше чем на восемьдесят три тысячи долларов горячих драгоценностей, и такая добыча не могла остаться

незамеченной в преступном мире. Он набрал домашний номер Доннера и слушал гудки, ожидая, когда на другом конце снимут трубку.

«Доннер», - сказал голос.

«Жирный, это детектив Карелла.»

«Привет, как дела?», - сказал Доннер. «Какие проблемы?» Его голос был вкрадчивым и маслянистым; Карелла представил огромного, пузатого мужчину, который был любимым информатором Хэла Уиллиса - но только потому, что у Уиллиса было на него достаточно доносов, чтобы отправить его за решётку на следующие двадцать лет. У Жирного Доннера была склонность к молодым девушкам, очаровательная одержимость, из-за которой ему постоянно приходилось обходить тонкий лёд за пределами закона. Карелла представлял себе его толстые пальцы, держащие телефонную трубку; он представлял эти же пальцы на подрастающей груди тринадцатилетней девочки. Этот человек вызывал у него отвращение, но ещё большее отвращение вызывало убийство.

«В четверг вечером во время совершения убийства было украдено драгоценностей на сумму около восьмидесяти трёх тысяч долларов», - сказал Карелла. «Слышал что-нибудь об этом?»

Доннер тихонько присвистнул. А может, это был всего лишь хрип. «Что за изделия?» - спросил он.

«Всё вперемешку, я зачитаю тебе список через минуту. А пока что, есть ли какие-нибудь слухи по этому поводу?»

«Я ничего не слышал», - сказал Доннер. «В четверг вечером, говоришь?»

«Двадцать первое.»

«Это суббота. Возможно, их уже сплавил.»

«Возможно.»

«Попробую выйти и послушать», - сказал Доннер. «Но это тебе дорого обойдётся.»

«Ты можешь обсудить цену с Уиллисом», - сказал Карелла.

«Уиллис - скупердяй. Сейчас Рождество, мне нужно купить подарки. Я тоже человек, знаешь ли. Ты просишь меня выйти на снег и слушать, когда я должен быть дома и устанавливать ёлку.»

«Для всех твоих малышей?», - спросил Карелла, и линия замолчала.

«Ну, хорошо, я обсужу цену с Уиллисом. Но я хочу что-то получить, даже если не смогу выяснить. Это же Рождество.»

«Обсудите это с Уиллисом», - сказал Карелла и зачитал список украденных вещей.

«Там полно всякого дерьма», - сказал Доннер. «Посмотрю, что можно сделать», - и повесил трубку.

Карелла снова попробовал вызвать Дэнни Гимпа. По-прежнему не было ответа. Он подумывал позвонить Гаучо Паласиосу, но не думал, что что-то столь важное дойдёт до ушей Ковбоя. Часы на стене отряда показывали без десяти минут три. Он не знал, что, чёрт возьми, делать дальше. Он не мог провести опознание Корбетта, пока Мандел не вернётся в город на следующий день после Рождества. Он не мог получить судебный ордер на обыск квартиры Корбетта в поисках украденных драгоценностей, и он не мог получить наводку на драгоценности, пока Доннер не вернётся к себе - если он вообще вернётся. Он спустился в канцелярию и попросил Мисколо отсканировать список драгоценностей для распространения по городским ломбардам, но он прекрасно знал, что все они будут закрыты завтра и в понедельник, а значит, и почти весь день во вторник, когда вернется Мандел. Снова сев за свой стол, он набрал номер отеля «Три дуба» в Маунт-Семани и попросил соединить его с управляющим. Снег всё ещё шёл. В другом конце комнаты Коттон Хоуз составлял расписание убийств, совершённых в четверг вечером. Карелла ждал.

«Алло?», - сказал женский голос.

«Здравствуйте, это детектив Карелла из 87-го участка в Айзоле», - сказал Карелла. «Я недавно разговаривал с одним человеком, и он сказал мне, что Джерри Мандел выписался сегодня рано утром...»

«Да?»

«Человек, с которым я разговаривал, сказал, что понятия не имеет, куда направляется мистер Мандел. Мне стало интересно...»

«Я тоже понятия не имею», - сказала женщина.

«Могу ли я узнать, с кем разговариваю, пожалуйста?»

«Миссис Кармоди, менеджер.»

«Миссис Кармоди, за последние несколько дней в штате выпало много снега?»

«В штате не выпадало, нет. Я понимаю, что там, в городе, снег идёт...»

«Да, прямо сейчас.»

«Ну, может быть, мы получим немного сегодня. Надеюсь», - сказала она.

«Где находится ближайший район со снегом?»

«От Маунт-Семани, вы имеете в виду?»

«Да. Если бы мистер Мандел искал снег, где бы он его нашёл?»

«Не ближе Вермонта», - сказала миссис Кармоди.

«Вермонт.»

«Да, Маунт-Сноу, как и Бромли, Страттон, Шугарбуш и Стоу, сообщают о прекрасных условиях. Мы отчаянно нуждались в снеге, и Массачусетс тоже. Думаю, он направился бы в Вермонт.»

«Где в Вермонте? Какой район ближе всего к Маунт-Семани?»

«Маунт-Сноу.»

«Это очень оживлённый район? Там много мотелей?»

«Вы, наверное, шутите», - сказала миссис Кармоди. «А вы не думали попытаться его выследить?»

«Это приходило мне в голову», - сказал Карелла.

«Если бы вы начали обзванивать все отели в Маунт-Сноу прямо сейчас, вы бы пропустили Санту, спускающегося в дымоход», - сказала она, и он был уверен, что она улыбается собственному остроумию.

«Как получить полный список всех имеющихся там мест для проживания?», - спросил Карелла.

«Вы серьезно?»

«Да, мэм, мы расследуем убийство.»

«Ну... я думаю, вы можете позвонить в бюро гостиниц Маунт-Сноу. Может, они смогут вам помочь.»

«Спасибо», - сказал Карелла и повесил трубку.

Хоуз подошёл к столу с расписанием, которое он печатал.

«Вот так мне кажется», - сказал он и передал лист Карелле:

Таблица убийств Крейга и Эспозито	
-----------------------------------	--

Четверг, 21 декабря	
---------------------	--

17:00	Мужчина, называющий себя Дэниелом Корбеттом, прибывает в Харборвью, и поднимается в лифте после того, как его представляет охранник Мандел.
-------	---

18:15	Мужчина ещё не покинул здание, когда Карлсон сменил Мандела у двери.
18:40	Звонок в службу спасения 911 от неизвестного мужчины, сообщившего о зарезанной на тротуаре у дома 781 по Джексон-стрит.
18:43	Машина Адам Одиннадцать отвечает, женщина, позже опознанная как Мэриан Эспозито, белая женщина, тридцати двух лет, обнаружена умершей.
19:10	Звонок в службу спасения 911 от Хиллари Скотт с сообщением о зарезанном в квартире 304 дома 781 по Джексон.
19:14	Детективы уже на месте убийства Эспозито. Жертва Грегори Крейг, белый мужчина пятидесяти четырёх лет, обнаружен умершим.

«Да, всё изложено точно», - сказал Карелла.

«Это ни о чём нам не говорит, верно?», - сказал Хоуз.

«Не так уж много», - сказал Карелла, - «но приятно, когда время от времени тебе всё объясняют.» Он снял трубку, набрал номер оператора и попросил соединить его с отделом информации Вермонта. Она сказала ему, что он может набрать этот номер напрямую, на что он раздражённо сообщил ей, что является детективом, расследующим убийство, и будет благодарен, если она сможет ему этот номер сообщить. Она с сарказмом ответила: «О, прошу прощения», но тем не менее соединила его. В отделе информации Вермонта ему сообщили номер телефона Бюро по размещению в Маунт-Сноу, он набрал этот номер и

поговорил с приятной молодой женщиной, которая сообщила ему, что в Бюро зарегистрировано пятьдесят шесть отелей, мотелей, гостиниц и домиков, и все они находятся в радиусе двадцати миль от Маунт-Сноу. Она вскользь упомянула, что в Бюро не числится ни одно заведение, в котором меньше четырёх комнат, а таких было великое множество. Она спросила, не хочет ли он, чтобы она зачитала весь список с указанием вместимости каждого заведения.

Карелла на мгновение задумался.

Затем он сказал: «Нет, это неважно, спасибо», - и повесил трубку.

Второй звонок - так показалось сначала - раздался через двадцать минут после первого. Он поднял трубку с подставки и сказал: «87-й участок, Карелла.»

«Это как-то связано с водой», - сказал женский голос.

«Что?»

«Вода», - повторил голос, и он вдруг узнал её.

«Мисс Скотт?», - спросил он.

«Да. Убийство связано с водой. Могу я увидеть вас сегодня днём? Вы - источник информации.»

«Что вы имеете в виду?»

«Я ещё не уверена. Но вы - источник. Я должна поговорить с вами.»

Он вспомнил, что сказала им вчера дочь Грегори Крейга: «Она утонула. Они сказали, что это был несчастный случай.» «Вода», - подумал он и сразу же спросил: «Где вы будете?»

«У моей сестры», - сказала она.

«Дайте мне полчаса», - сказал он.

«Увидимся там», - сказала она и повесила трубку.

Когда она открыла ему дверь, на ней был короткий халатик, подпоясанный то ли колготками, то ли панталонами. Она была без макияжа; без помады, румян или подводки она напоминала Тедди ещё больше, чем раньше.

«Простите», - сразу же сказала она. «Я одевалась, когда позвонила сестра. Входите.»

Квартира находилась в районе Стюарт-Сити в Айзоле. На самом деле Стюарт-Сити был не городом, и даже не посёлком, а просто коллекцией шикарных многоквартирных домов с видом на реку Дикс на южной стороне настоящего города. Если вы могли похвастаться адресом в Стюарт-Сити, то могли похвастаться и высоким доходом, и загородным домом на косе Сэндс, и «Мерседес-Бенцем» в гараже под вашим домом. Вы могли назвать свой адрес с долей снобизма и гордости. В городе, а может, и во всём мире, оставалось немного мест, где можно было сделать то же самое. Квартира сестры Хиллари, как и подобает её местоположению, была украшена дорого, но без показухи; это подействовало на Кареллу так, что он сразу почувствовал себя неуютно. Белая искусственная ёлка в углу комнаты усугубляла ощущение неловкости. Он привык к убогости территории 87-го участка, где ёлки были настоящими, а ковры под ногами - в отличие от растущего здесь газона - чаще всего были рваными и потёртыми.

«Мисс Скотт», - сказал он, - «по телефону вы...»

«Там всё ещё идёт снег?», - спросила она.

«Да.»

«Я должна быть в пять в центре города на коктейльной вечеринке. Есть ли на улице такси?»

«Несколько.»

«Могу я предложить вам выпить?», - спросила она. «Который час?»

«Четыре часа», - сказал он.

«Не слишком ли рано для выпивки?»

«Я не могу», - сказал он.

«Да, вы на дежурстве», - сказала она. «Не возражаете, если я опрокину одну?»

«Не вижу препятствий.»

Она подошла к высокому шкафу на стене напротив дерева и открыла обе его дверцы, чтобы показать множество бутылок. Она щедро налила из одной из бутылок, взяла из ведёрка два кубика льда и опустила их в бокал. Повернувшись к нему, она сказала: «Ваше здоровье, с праздником.»

«Ваше здоровье», - сказал он.

«Присядьте», - сказала она. «Пожалуйста.» Её улыбка была так похожа на улыбку Тедди, что он испытал странное чувство дезориентации. Женщина в этой квартире должна была находиться в его доме в Риверхеде. Он должен был рассказывать ей о тяжёлом рабочем дне, добиваясь сочувствия к судьбе полицейского; он должен был смешивать ей виски с содовой и разжигать огонь в очаге. Вместо этого он пришёл поговорить о воде.

«Итак», - сказал он, - «что насчёт воды?»

Она посмотрела на него с недоумением, а потом сказала: «Спасибо, я предпочитаю со льдом.»

Он посмотрел на неё, не менее озадаченный. Она села в кресло напротив него, и халат задрался, когда она скрестила ноги. Она тут же поправила сбившийся лоскут.

«Вы уверены, что не будете?» - спросила она.

«Определённо.»

«Она может задержаться на некоторое время, как вы понимаете.»

«Простите, что...?»

«Моя сестра. Я разговаривала с ней полчаса назад.»

«Ваша сестра?»

«Да.»

«Что она должна делать?»

«Хиллари», - сказала она.

«Хиллари?» - спросил он и моргнул. Эта дама, как он понял с самого начала, была главным кандидатом на место в психушке.

«Мисс Скотт», - сказал он, - «простите, но я не понимаю, что...»

«Моя сестра-близнец», - сказала она.

Он посмотрел на неё. Она улыбалась, потягивая бокал. У него возникло ощущение, что она делала это уже много раз и каждый раз получала от этого удовольствие.

«Понятно», - сказал он.

«Я Дениз», - сказала она. «Мы очень похожи, вам не кажется?»

«Да, это так», - осторожно ответил он, гадая, действительно ли у неё есть сестра-близнец или Хиллари просто развлекается с ним за счёт города. «Вы говорите, что разговаривали с ней...»

«Да, полчаса назад.»

«Где она была?»

«В офисе. Она как раз уходила. Но с этим снегом...»

«Послушайте», - сказал он, - «вы действительно...?»

«Дениз Скотт», - сказала она, «да», и кивнула. «Кто из нас, по-вашему, красивее?»

«Я не могу сказать, мисс Скотт.»

«Да», - сказала она и, хихикнув, неожиданно поднялась и подошла к шкафу со спиртным. Он смотрел, как она наливает себе ещё один бокал. «Вы уверены?», - спросила она и подняла бокал перед ним.

«Простите, я не могу.»

«Жаль», - сказала она, вернулась в кресло и снова села. На этот раз она скрестила ноги более безрассудно. Лоскут халата снова распахнулся, и он увидел подвязанные верхушки нейлоновых чулок. Он отвёл взгляд.

«У меня у самого есть близнецы», - сказал он.

«Да, Хиллари сказала мне.»

«Я никогда не говорил ей...»

«Экстрасенс, знаете ли», - сказала Дениз и постучала указательным пальцем по виску.

«А как насчёт вас?», - спросил он.

«Нет, нет, мои таланты лежат в другой плоскости», - сказала она и улыбнулась ему. «Разве вы не рады, что пояса с подвязками возвращаются?», - сказала она.

«Я... никогда особо не задумывался об этом», - сказал он.

«Подумайте об этом», - сказала она.

«Мисс Скотт», - сказал он, - «я знаю, что у вас назначена встреча, так что если вы хотите одеться, то сейчас самое время.»

«Не хотелось бы оставлять вас одного», - сказала она и вдруг перегнулась через кофейный столик, чтобы достать сигарету из стоящей там пачки. Верхняя половина халата распахнулась над её грудью. Бюстгальтера на ней не было. Она задержалась в этой позе на мгновение дольше, чем нужно, потянулась за сигаретой, подняла на него глаза и неожиданно улыбнулась.

«Мисс Скотт», - сказал он, поднимаясь, - «я вернусь через некоторое время. Когда ваша сестра приедет, скажите ей...»

Он услышал, как в двери за его спиной поворачивается ключ. Дверь распахнулась, и в комнату вошла Хиллари Скотт. Она была одета в енотовую шубу, распахнутую поверх белой блузки и красной юбки. Её тёмно-коричневые сапоги были мокрыми.

Она посмотрела через всю комнату на Дениз, которая всё еще нависала, согнувшись над кофейным столиком. «Иди оденься», - сказала она, - «ты простудишься.» Обращаясь к Карелле, она сказала: «Простите, что опоздала. Мне было чертовски трудно поймать такси.» Она снова посмотрела на сестру. «Дениз?»

«Приятно было познакомиться», - сказала Дениз, поднялась, заправила один лоскут халата в другой и затянула пояс. Он смотрел ей вслед, пока она выходила из комнаты. Дверь в спальню, как он предполагал, с шелестом закрылась за ней.

«Не знали, что нас трое, да?», - сказала Хиллари.

«Вас трое?»

«Включая вашу жену.»

«Вы не знакомы с моей женой», - сказал Карелла.

«Но мы похожи друг на друга.»

«Да.»

«У вас близнецы.»

«Да.»

«Девочка похожа на вашу жену. Она родилась в апреле.»

«Нет, но её так зовут.»

«Терри. Это Терри?»

«Тедди.»

«Да, Тедди. Франклин? Её девичья фамилия была Франклин?»

«Да», - сказал он. Он, не веря, смотрел на неё. «Мисс Скотт», - сказал он, - «по телефону вы сказали мне...»

«Да, вода.»

«Так что насчёт воды?»

«Что-то связанное с водой. Кто-то недавно говорил вам о воде?»

За дверью спальни послышался звук то ли радио, то ли проигрывателя, из которого доносилась мелодия рока. Хиллари нетерпеливо повернулась к двери и крикнула: «Дениз, сделай потише!» Она подождала мгновение, но музыка не стихала, а затем крикнула: «Дениз!» - как раз в тот момент, когда громкость музыки упала на шесть децибел. Она сердито взяла сигарету из пачки на столе, чиркнула спичкой и выпустила струю дыма. «Мы подождём, пока она уйдёт», - сказала она. «С ней здесь невозможно достичь какого-либо уровня концентрации. Не хотите ли выпить?»

«Нет, спасибо.»

«Пожалуй, я выпью», - сказала она и, подойдя к шкафу, налила в стаканчик изрядную порцию виски и выпила почти одним глотком. Карелла вдруг вспомнил отчёт о вскрытии Крейга.

«Крейг сильно пил?», - спросил он.

«Почему вы хотите знать?»

«В отчёте о вскрытии указано, что перед смертью он пил.»

«Я бы не сказала, что он сильно пил, нет.»

«Любитель выпить?»

«Два или три бокала перед ужином.»

«Он пил во время работы?»

«Никогда.»

За следующие десять минут, пока сестра одевалась в другой комнате, Хиллари выпила ещё два стакана виски, предположительно для усиления своего экстрасенсорного восприятия. Карелла недоумевал, какого чёрта он здесь делает. Принять телефонный звонок от сумасшедшей, утверждающей, что она ясновидящая, связать его с утоплением в Массачусетсе, случившимся три года назад, а потом ждать, пока часы тикают, снег падает, а содержание виски в бутылке становится всё меньше и меньше. Но она знала имя его жены, хотя он не называл его, знала, что у них близнецы, и почти безошибочно

определила апрель. Он ни на секунду не поверил, что она действительно может читать мысли, но знал, что люди с экстрасенсорным восприятием, возможно, существуют, и не собирався сбрасывать со счетов её предыдущее упоминание о воде. Жена Грегори Крейга утонула три года назад, и его дочь не могла поверить, что это был несчастный случай.

Дверь спальни открылась.

Дениз Скотт была одета в облегающее зелёное платье из джерси (*основовязаное, из многих нитей, трикотажное полотно из шерстяного, хлопчатобумажного, шёлкового или синтетического волокна; обладает эластичностью и способностью растягиваться – **примечание переводчика***), с возмутительно широким разрезом на груди, и надёжно скреплялось в области талии бриллиантовой застёжкой размером с Тайвань. Платье было несколько короче, чем это было модно в наши дни, что придавало её ногам необычайную длину и гибкость. На ней были зелёные атласные туфли на высоком каблучке; Карелла дал им срок службы тридцать секунд на снегу. Не говоря ни слова, она подошла к шкафу в холле, сняла туфли, застегнула молнию на паре чёрных кожаных сапог, сняла из шкафа длинное чёрное пальто, взяла со столика в холле чёрную бархатную сумку, сунула туфли под мышку, открыла дверь, улыбнулась Карелле, сказала: «В другой раз, амиго», и вышла, не попрощавшись с Хиллари.

«Сука», - сказала Хиллари и налила себе ещё один бокал.

«Полегче с этим, ладно?», - сказал Карелла.

«Пыталась отнять у меня Грега», - сказала она. «Однажды днём, пока он работал, пришла к нему в квартиру и разыграла сестру-близнеца. Я нашла её голой в постели с ним.» Она покачала головой и быстро глотнула виски.

«Когда это было?», - сразу спросил он. Она только что представила ему лучший из возможных мотивов для убийства. В этом городе статистика убийств менялась так же часто, как полиция меняет нижнее бельё, но в основном это были убийства «личного характера», а не «безличные», о которых кричали

заголовки газет всего несколько лет назад. Старые добрые убийства снова вошли в моду: мужья стреляют в жён и наоборот, любовники - в соперников, сыновья - в матерей и сестёр; обычные домашние убийства. Хиллари Скотт застала Грегори Крейга в постели с собственной сестрой.

«Когда?», - переспросил он.

«Когда что?»

«Когда вы обнаружили их вместе?»

«Где-то в прошлом месяце.»

«В ноябре?»

«Ноябре.»

«Что случилось?»

«Маленькая сучка-нимфоманка», - сказала Хиллари.

«Что случилось? Что вы сделали?»

«Сказала ей, что если она ещё хоть раз приблизится к этой квартире...» Она покачала головой. «Моя родная сестра. Сказала, что это была шутка, сказала, что хочет проверить, сможет ли Грег нас различить.»

«А он смог бы?»

«Он сказал, что принял её за меня. Он сказал, что она его полностью одурачила.»

«Что вы об этом думаете?»

«Думаю, он знал.»

«Но сейчас вы здесь, с ней.»

«Что?»

«Вы остаётесь с ней. Даже после того, что случилось.»

«Я не разговаривала с ней несколько недель. Потом она позвонила однажды в слезах и... Она моя сестра. Мы ближе,

чем любые два человека в мире. Мы близнецы. Что я могла сделать?»

Он это прекрасно понимал. Несмотря на постоянные препирательства, его собственные близнецы были неразлучны. Слушать их беглые диалоги было всё равно что слушать, как один человек разговаривает вслух сам с собой. Когда они оба вместе занимались выдумкой, порой невозможно было не задуматься над тем, что это похоже на тандемный поток сознания. Где-то он прочитал, что близнецы - это банда в миниатюре; он сразу понял намёк автора. Однажды он отругал Марка за то, что тот по неосторожности разбил дорогую вазу, и наказал его, отправив в свою комнату. Через десять минут он застал Эйприл в её комнате. Когда он сказал ей, что это не её наказывают, Эйприл ответила: «Ну, я просто решила ему помочь.» Если в поговорке о том, что кровь гуще воды, и была доля правды, то между близнецами она была вдвойне гуще. Хиллари застала сестру в постели с Грегори Крейгом, но Крейг был чужаком, а Дениз - её близнецом. А теперь Крейг был мёртв.

«Как это повлияло на ваши с ним отношения?», - спросил Карелла.

«Я меньше доверяла ему. Но я всё ещё любила его. Если ты любишь кого-то, ты готов простить пару промахов.»

Карелла кивнул. Он полагал, что она говорит правду, но в то же время задавался вопросом, как бы он себя чувствовал, если бы обнаружил Тедди в постели с братом-близнецом, если бы у него был брат-близнец или вообще какой-либо брат, которого у него не было.

«Что это за вода?» - спросил он. «Вы сказали мне по телефону...»

«Кто-то говорил вам о воде, я права?»

«Да, кое-кто говорил это.»

«Что-то про воду. И укусы.»

«Она утонула в бухте», - как сказала ему Эбигейл Крейг, «в двух милях от того места, где мой отец арендовал свой знаменитый дом с привидениями.»

«Что ещё?», - спросил Карелла.

«Укус», - сказала она.

«Да, и что об этом?»

«Дайте мне свои руки.»

Он протянул ей руки. Они стояли в двух шагах друг от друга, лицом друг к другу, сцепив руки. Она закрыла глаза.

«Кто-то плавает», - сказала она. «Женщина. Лента. Такая прочная. Я чувствую, как она пульсирует в ваших руках. Лента. Нет, я теряю это.», - резко сказала она и широко раскрыла глаза. «Сконцентрируйтесь! Вы - источник!» Она крепко сжала его руки и снова закрыла глаза. «Да», - сказала она, и это слово прозвучало как шипение. Она тяжело дышала, её руки в его руках дрожали. «Утопление. Лента. Утопление, утопление», - сказала она и вдруг выпустила его руки и обхватила его, глаза её были по-прежнему закрыты, а руки обхватили его за шею. Он попытался отстраниться от неё, но её губы нашли его губы, и ртом стала притягивать его к себе, словно пытаюсь высосать дыхание из его тела. Вскрикнув, она вцепилась зубами в его нижнюю губу, и он тут же оттолкнул её. Она стояла с закрытыми глазами, всё её тело дрожало. Казалось, теперь она не замечала его. Она начала раскачиваться, а потом вдруг заговорила голосом, совершенно не похожим на её собственный, - пустым могильным голосом, который, казалось, доносился из глубин какого-то забытого болота, подгоняемый клочьями тумана и холодным, как могила, ветром.

«Ты украл», - сказала она. «Я знаю, я слышал, ты украл, я знаю, я скажу», - сказала она, - «ты украл, ты украл...»

Её голос прервался. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только тиканьем часов. Она стояла, покачиваясь, с закрытыми глазами, но дрожь уже прошла, качание наконец тоже прекратилось, и несколько мгновений она оставалась

совершенно неподвижной. Затем она открыла глаза и, казалось, удивилась, обнаружив его рядом.

«Мне... нужно отдохнуть», - сказала она. «Пожалуйста, уходите.»

Она оставила его одного в комнате. Дверь в спальню мягко закрылась за ней. Он постоял немного, глядя на закрытую дверь, а потом надел пальто и вышел из квартиры.

Дом Кареллы в Риверхеде был огромным «белым слоном», который они купили за песню - точнее, за оперу на пять актов - вскоре после рождения близнецов. Отец Тедди подарил им дипломированную медсестру на месяц, пока Тедди восстанавливалась после родов, а Фанни Ноулз решила остаться с ними и позже, получая зарплату, которую они могли себе позволить, сказав, что ей надоело постоянно ухаживать за больными стариками. Без неё они никогда бы не справились с большим старым домом - да и с близнецами тоже, если уж на то пошло. Фанни было «за пятьдесят», как она выражалась, у неё были синие волосы, она носила пенсне, весила 150 фунтов и управляла хозяйством Кареллы с той же ирландской твердолобостью, что и бригадиры строительных бригад, когда иммигранты копали городское метро на рубеже веков. Именно Фанни категорически отказалась взять в дом бездомного лабрадора-ретривера, которого Карелла приютил, расследуя убийство слепого мужчины и его жены. Она просто и категорично заявила ему, что в доме и так хватает дел, без того чтобы убирать за большой старой гончей. Она любила говорить, пророчески в данном случае: «Я не терплю дерьма ни от человека, ни от зверя», - выражение, которое десятилетние близнецы подхватили, когда ещё только учились говорить, и которое Марк теперь использовал чаще, чем Эйприл. Речь близнецов, к великому огорчению Кареллы, была больше похожа на речь Фанни, чем на чью-либо ещё; этот голос они слышали по всему дому, когда Кареллы не было дома.

Когда он отпер входную дверь, дома, похоже, никого не было. Поездка из Стюарт-Сити в Риверхед заняла полтора часа по

коварным дорогам, занесённым снегом; обычно на это уходило минут сорок. Он с трудом завёл машину на подъездную дорожку, сдался после шести попыток, и в конце концов припарковал её у обочины, за соседней машиной мистера Хендерсона, уже частично занесённой сугробами. Теперь он стоял у входной двери и счищал снег с ботинок, прежде чем войти в дом. В доме царил тишина. Он включил свет в прихожей, повесил пальто на вешалку из грушевого дерева прямо перед дверью и крикнул: «Привет, есть кто дома?» Ответа не последовало.

Дедушкины часы, подаренные отцом Тедди, пробили полчаса. Было 18:30. Он знал, что Тедди и Фанни отвозили близнецов к Санте - она должна была сделать это сегодня, - но они уже должны были быть дома, даже несмотря на бурю. Он включил торшер возле пианино и лампу в стиле Тиффани на торцевом столике возле дивана, а затем прошёл через гостиную на кухню. Взяв из морозильной камеры поднос с кубиками льда, он вернулся в гостиную и уже готовил себе напиток на барной стойке, когда зазвонил телефон. Он сразу же выхватил трубку из подставки.

«Алло?» - сказал он.

«Стив, это Фанни.»

«Да, Фанни, где ты?»

«Мы застряли в центре города, возле «Куперсмита». И здесь дьявольски сложно поймать такси; их просто не найти. Мы думаем сесть на поезд до станции «Гладиола» - если, конечно, сможем добраться отсюда до междугородней.»

«Как насчёт метро?»

Железная дорога ближе, если мы сможем до оной добраться. Но это может занять некоторое время. Я позвоню тебе, как только узнаю, что мы будем делать.»

«Как поживает Санта-Клаус?»

«Грязный старик с фальшивой бородой. Пойди выпей чего-нибудь», - сказала Фанни и повесила трубку.

Он положил трубку и вернулся к барной стойке, гадая, когда у Фанни появились собственные экстрасенсорные способности. Его губа была в синяках от реанимации «рот в рот», проведённой Хиллари в состоянии транса. Он не целовал другую женщину с того дня, как женился на Тедди, и не чувствовал, что поцеловал её сейчас. Всё, что происходило в гостиной квартиры Дениз Скотт, было лишено всякой сексуальности из-за яростного стремления Хиллари. Она с таким же успехом могла прижимать ко рту камень некроманта, и он скорее испугался, чем возбудился, опасаясь, что она действительно обладает силой, способной исторгнуть его душу из оболочки тела и оставить таковую дрожащей серой массой на ковре у его ног. Он намеревался рассказать Тедди о случившемся, как только она вернётся домой. Он прикинул, когда, чёрт возьми, это произойдет, смешал себе мартини, очень сухой, и положил в бокал две оливки. Он включал ёлочные гирлянды, когда зазвонил телефон.

«Стив, это снова я», - сказала Фанни. «Это безнадежно. Придётся искать где-нибудь гостиницу.»

«Где ты сейчас?»

«На углу Уэверли и Доум. Мы пришли сюда пешком от «Куперсмита». Близнецы замёрзли, на них были только лыжные куртки, когда мы выходили из дома сегодня утром.»

«Уэверли и Доум», - сказал он. «Попробуйте зайти в «Уэверли Плаза», он должен быть прямо за углом от вас. И перезвоните мне, когда устроитесь, хорошо?»

«Да, хорошо.»

«Я буду здесь, у телефона.»

«Ты уже выпил?»

«Да, Фанни.»

«Хорошо. Это первое, что я собираюсь сделать, когда мы найдём чёртово место для ночлега.»

«Перезвони мне.»

«Обязательно», - сказала она и повесила трубку.

Он подошёл к камину, разорвал вчерашнюю газету - ту, в которой был некролог Грегори Крейга, - на полосы, и бросил их под решётку. Поверх газеты он аккуратно сложил хворост, положил три полена и чиркнул спичкой. Он уже прихлёбывал второй мартини, когда снова зазвонил телефон. Это была Фанни, сообщившая, что им удалось снять два номера в отеле «Уэверли», и они бы не получили их, если бы она при снятии номера не сказала, что эти бедные дрожащие душеньки - жена и дети детектива Стивена Луиса Кареллы из 87-го участка. Он никогда не считал себя человеком с влиянием, но, видимо, то, что он был городским детективом, позволило Фанни и его семье снять пару комнат на ночь.

«Не хочешь поздороваться с детьми?» - спросила она.

«Да, позови их, пожалуйста.»

«Они в соседней комнате, смотрят телевизор. Секунду.»

Он услышал, как она обращается к близнецам через дверь, которая, очевидно, была дверью в смежные комнаты. Первой на связь вышла Эйприл.

«Папа», - сказала она, - «Марк не разрешает мне смотреть моё шоу.»

«Скажи ему, что я разрешил тебе посмотреть своё шоу в течение часа, а потом он сможет посмотреть своё.»

«Никогда в жизни не видела столько снега», - сказала Эйприл. «Нам ведь не придётся проводить здесь Рождество, правда?»

«Нет, дорогая. Позови Марка, ладно?»

«Секундочку. Я люблю тебя, папочка.»

«Я тоже тебя люблю», - сказал он и стал ждать.

«Привет», - сказал Марк.

«Пусть она посмотрит час, а потом ты сможешь смотреть всё, что захочешь, хорошо?», - сказал Карелла.

«Да, хорошо. Наверное.»

«Теперь всё в порядке?»

«Фанни заказала двойной «Манхэттен» из обслуживания номеров.»

«Хорошо. А как насчёт мамы?»

«Она пьёт скотч. Мы чуть до смерти не замёрзли, папа.»

«Скажи ей, что я люблю её. Я позвоню утром, хорошо? Какие у вас номера комнат?»

Карелла положил трубку обратно на подставку. Он допил свой напиток, затем приготовил себе хот-доги и печёные бобы, разогрел банку квашеной капусты и ел с бумажной тарелки перед костром в камине, потягивая пиво из бутылки. После этого он прибрался на кухне и лёг спать в 21:30. Впервые в жизни он спал один в этом доме. Он всё время думал о том, что произошло сегодня с Хиллари. «Кто-то плавает. Женщина. Лента. Утопление. Лента тонет. Ты украл. Я слышал. Я знаю. Я расскажу.»

Его губа всё ещё болела.

Он не знал, как поступить с Мейером. У него не было желания лишать его праздника, но в то же время он понимал, что обход здания «Харборвью» от двери к двери может оказаться пустым занятием завтра, когда многие жильцы будут праздновать Рождество и Хануку в других районах города. Он решил пройтись по зданию сегодня, и первый звонок, который он сделал из дома, был Мейеру.

Сара взяла трубку. Она сказала, что её муж в душе, и спросила, сможет ли он перезвонить, когда выйдет. Карелла ответил, что пробудет здесь ещё не меньше часа. Он уже думал, как доберётся до работы сегодня утром: его машина всё ещё стояла у обочины под семью тоннами снега. Он повесил трубку и позвонил Хоузу домой.

«Коттон», - сказал он, - «я хочу сегодня же попасть в это здание.»

«Хорошо», - сказал Хоуз.

«В доме двенадцать этажей, на каждом этаже по пять квартир. Если мы разделим их между собой, то у каждого из нас будет по тридцать квартир. Если учесть, что на каждую остановку уходит в среднем пятнадцать минут, то мы будем работать приблизительно по восемь часов за этот день.»

Хоуз, который не слишком хорошо разбирался в арифметике, ответил: «Да, более или менее.»

«Можешь ехать туда, когда захочешь», - сказал Карелла. «Я уеду отсюда через час или около того.»

«Хорошо», - сказал Хоуз.

«Ты хочешь начать снизу или сверху?»

«Мой отец говорил мне, что всегда нужно начинать с самого верха.»

«Ладно, хорошо, с учётом этого я и буду работать. Давай запланируем перерыв на обед примерно в час. Встретимся в холле.»

«Хорошо», - сказал Хоуз и повесил трубку.

Карелла как раз принимал душ, когда услышал телефонный звонок. Он выключил воду, схватил полотенце, выбежал в спальню и поймал трубку на шестом звонке. На другом конце был Мейер.

«Я был в душе», - сказал ему Карелла.

«Мы должны перестать встречаться в душе», - сказал Мейер.
«Парни начинают болтать.»

«Я звонил насчёт завтрашнего дня.»

«Да, и ты что задумал?»

«Надо будет заглянуть в это здание сегодня.»

«Хорошо.»

«Мне очень жаль, Мейер.»

«Послушай, не ты убивал этих людей», - сказал Мейер. «Как тебе нравится снег? Это достаточно белое Рождество для нас? Как ты доберёшься до центра города?»

«На метро, наверное.»

«Как бедные люди», - сказал Мейер. «Слушай, не волнуйся о завтрашнем дне, ладно? Мы ведь изначально так и договаривались.»

Опрос жителей дома 781 по Джексон занял у Кареллы и Хоуза немного меньше времени, чем они ожидали. Карелла добрался до здания чуть позже 10:00, через полчаса после того, как Хоуз уже начал работу на верхнем этаже. Они прервались на обед в час дня, как и договаривались, и закончили работу в 16:30. Они остановились, чтобы выпить кофе и съесть крекеры в кафе неподалёку от здания, и вместе просмотрели свои записи. Позже у каждого из них уйдёт несколько часов на то, чтобы

напечатать совместный отчёт в пяти экземплярах из тех записей, которые они сделали по отдельности. Одна копия отчёта отправится лейтенанту Бирнсу. Другая копия - капитану Фрику, который командовал всем участком. Третья копия отправлялась в отдел убийств, а оставшиеся две копии подшивались соответственно в папки с делами Крейга и Эспозито. В обычных условиях было бы достаточно четырех копий, но это было дело, имеющее дело-компаньон, и наоборот.

До сих пор они считали убийство Эспозито истинным делом-компаньоном, несмотря на перекрёстную индексацию, по которой убийство Крейга также считалось делом-компаньоном. Теперь они стали смотреть на вещи несколько иначе. Они оба были опытными полицейскими и знали всё об убийствах с дымовой завесой. Одно из первых дел Кареллы - это было ещё до прихода Хоуза в участок, даже до свадьбы Кареллы и Тедди, - казалось, было посвящено ненавистнику полицейских, который бегал по округе и стрелял в них. Но это была лишь дымовая завеса; на самом деле убийца охотился за конкретным полицейским и распространял дым, чтобы скрыть истинную цель. До перевода Хоуза в 87-й участок он расследовал дело, в котором убийца отрубил руки своей жертве, а затем убил ещё двух человек в другом районе города и тоже отрубил им руки. Ему нужны были деньги по страховке, и он отрубил руки своей настоящей жертве, потому что не хотел, чтобы отпечатки пальцев были идентифицированы, что могло бы стать основанием для отказа в выплате. Второе и третье убийства были «дымовой завесой», призванной заставить копов поверить, что они ищут какого-то урода, который расчленяет своих жертв.

До сих пор они и подумать не могли, что убийство Грегори Крейга было дымовой завесой для убийства Мэриан Эспозито. Всё указывало на то, что второе убийство было убийством из соображений целесообразности - убийца бежал из здания с окровавленным ножом в руках, возможно, его видели, и он панически боялся возможности последующего опознания. Нож исчез, перед этим пробив сердце. Но теперь они задумались. Они задались этим вопросом, потому что трое жильцов дома

781 по Джексон рассказали им, что Мэриан и Уоррен Эспозито состояли в браке, который в лучшем случае можно было назвать проблемным.

Пара, жившая по соседству с Эспозито в квартире 702, одной из квартир, в которую позвонил Хоуз, рассказала ему, что в двух случаях Мэриан вызывала полицию, потому что её муж избивал её. В каждом из этих случаев прибывшие на место происшествия патрульные улаживали то, что в полиции эвфемистически называют «семейным спором». Но после первого избиения Мэриан несколько недель ходила с синяками под глазами, а во время второго избиения у неё был сломан нос.

Жилец из квартиры 508, узнавший Мэриан по не слишком лестному снимку, сделанному фотографом на месте преступления, рассказал Карелле, что однажды он поднимался в лифте вместе с Эспозито, они начали о чём-то спорить, и Уоррен Эспозито схватил свою жену за руку и с силой выкрутил её за спину. «Думал, что ломает», - сказал мужчина, а затем предложил Карелле бокал вина, от которого Карелла отказался. Мужчина ждал, когда сын и невестка приедут к нему на праздник. Его жена умерла полгода назад, и это было его первое Рождество без неё. Он снова предложил Карелле бокал вина. Карелла вынужден был отказаться: он был полицейским на службе. Но он задержался дольше отведённых на каждую квартиру пятнадцати минут, чувствуя одиночество старика и надеясь, что сын и невестка его не разочаруют.

В квартире 601, расположенной прямо под квартирой Эспозито, женщина, проживающая там, рассказала Карелле, что наверху всегда было много криков и стука, иногда в два-три часа ночи. «Иногда», - сказала она, аккуратно завязывая бант, - «если над вами живут дети, наверху бывает много беготни и шума. Но у Эспозито нет детей. И конечно, все в доме знают, что он её бьёт.» Она взяла ножницы и осторожно отрезала конец ленты.

«Похоже, у нас появился женоубийца», - сказал Хоуз.

«Похоже на то.»

«Пришёл вчера, хотел узнать, что мы делаем, чтобы найти убийцу его жены», - сказал Хоуз и покачал головой. «Его адвокат позвонил лейтенанту, чтобы тот закрутил гайки. Наверное, он скучает по ней.»

«Я хочу проверить это в записях, может, она действительно звонила нам дважды», - сказал Карелла. «У тебя есть мелочь?»

Хоуз покопался в кармане и достал горсть монет. Карелла вынул из его ладони две монеты по 10 центов и направился к телефонной будке рядом с автоматом по продаже сигарет. За одним из других столиков блондинка лет сорока с веточкой остролиста на воротнике пальто повернулась к Хоузу и улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ. Карелла разговаривал по телефону достаточно долго, чтобы получить необходимую информацию. Вернувшись к столу, он сказал: «Всё подтвердилось. Первый звонок был восемнадцатого августа, второй - двенадцатого ноября. Я бы хотел поговорить с Эспозито прямо сейчас, что скажешь?»

«Я занят», - сказал Хоуз. «Но, если он наш человек, я не хочу, чтобы он провёл Рождество в Южной Америке.»

Они постучали в дверь квартиры Эспозито в десять минут пятого. Уоррен Эспозито открыл им дверь, узнав Хоуза в глазок. На нём были только брюки и майка. Он сказал им, что одевается, чтобы вернуться в похоронное бюро. По его словам, он пробыл там весь день и вернулся домой, чтобы принять душ и переодеться. Его глаза были опухшими и красными; было видно, что он плакал. Карелла вспомнил описание Хиллари Скотт «призрака», убившего Грегори Крейга. Уоррену Эспозито было около тридцати четырёх лет, у него были вьющиеся чёрные волосы и тёмно-карие глаза. Но сколько ещё в этом городе людей с таким же сочетанием волос и глаз, включая того, кто в день убийства назвался охраннику Дэниелом Корбеттом, и, кроме того, кто, чёрт возьми, верит в медиумов или призраков?

Уоррен Эспозито не был духом. Его рост составлял около шести футов двух дюймов, чуть выше Кареллы и столько же, сколько у

Хоуза, а на груди, бицепсах и предплечьях бугрились мышцы. В женщине, которую Карелла видел мёртвой на тротуаре, было около пяти футов шести дюймов роста, и, по его мнению, она весила 115 фунтов.

«Мистер Эспозито», - сказал он, - «правда ли, что в двух отдельных случаях ваша жена звонила в полицию с просьбой о помощи в семейном споре?»

«Где вы это слышали?», - сказал Эспозито. «Люди в этом здании должны заниматься своими делами. Кто это был? Крюгер из соседней квартиры?»

«Патрульные, ответившие на оба вызова, представили полные отчёты», - сказал Карелла.

«Ну... возможно, были один или два момента», - сказал Эспозито.

«И ваша жена вызвала полицию, верно?»

«Да, наверное, так и было.»

«Во время одного из таких споров вы подбили ей оба глаза?»

«Кто вам это сказал?»

«Это есть в отчёте», - сказал Карелла.

«Мы просто спорили, вот и всё.»

«Вы подвели ей глаза?»

«Возможно, да.»

«А во второй раз вы сломали ей нос?»

«Может быть.»

«Вы однажды выкрутили ей руку с такой силой, что свидетель подумал, что вы точно её сломаете?»

«Я знаю, кто это», - сказал Эспозито. «Это Ди Лука на пятом этаже, не так ли? Боже, как бы я хотел, чтобы эти чёртовы люди не лезли не в своё дело.»

«Так вы или не вы?»

«Наверное, да. Но какая разница? Что вы хотите сказать, мистер Карелла? Вы хотите сказать, что я убил её? Только потому, что время от времени ссорился? Разве вы не спорите со своей женой? Вы женаты?»

«Я женат», - сказал Карелла.

«Так разве вы с женой не...?»

«Давайте поговорим о вас и вашей жене, хорошо?», - сказал Карелла.

«Где вы были между шестью и семью часами вечера в четверг?», - спросил Хоуз.

«Послушайте», - сказал Эспозито, - «если это перерастёт в третью степень (*допрос с пристрастием – примечание переводчика*), я хочу позвонить своему адвокату.»

«Вам не нужен адвокат, чтобы ответить на несколько вопросов», - сказал Хоуз.

«Нет, если только в вопросах не будет сказано, что я убил свою жену.»

«Только ответы могут это сделать.»

«Я хочу позвонить своему адвокату.»

«Хорошо, позвоните своему адвокату», - сказал Карелла.

«Скажите ему, что мы задаём вам несколько простых вопросов, на которые вы отказываетесь отвечать, и скажите, что, возможно, нам придётся получить эти ответы в большом жюри (*в США коллегия присяжных заседателей, которая определяет обоснованность и целесообразность предъявления кому-либо обвинений – примечание переводчика*). Давайте, звоните ему.»

«Большое жюри? Какого чёрта...?»

«Большое жюри, да. Позвоните своему адвокату.»

«Обязательно.»

«Я хочу, чтобы вы это сделали. Мы теряем здесь время.»

Эспозито подошёл к телефону и набрал номер. Он послушал, как зазвонил телефон, а затем сказал: «Джойс, это Уоррен Эспозито. Джерри на месте? Спасибо.» Он снова подождал, а потом сказал в трубку: «Джерри, у меня здесь два детектива, они задают вопросы о том, где я был в четверг, и угрожают мне судом присяжных... Конечно, секундочку.» Он протянул телефон Карелле. «Он хочет поговорить с одним из вас.»

Карелла взял трубку. «Алло?», - сказал он.

«Кто это?», - сказал голос на другом конце.

«Детектив Карелла, 87-й участок. Кто это?»

«Джером Либерман, адвокат мистера Эспозито. Насколько я понимаю, вы угрожали моему клиенту судом присяжных, если он...»

«Никто никому не угрожал, мистер Либерман. Мы хотели задать несколько вопросов, а он хотел позвонить своему адвокату. Он позвонил вам, и вот вы на связи.»

«Что всё это значит - большое жури?»

«Мы хотим знать, где он был, когда убили его жену. У вашего клиента есть история насилия над женой...»

«Я бы поостерегся говорить, мистер Карелла...»

«Да, сэр, я осторожен. Полицию вызывали в эту квартиру по двум разным поводам, я уже убедился в этом. В первом случае у миссис Эспозито были синяки под глазами, это было восемнадцатого августа, мистер Либерман, а во втором случае у неё шла кровь из носа, и патрульный, составлявший протокол, заявил, что нос был сломан. Это было двенадцатого ноября прошлого месяца. С таким послушным списком я считаю разумным, что мы хотим знать, где находился ваш клиент в момент убийства. Если он откажется отвечать на наши вопросы...»

«Вы разъяснили ему его права, мистер Карелла?»

«Мы не обязаны. Это всё ещё оперативное расследование; ваш клиент не находится под стражей.»

«Вы планируете взять его под стражу?»

«На каком основании, адвокат?»

«Это вы мне скажите. Только у вас есть ответы на все вопросы.»

«Адвокат, давайте перестанем играть в игры, хорошо? Если ваш клиент не причастен к убийству своей жены, ему не о чем беспокоиться. Но если он откажется отвечать на наши вопросы, мы вызовем его в суд присяжных, и, возможно, он согласится рассказать им, где он находился в момент убийства. Потому что, если он откажется сообщить им, как вы, я уверен, знаете, его привлекут к ответственности. Теперь мы можем делать всё, что вы скажете, мистер Либерман. Сейчас канун Рождества, и вы не хуже меня знаете, что мы не сможем добиться решения большого жюри до двадцать шестого числа, но если вы хотите, чтобы мы сделали именно это, просто скажите. Если вам нужен мой совет...»

«О, вы адвокат, мистер Карелла?»

«Нет, мистер Либерман, а вы? Мы хотим получить ответы от вашего клиента, вот и всё. Мой совет - посоветуйте ему сотрудничать. Это мой совет. Бесплатный.»

«И стоит каждого цента, который вы берёте», - сказал Либерман. «Передайте ему трубку.»

Карелла передал трубку Эспозито. «Да», - сказал он и прислушался. «Ага... Ты уверен, что всё в порядке? Ладно, извини, что побеспокоил тебя таким образом, Джерри. Спасибо. И счастливого Рождества», - сказал он и повесил трубку. «Какие у вас вопросы?», - спросил он Кареллу.

«Где вы были в четверг вечером между шестью и семью часами?»

«Возвращался домой с работы.»

«Откуда это?», - спросил Хоуз.

«Техно-Системс, Инк.», на Ригби и Франчайз.

«Чем вы там занимаетесь?», - спросил Карелла.

«Я программист.»

«Во сколько вы ушли из офиса в четверг?»

«В пять тридцать.»

«Как вы обычно добираетесь домой?»

«На метро.»

«От Ригби и Франчайз у вас должно было уйти не более получаса. Если вы вышли из офиса в пять тридцать...»

«Я остановился, чтобы выпить.»

«Где?»

«Место под названием «У Элмера», за углом от офиса.»

«Как долго вы там были?»

«Около часа.»

«Тогда, вообще-то, вы не возвращались домой до шести тридцати, так?»

«Шести тридцати, без четверти семь.»

«С кем вы пили, мистер Эспозито?»

«Я был один.»

«Вы постоянно бываете в «Элмере?»»

«Я заглядываю туда время от времени.»

«Где вы пили? За столиком или в баре?»

«В баре.»

«Бармен вас знает?»

«Не по имени.»

«Кто-нибудь знает вас по имени?»

«Одна из официанток, которая там работает. Но в четверг она не работала.»

«Во сколько вы вернулись в Харборвью?»

«Семь тридцать или около того. Поезда ходили медленно.»

«Что вы делали, когда приехали?»

«Повсюду были полицейские. Я спросил Джимми, что происходит, и... тогда он сказал мне, что мою жену убили.»

«Под Джимми вы подразумеваете...?»

«Джимми Карлсона, охранника.»

«Что вы сделали?»

«Я пытался выяснить, куда её увезли. К тому времени они уже перевезли её тело. Я пытался выяснить, где она. Никто, похоже, не знал. Я поднялся наверх и позвонил в полицию. Мне пришлось сделать шесть звонков, прежде чем мне сообщили хоть какую-то информацию.»

«Вы знали, что в этом здании произошло ещё одно убийство?»

«Да, Джимми рассказал мне.»

«Я уже говорил вам, что это Грегори Крейг на третьем этаже?»

«Да.»

«Вы знали мистера Крейга?»

«Нет.»

«Никогда не сталкивались с ним в лифте или ещё где-нибудь?»

«Я бы не узнал его, если бы увидел.»

«Что вы сделали, когда узнали, куда увезли вашу жену?»

«Я поехал в морг и провёл опознание.»

«Кому?»

«Я не знаю, кто это был. Наверное, один из судмедэкспертов.»

«В котором часу это было?»

«Около девяти часов. Они сказали, что я... могу забрать тело в полдень пятницы. Я вернулся сюда, позвонил в похоронное бюро и договорился... чтобы её забрали.»

«Мистер Эспозито», - сказал Карелла, - «нам придётся проверить в «Элмере», чтобы убедиться, что вы там были. Нам бы помогла фотография, которую мы могли бы показать бармену. У вас случайно нет свежей фотографии?»

«Мой адвокат не говорил, что я могу дать вам фотографию.»

«Позвоните ему ещё раз, если хотите», - сказал Карелла.
«Единственное, для чего мы будем оную использовать, - чтобы предъявить в «Элмере» для идентификации.»

«Думаю, всё в порядке», - сказал Эспозито. Он начал выходить из комнаты, повернулся и сказал: «Я не убивал её. У нас были свои проблемы, но я её не убивал.»

Они добрались до заведения «У Элмера» почти в семь вечера.

В канун Рождества в баре собрались мужчины и женщины, которым некуда было пойти, не было ни уютных очагов, ни светящихся ёлок, только сомнительный комфорт в компании друг друга. Они выстроились вдоль барной стойки и сидели за столиками, поднимали бокалы в юбилейных тостах и смотрели на телевизор, по которому показывали фильм о семейном празднике. За стойкой стояли два бармена. Ни один из них не работал в четверг вечером, когда, по утверждению Эспозито, тот пил здесь в одиночестве в течение часа или более. Они узнали его фотографию, но не могли сказать, что он здесь был, поскольку сами здесь не были. Барменом, который работал в четверг - они объяснили, что в баре работает только один человек в течение недели и два по выходным, - это был Терри Броган, подрабатывающий городским пожарным. Они дали детективам домашний номер Брогана, а также номер машинной роты номер шесть, расположенной в верхней части города, в одном из районов с самым высоким уровнем

пожарной опасности. Из телефонной будки в баре они позвонили Брoгану домой и не получили ответа. Они позвонили в пожарную часть и поговорили с капитаном по имени Ронни Грандж, который сказал, что Брoган увёз жену и детей в Виргинию (*штат на востоке США – примечание переводчика*) на рождественские каникулы; в Виргинии живёт его сестра.

Когда они вышли из бара, Карелла сказал: «Я скажу тебе одну вещь, Коттон.»

«Какую это?»

«Никогда не убивай перед Рождеством.»

Они пожали друг другу руки на тротуаре, пожелали счастливого Рождества, а затем разошлись в разные стороны, направляясь к двум разным линиям метро, которые должны были доставить их домой.

Снова пошёл снег.

В тот вечер Карелла добрался до дома только в 20:30. Снегопад устроил настоящий ад для системы метро на наземных путях, и поезда ходили редко и неспешно. Возле дома в Риверхеде он с трудом пробрался через сугробы к входной двери. На соседней улице жил паренёк, который должен был разгрести дорожки каждый раз, когда выпадал снег. За эту работу ему платили три доллара в час, но было очевидно, что он не появлялся здесь со вчерашней бури. Новый снег уже немного сошёл, но в воздухе висели мельчайшие кристаллики. Он топнул ногой на крыльце. Венок на двери висел немного наискосок; он поправил его, затем открыл дверь и вошёл внутрь.

Никогда ещё дом не выглядел таким гостеприимным. В камине пылал огонь, а ёлка в углу комнаты сияла красным, жёлтым, голубым, зелёным и белым, отражаясь в висящих украшениях. Тедди была одета в длинный красный халат, её черные волосы были стянуты на затылке в хвост. Она сразу же подошла к нему и обняла, прежде чем он успел снять пальто. Он снова

вспомнил, как накануне днём собирался рассказать ей, что Хиллари Скотт пыталась зубами отрезать ему нижнюю губу.

Он смешал себе мартини и сидел в кресле у камина, когда в гостиную вошли близнецы. Оба были в пижамах и халатах. Эйприл забралась к нему на колени, Марк сел у его ног.

«Итак», - сказал Карелла, - «вы наконец-то увидели Санту.»

«Угу», - сказала Эйприл.

«Ты рассказала ему обо всем, чего хочешь?»

«Угу», - сказала Эйприл.

«Папа...», - сказал Марк.

«Мы очень скучали по тебе», - быстро сказала Эйприл.

«Я тоже скучал по тебе, дорогая.»

«Папа...»

«Не говори ему», - сказала Эйприл.

«Рано или поздно он должен узнать», - сказал Марк.

«Нет, не должен.»

«Должен.»

«Никаких секретов.»

«Это ты сказала, что не надо.»

«В любом случае, не говори ему.»

«Не говорить мне что?», - спросил Карелла.

«Папа», - сказал Марк, избегая взгляда отца, - «Санта-Клауса не существует.»

«Ты сказал ему», - сказала Эйприл и посмотрела на брата.

«Ничего подобного, да?», - сказал Карелла.

«Ничего подобного», - повторил Марк и вернул взгляд Эйприл.

«Откуда ты знаешь?»

«Потому что их сотни по всей улице», - сказал Марк, - «и никто не может двигаться так быстро».

«Они его помощники», - сказала Эйприл. «Разве не так, папа? Они все его помощники.»

«Нет, это просто эти ребята», - сказал Марк.

«Как давно вы это знаете?», - спросил Карелла.

«Ну...», - сказала Эйприл и прижалась к нему поближе.

«Как долго?»

«С прошлого года», - сказала она тоненьким голоском.

«Но, если вы знали, что никакого Санты нет, почему согласились пойти к нему?»

«Мы не хотели ранить твои чувства», - сказала Эйприл и снова посмотрела на брата. «Теперь ты ранишь его чувства», - сказала она.

«Нет, нет», - сказал Карелла. «Нет, я рад, что вы мне рассказали.»

«Санта - это ты и мама», - сказала Эйприл и крепко обняла его.

«В таком случае тебе лучше лечь спать, чтобы мы могли покормить оленей.»

«Какого оленя?», - спросила она, широко раскрыв глаза.

«Всю стаю» (*группа из девяти летучих северных оленей, тянущих за собой повозку Санта-Клауса, развозящего рождественские подарки – примечание переводчика*), - сказал Карелла. «Дондер и Блитцен, Допи и Док...»

«Это Белоснежка!», - сказала Эйприл и захихикала.

«Правда?», - сказал он, ухмыляясь. «Давай, пора спать. Завтра будет тяжёлый день.»

Он отвёл их в отдельные комнаты, уложил и поцеловал на ночь. Когда он выходил из комнаты Марка, Марк спросил: «Папа?»

«Да, сынок?»

«Я тебя обидел?»

«Нет.»

«Ты уверен?»

«Точно.»

«Потому что... знаешь... я подумал, что это будет лучше, чем ложь.»

«Совершенно верно», - сказал Карелла, коснулся волос сына и, как ни странно, почувствовал, что плачет. «Счастливого Рождества, сынок», - быстро сказал он, отвернулся от кровати и погасил свет.

Тедди вышла из кухни с подносом горячих сырных пирожков, а затем отправилась пожелать детям спокойной ночи. Когда она вернулась в гостиную, Карелла уже смешивал себе второй martini. Она предупредила его, чтобы он не налегал на спиртное.

«Долгий тяжёлый день, милая», - сказал он. «Хочешь один из них?»

«Скотч, пожалуйста», - сказала она. «Очень лёгкий.»

«Где Фанни?», - спросил он.

«В своей комнате, упаковывает подарки.»

Они сидели перед камином, потягивая напитки и закусывая сырными слойками. Она сказала ему, что ужин будет готов через полчаса или около того - она не была уверена, во сколько он вернется домой, и сейчас он разогревался в духовке. Он извинился, что не позвонил, но они с Хоузом были в разъездах с раннего утра, и у него просто не было свободной минутки. Она спросила, как продвигается дело, и он рассказал ей о Хиллари Скотт и её сестре-близнеце Дениз, рассказал, как Хиллари

узнала не только имя Тедди, но и её девичью фамилию, рассказал, что она каким-то образом разгадала имя Эйприл, рассказал, что она знала, что Эйприл похожа на свою мать.

Затем он рассказал ей о поцелуе.

Тедди насторожилась.

Он рассказал ей, как пытался отстраниться от Хиллари, как она приникла к его рту, словно троакар (*хирургический инструмент, предназначенный для проникновения в полости человеческого организма через покровные ткани с сохранением их герметичности* – **примечание переводчика**)

бальзамировщика, пытающемся откачать жидкость, рассказал о последовавшем за этим транс: Хиллари тряслась, раскачивалась и жутким голосом говорила о том, что тонет, кто-то что-то слышит, кто-то что-то крадёт. Тедди слушала и ничего не говорила. Она оставалась необщительной весь ужин, её руки были заняты посудой, а глаза избегали его. После ужина они отнесли завёрнутые подарки из места, где спрятали их в подвале, и разложили под ёлкой. Он сказал ей, что лучше бы разгрести дорожки, пока снег не застыл, и она не забыла сказать ему, что мальчик с соседней улицы позвонил Фанни и сказал, что не сможет приехать в дом на выходные, потому что ему нужно к бабушке.

На улице, разгребая снег, Карелла размышлял, стоило ли ему всё-таки рассказывать Тедди о поцелуе. Он не упомянул, что Хиллари Скотт выглядит как её молодая версия, и теперь был рад, что не упомянул. Воздух стал очень холодным. Вернувшись в дом, он несколько минут постоял перед угасающим камином, согреваясь, а затем прошёл в спальню. Свет был погашен. Тедди лежала в постели. Он молча разделся и лёг к ней в постель. Она неподвижно лежала рядом с ним; её дыхание подсказывало ему, что она ещё не спит. Он включил свет.

«Дорогая, что случилось?», - спросил он.

«Ты целовался с другой женщиной», - сказала она.

«Нет, это она меня поцеловала.»

«Это одно и то же.»

«И кроме того, это был не поцелуй. Это было... я не знаю, что это было, чёрт возьми.»

«Это был поцелуй, вот что это было, чёрт возьми», - сказал Тедди.

«Дорогая», - сказал он, - «поверь мне, я...»

Она покачала головой.

«Дорогая, я люблю тебя. Я бы не поцеловал Джейн Фонду (*американская киноактриса и писательница – примечание переводчика*), если бы нашёл ее завёрнутой под рождественской ёлкой завтра утром.» Он улыбнулся, а потом сказал: «А ты знаешь, как я отношусь к Джейн Фонде.»

«А как ты относишься к Джейн Фонде?»

"Я думаю, она... ну, она очень привлекательная женщина», - сказал Карелла, и у него возникло ощущение, что он зарывается глубже, чем в любой из сугробов на улице. «Я пытаюсь сказать...»

«Однажды мне приснилось, что Роберт Редфорд (*американский актёр, кинорежиссёр, продюсер и бизнесмен – примечание переводчика*) занимается со мной любовью», - рассказывает Тедди.

«Как всё прошло?», - спросил Карелла.

«Очень хорошо, на самом деле.»

«Дорогая?», - сказал он.

Она следила за его губами.

«Я люблю тебя до смерти», - сказал он.

«Тогда больше никаких поцелуев», - сказала она и кивнула. «Или я разобью твою чёртову голову.»

Мэр, когда репортёры спросили его, как он планирует расчистить улицы до начала интенсивного праздничного движения, ответил со свойственным ему остроумием и стилем: «Парни, это не что иное, как обычная снегоуборочная работа.» Представители прессы не сочли его замечание забавным. Не посчитали его забавным и полицейские 87-го участка.

Те, кому не повезло попасть на смену с полуночи до восьми утра в Рождество, работали до десяти утра, и к этому времени в отдел начали по одному прибывать детективы. В 87-м участке было восемнадцать детективов, и они разделили между собой три смены, составлявшие их рабочий день, по шесть человек в каждой смене. В смену с восьми утра до четырёх вечера (или, как оказалось, с десяти утра до шести вечера) работали Мейер Мейер, Хэл Уиллис, Боб О'Брайен, Лу Московиц, Арти Браун и переведённый из 21-го участка Пи-Ви Визонски. Рост Визонски составлял шесть футов четыре дюйма, весил он 208 фунтов в трусах и носках, и терпел множество шуток и подначек за то, что он поляк. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь в отделе не рассказывал очередной польский анекдот. На Рождество (это был праздник Визонски) Лу Московиц (который праздновал Хануку) рассказал о первом чуде Папы Иоанна Павла II (*поляк, настоящее имя Кароль Юзеф Войтыла, первый Папа Римский не итальянского происхождения, выбранный за 455 лет –* **примечание переводчика**): он заменил вино водой. Визонски шутка не показалась смешной. Сегодня никому, включая мэра, не везло с шутками.

Фейерверк начался примерно в 10:30.

Всё началось с так называемого «семейного спора» на Мейсон и Шестой. Не так много лет назад Мейсон-авеню была известна как улица шлях. Проститутки с этой грязной пуэрториканской улицы ушли в центр города, где они могли пошалить в

массажном салоне за сорок-восемьдесят долларов, в зависимости от предоставляемых услуг. Теперь улица Ла Виа де Путас была просто Ла Виа - это сочетание бильярдных салонов, магазинов порнографических книг, кинотеатров с порнофильмами, дешёвых ресторанов быстрого приготовления, продуктовых магазинов, дюжины баров и церкви, посвящённой спасению душ тех, кто часто посещает этот район. За исключением церкви, которая в одноэтажном религиозном стиле примостилась между мрачными зданиями, примыкающими к ней, все стильные заведения, расположенные на улице, находились на первых этажах доходных домов, в которых жили люди, готовые довольствоваться убогой обстановкой в обмен на одну из самых дешёвых арендных плат, какие только можно было найти в городе. Именно в одной из таких квартир и произошёл семейный спор.

Двое патрульных, приехавших на вызов, столкнулись с явно не праздничной сценой. В гостиной находилась пара тел, оба в ночных рубашках, оба - жертвы перестрелки. Одно из них, женщина, мёртвая сидела в кресле возле телефона, трубка всё ещё была зажата в её окровавленной руке. Именно она, как они узнали позже, позвонила в службу спасения 911. Второй жертвой оказалась шестнадцатилетняя девочка, которая лежала лицом вниз на заплатанном линолеуме и была так же мертва. Женщина, позвонившая в 911, сказала только: «Пришлите полицию, мой муж сходит с ума.» Патрульные ожидали увидеть семейную ссору, но не такого масштаба. Они постучали в дверь квартиры, не получили ответа, попробовали дверную ручку, а затем несколько непринуждённо вошли в квартиру - это был день Рождества, это была Ханука. Теперь они оба выхватили пистолеты и веером пронеслись по комнате. В одном конце её находилась закрытая дверь. Первый патрульный - чернокожий коп по имени Джейк Парсонс - постучал в дверь, и его тут же встретили выстрелы, которые вырвали огромные куски из деревянной обшивки и сделали бы то же самое с его головой, если бы он рефлекторно не бросился на пол. Оба полицейских отступили от квартиры.

По рации в машине внизу доложили дежурному сержанту Мэрчисону, что, похоже, у них тут двойное убийство, не говоря уже о том, что за запертой дверью кто-то с оружием. Мэрчисон позвонил наверх, в отдел. Пи-Ви Визонски, который был на подхвате, взял кобуру и пистолет из ящика стола, махнул Хэлу Уиллису через всю комнату и вышел через калитку в перилах ещё до того, как Уиллис надел пальто. Мэрчисон внизу позвонил в отдел убийств, а также в бригаду экстренного реагирования, обслуживающую этот район города. Если за запертой дверью находился парень с пистолетом, это была работа для добровольных полицейских из «службы экстренного реагирования», а не для простых смертных. Когда Визонски и Уиллис прибыли на место происшествия, полицейские уже были там. Вместе детективы из 87-го участка очень напоминали Матта и Джеффа (*персонажи американского комикса, появившегося в 1907 году – **примечание переводчика***) или Лорела и Харди (*Стен Лорел и Оливер Харди, британо-американские киноактёры, одна из наиболее успешных комедийных пар в истории кинематографа – **примечание переводчика***). Визонски был самым крупным детективом в отделе, Уиллис - самым маленьким, едва дотягивая до установленного Департаментом полиции роста в пять футов восемь дюймов. Патрульные рассказали им о том, что произошло наверху, и все снова поднялись на четвёртый этаж. Полицейские из отряда специального назначения, одетые в пуленепробиваемые жилеты, вошли первыми. Кто бы ни находился за запертой дверью, он открыл огонь, как только услышал звуки в квартире, поэтому они отказались от мысли выбить дверь. В коридоре снаружи собравшиеся копы проводили совещание на высоком уровне.

Двух сотрудников отдела убийств, которым поручили это дело, звали Фелпс и Форбс. Они были очень похожи на Моногана и Монро, которые как раз в это время были дома и открывали рождественские подарки. (Позже сотрудники из 87-го участка узнают, что жена Моногана подарила ему позолоченный револьвер, а жена Монро - домашний видеоманитофон, на котором он мог тайно проигрывать порнографические кассеты, которые собирал в городе.) Фелпс и Форбс были недовольны

тем, что им придётся работать в Рождество. Фелпс был особенно раздражён, потому что ненавидел пуэрториканцев и любил повторять, что если бы они все вернулись на этот чёртов дерьмовый остров, откуда приехали, то в городе больше не было бы преступлений. И вот пуэрториканская семья создаёт проблемы на Рождество - при условии, что клоп за закрытой дверью действительно латиноамериканец. «Латиноамериканец» - так называли копы в этом городе всех, кто имел хотя бы отдалённо испанское происхождение, за исключением Фелпса и многих таких же копов, которые по-прежнему называли их «спиками» (*этническое оскорбление для испанских или латиноамериканских граждан США* – **примечание переводчика**). Даже заместитель мэра, родившийся в Маягуэсе (*город и порт в Пуэрто-Рико* – **примечание переводчика**), был для Фелпса «спиком».

«Если мы подойдём к этой двери», - сказал Фелпс, - «этот спик снесёт нам головы.»

«Как думаете, мы сможем выбить окно?», - спросил один из полицейских из службы экстренного реагирования.

«Какой это этаж?», - спросил другой.

«Четвёртый.»

«Сколько человек в здании?»

«Пять.»

«Стоит попробовать спустить верёвку с крыши, как вы думаете?»

«Вы, ребята, держите его за дверь», - сказал первый полицейский из службы экстренного реагирования. «Один из нас залезет за ним через окно.»

«Когда услышите наши крики», - сказал второй полицейский из службы спасения, - «выбивайте дверь. Мы достанем его с двух сторон.»

Патрульные, первыми прибывшие на место происшествия, тем временем поговорили с жительницей квартиры в соседнем коридоре, которая рассказала им, что в семье две дочери - шестнадцатилетняя, которую нашли мёртвой на полу, и десятилетняя по имени Консуэла. Они сообщили об этом полицейским, разрабатывавшим стратегию в коридоре, и все согласились, что у них здесь так называемая «ситуация с заложниками», и поэтому влетать в окно, как Бэтмен, было несколько рискованно. Двое полицейских из отдела по чрезвычайным ситуациям были за то, чтобы попытаться сделать это, не обращая за помощью к отделу по работе с заложниками. Но Фелпс и Форбс наложили на их мнение вето и попросили одного из патрульных спуститься вниз и вызвать группу освобождения заложников. Никто пока не знал, действительно ли десятилетняя Консуэла находится за запертой дверью с тем, кто стрелял из пистолета, или же она просто прогуливается по снегу.

В реальной ситуации с заложниками на место происшествия обычно прибывало множество всякой шушеры, даже если место происшествия находилось в пуэрториканском районе города. К 11:00 того утра, когда прибыли двое полицейских из группы освобождения заложников, в переполненном коридоре вместе со всеми стояли четыре сержанта, лейтенант и капитан. Капитан теперь руководил операцией, и он излагал свои планы, как человек, собирающийся штурмовать Кремль. Он сказал копам из группы экстренного реагирования, что действительно хочет, чтобы человек на верёвке с крыши спустился к окну, пока копы по освобождению заложников будут разговаривать с парнем через дверь. Он хотел, чтобы на всех, включая человека, спускающегося по верёвке, были пуленепробиваемые жилеты. Он хотел, чтобы Визонски и Уиллис в бронежилетах подстраховывали копов-заложников у двери. Полицейский из службы экстренного реагирования, который планировал спускаться с крыши, сказал ему, что бронежилет весит полторы тонны, и при таком ветре ему и так будет трудно спуститься по верёвке, не говоря уже о бронежилете, который может сбросить его на улицу четырьмя этажами ниже. Капитан настаивал на бронежилете. Все уже были готовы занять свои позиции, когда

дверь открылась, и худой парень в одних трусах выкинул в гостиную автоматический пистолет Кольта 45-го калибра, а затем вышел, подняв руки над головой. Он рыдал. Его десятилетняя дочь, Консуэла, лежала на кровати позади него. Он задушил её подушкой. Капитан, казалось, был разочарован тем, что теперь у него не будет возможности воплотить в жизнь свой блестящий план.

Тем временем Мейер Мейер и Боб О'Брайен приняли несколько иной вызов. Обычно Мейеру не нравилось работать с О'Брайеном. Это не имело никакого отношения к личности, мастерству или смелости О'Брайена. Это было связано лишь с особой склонностью О'Брайена попадать в ситуации, когда ему приходилось стрелять в кого-нибудь. О'Брайену не нравилось стрелять в людей. На самом деле он прилагал огромные усилия, чтобы избежать необходимости доставать пистолет. Но люди, жаждущие получить пулю, естественно, тяготели к этому. В результате, поскольку копы любят стрелять не больше, чем гражданские, и поскольку работа с О'Брайеном увеличивала вероятность нежелательной перестрелки, большинство копов 87-го участка старались устроить так, чтобы не слишком часто работать с ним в паре. О'Брайена, возможно, незаслуженно, прозвали копом-неудачником. Он сам верил, что если в городе есть мужчина или женщина с оружием, то это оружие так или иначе будет использовано против него, и ему придётся защищаться. Однажды он сказал об этом девушке, с которой был помолвлен; она разорвала помолвку на следующей неделе, что неудивительно.

Однако сегодня - и на Рождество, и на Хануку - Мейер почувствовал, что возможности для насилия в компании О'Брайена, пожалуй, склоняются на восемьдесят двадцать в их пользу. Шансы возросли до девяноста к десяти, когда они получили вызов из Смоук Райз. Смоук-Райз был самым элегантным районом в границах 87-го полицейского участка, почти самостоятельным посёлком, с домами стоимостью от двухсот до трёхсот тысяч долларов, из большинства которых открывался великолепный вид на реку Харб. Более того, сигнал был 10-21 – «случившаяся кража», что означало, что вор

исполнил свои песню и танец, а затем сошёл со сцены под не слишком бурные аплодисменты. Не было никакой опасности, что кто-то выстрелит в О'Брайена - или что О'Брайен выстрелит в ответ, - потому что на момент их прибытия совершившего преступления человека на территории не было.

Многие улицы в Смоук Райз были названы по-королевски - Виктория Сёркл, Элизабет Лейн, Альберт Вэй, Генри Драйв, - придавая району королевский тон, в котором он не нуждался и того не желал. Однако застройщик, не желая, чтобы этот район путали с более грязными участками на этой стороне города, сам дал названия улицам при разбивке участка. Когда у него закончились Норманды, Плантагенеты, Ланкастеры, Йорки, Тюдоры, Оранги и ГанOVERы, он перешёл на Виндзоров. А когда ему не хватило королевских особ, он перешёл на такие названия, как Вестминстер, Солсбери, Винчестер (от которого он отказался, потому что оно слишком похоже на винтовку) и Стоунхендж. Во всём этом месте царил абсолютно британский тон. Многие дома даже выглядели так, как будто их можно было бы поставить на каком-нибудь болоте в Корнуолле.

Кража произошла на Коронацион-драйв, за углом от Букингемской улицы. Дом представлял собой многоэтажное чудо из камня и свинцового стекла, возвышавшееся на берегу реки как летний дворец королевы. Человек, живший в этом доме, заработал своё состояние как торговец хламом, когда ещё можно было собрать огромные деньги, не отдавая 70 процентов из них дяде. Он по-прежнему говорил с отчётливым акцентом, и его «дезы» и «дозы» падали, как богохульства, в сводчатой гостиной с кафедральным потолком. Его семья - жена и двое сыновей - были одеты в праздничные наряды. Они ушли из дома без четверти одиннадцать, чтобы доставить на улицу рождественские подарки, а вернувшись домой в 12:30, обнаружили, что дом разгромлен. Они сразу же позвонили в полицию.

«Что он взял, мистер Файнберг?», - спросил Мейер.

«Всё», - сказал Файнберг. «Должно быть, он загнал грузовик на подъездную дорожку. Стереосистема исчезла, и телевизор, и

меха, и драгоценности моей жены, и все мои камеры из шкафа наверху. Не говоря уже о всех подарках, которые лежали под ёлкой. Сукин сын забрал всё.»

В одном из углов гостиной стояла мамонтового размера рождественская ель, для установки и украшения которой, должно быть, потребовалась бригада из четырёх человек. Мейер не считал ёлку странной в еврейском доме. Он боролся с концепцией празднования Рождества вместе с язычниками (*имеется в виду Модранихт, буквально «ночь матерей», древнеанглийский языческий праздник, отмечающийся в ночь на 25 декабря, то есть в день, на который в христианской традиции приходится канун Рождества – примечание переводчика*) с тех пор, как родились его собственные дети, и в конце концов сдался, когда им было соответственно девять, восемь и шесть лет. Его первым компромиссом стал деревянный ящик из-под апельсинов, украшенный креповой бумагой и напоминающий дымоход. Затем он перешёл к небольшой живой ели, увенчанной шаром, которая, как он сказал детям, была ханукальным кустом (*куст или дерево, настоящее или искусственное, которое некоторые еврейские семьи в США выставляют в своих домах на время Хануки, это также может быть рождественская ёлка с украшениями на еврейскую тематику – примечание переводчика*). После Рождества он надорвал спину, сажая это чёртово дерево на заднем дворе, а на следующий год купил срубленную сосну у благотворительной организации, продававшей их на пустом участке на углу. Он не чувствовал себя менее евреем оттого, что в его доме стояла украшенная ёлка. Как и для многих других язычников, для него этот праздник был скорее духовным, чем религиозным. Если что-то на земле могло объединить людей на самое короткое время, Мейер был только за это.

Некоторые из его друзей-евреев говорили ему, что он скрытый гой (*слово из Танаха, обозначающее все народы, включая евреев; в настоящее время есть в нескольких языках, и обозначает нееврея – примечание переводчика*). Он отвечал им, что он также скрытый еврей. Мейер был убеждён, что Израиль - это не родина, а чужая страна. Он был предан идее, что Израиль

должен выжить и, по сути, выстоять, но в его сознании никогда не было сомнений, что он сначала американец, потом еврей и никогда не будет израильтянином. Он знал, что Израиль принял в своих осаждённых границах бездомных евреев со всего мира, но он никогда не забывал, что Америка принимала бездомных евреев задолго до того, как Израиль стал мечтой. Так что да, он давал деньги на посадку деревьев в Израиле. И да, он со всей страстью в душе ненавидел террористические акты против этой крошечной страны. И да, он жаждал увидеть те библейские места, о которых знал лишь по временам своей юности, когда шесть дней в неделю ходил на хедер (*базовая начальная школа в традиционной еврейской религиозной системе образования – **примечание переводчика***) и был самым блестящим студентом в классе по ивриту. Он был рад, что в этом году Рождество и Ханука выпали на один и тот же день. В глубине души он подозревал, что все религиозные праздники много веков назад были общими; не случайно Пасха и Песах каждый год проходили так близко друг от друга, а иногда - как в случае с этим праздником - выпадали на один и тот же день. Лу Москович, который был детективом 2-го класса в этом же участке, сказал Мейеру, что он больше не настоящий еврей. Мейер Мейер был настоящим евреем всеми фибрами своего существа. Он был настоящим евреем именно такого типа.

Этот вор действительно исполнил в доме Файнберга шикарный номер. По мере того, как детективы перебирали вещи, составляя список украденного, они обнаружили, что было похищено гораздо больше вещей, чем Файнберг предполагал изначально. Версия о том, что грабитель заехал на грузовике на подъездную дорожку, теперь казалась вполне правдоподобной. Он даже украл велосипеды мальчиков из гаража и забрал призовую коллекцию альбомов группы «Queen» младшего мальчика. Потеря альбомов, похоже, расстроила мальчика больше, чем пропажа его новой кинокамеры - рождественского подарка, который он, открыв, оставил под ёлкой. Первоначальное возмущение семьи по поводу кражи уступило место оцепеневшему чувству потери, которое не имело ничего общего со стоимостью товара. Кто-то побывал в этом доме.

Незванный гость ворвался в дом и устроил грабёж, а самым ценным, что он украл, было чувство неприкосновенности частной жизни семьи. Поскольку детективы не знали, был ли грабитель вооружён взрывчаткой или смертоносным оружием, преступление выглядело как кража со взломом третьей степени: «Сознательное проникновение в здание или незаконное пребывание в нём с намерением совершить преступление.» Но язык уголовного права вряд ли подходил для определения преступления, совершенного против Файнбергов. Этот день никто из них не забудет, пока жив. Долгие годы они будут рассказывать о человеке, который пришёл в их дом на Рождество, совпавшее с Ханукой, и о том, что случилось с двумя детективами через десять минут после того, как они покинули место преступления.

Возможно, внимание Мейера и О'Брайена не привлек бы фургон, если бы это не был день Рождества. Фургон был припаркован на боковой улице примерно в пятнадцати кварталах от дома Файнбергов и даже далеко за пределами каменных стен, ограждавших жилой комплекс Смоук Райз. Левое заднее колесо фургона - то, что находилось в стороне от занесённого снегом бордюра, - было спущено. Мужчина в коричневой кожаной куртке и синей шерстяной шапочке менял шину. Рядом с ним на частично выщербленном асфальте лежали шиномонтажный станок и гаечный ключ. Увидев фургон, ни Мейер, ни О'Брайен не сказали друг другу ни слова о том, что компания по перевозкам работает в Рождество. Да им и не нужно было. Мейер, сидевший за рулём, прижал седан без опознавательных знаков к обочине позади фургона. Оба мужчины вышли из машины, по одному с каждой стороны. Тротуар был всё ещё скользким, с вкряпалениями затвердевшего снега, который не заметили снегоуборочные машины. Дыхание паром вырывалось изо рта, когда они подошли к человеку, устанавливающему запасное колесо на место спущенного.

«Нужна помощь?», - спросил Мейер.

«Нет, я справляюсь», - сказал мужчина. По мнению Мейера, ему было около двадцати лет, белый мужчина с довольно бледным цветом лица, который казался почти меловым на фоне тёмных

глаз и чёрных усов под носом. На боку грузовика красовалась надпись «Транспортная компания Калбертсона». Номерной знак был коммерческим, из соседнего штата.

«Заставили тебя работать в Рождество, да?», - небрежно сказал О'Брайен.

«Да, вы знаете, как это бывает», - сказал мужчина.

«Должно быть, важный груз», - сказал Мейер. «Послал вас за ним на Рождество.»

«Слушайте, вам-то что?», - сказал мужчина. «У меня тут проблема, я пытаюсь её решить, так почему бы вам просто не отвалить, а?»

«Полиция», - сказал О'Брайен и уже потянулся в карман за значком, когда в руке мужчины появился пистолет. Это движение застало обоих врасплох. Не многие взломщики кроваток - так называли грабителей домов и квартир - носили оружие. Но человек, совершающий кражу ночью, особенно в доме, где в это время находились люди, рисковал получить самое тяжкое обвинение в краже со взломом и вполне мог быть вооружён, даже если обвинение в применении оружия удлинило бы его пребывание в тюрьме. Если бы они ожидали какого-то проявления насилия - а они его действительно не ожидали, - оно могло бы проявиться в неожиданном хватании за монтировку на тротуаре. Но мужчина потянулся под пиджак, и в его руке появился пистолет 38-го калибра, вытасченный из-за пояса брюк и направленный прямо на Мейера.

Пистолет выстрелил прежде, чем Мейер успел среагировать и достать свой собственный пистолет. Мужчина выстрелил дважды, оба выстрела попали Мейеру в ногу и повалили его на тротуар. Пистолет О'Брайена тут же оказался в его руке. У него не было времени подумать, что это снова происходит с ним. Он подумал только: «Мой напарник ранен», - тут же увидел, что мужчина поворачивает к нему пистолет, и сразу выстрелил, попав тому в плечо, а затем выстрелил ещё раз, когда мужчина опрокинулся навзничь, и вторая пуля попала ему в грудь. С

пистолетом в правой руке О'Брайен встал на колени над раненым, неуклюжим движением левой руки нащупал на поясе наручники, перевернул его, не обращая внимания на кровоточащие раны, и защёлкнул наручники за спиной. Запыхавшись, он повернулся к Мейеру, который лежал на улице, подогнув под себя одну ногу.

«Как дела?», - спросил он.

«Больно», - сказал Мейер.

О'Брайен залез в машину и достал из приборной панели радиомикрофон. «Это восемь-семь-четыре», - сказал он, - «на углу Холмсби и Северной. Полицейский ранен. Нужна скорая помощь.»

«Кто это?», - спросил диспетчер.

«Детектив О'Брайен.»

Как будто диспетчер уже не догадался.

Ближайшей к Смоук Райз больницей была «Мерси Дженерал» на углу Норт и Платте. Там, в приёмном покое, когда над ним трепетало святое распятие монахинь, интерн разрезал левую брючину Мейера с обеих сторон, посмотрел на две дырки в ноге - одну в бедре, другую чуть ниже коленной чашечки - и позвонил наверх, чтобы немедленно воспользоваться операционной. Грабителю, подстрелившему Мейера, была оказана такая же тщательная помощь - как всем божьим созданиям, большим и маленьким. К часу дня того Рождества оба были в порядке и лежали в разных палатах на шестом этаже. У палаты грабителя стоял патрульный, но это было единственным отличием.

Грабителя звали Майкл Аддисон. В фургоне, который он угнал со стоянки «Транспортной компании Калбертсона» в соседнем штате, полиция обнаружила не только добычу из дома Файнберга, но и всех прочих дел, что он успел совершить в тот день. Аддисон отказывался признавать что-либо. Он сказал, что он больной человек, и ему нужен адвокат. Он сказал, что собирается подать в суд на О'Брайена лично и на городскую

администрацию за то, что они подстрелили невинного человека, пытавшегося сменить шину. О'Брайен, склонившись над его кроватью, шепнул ему, что если его напарник станет из-за этого калекой, то Аддисону лучше переехать в Китай.

Вернувшись в отдел, Артур Браун - он был помешан на английской литературе - сказал Мисколо в канцелярии, что имя этого парня совершенно идеально подходит для грабителя.

«Что ты имеешь в виду?», - сказал Мисколо.

«Аддисон и Стил» (*Джозеф Аддисон и Ричард Стил, соавторы просветительской литературы, слово steal означает кражу – примечание переводчика*), - сказал Браун и усмехнулся.

«Я не понимаю», - сказал Мисколо.

«Кража», - сказал Браун. «С-Т-И-Л.»

«Я всё ещё не понимаю», - сказал Мисколо. «Хочешь кофе?»

Это было до того, как команда из шести человек обокрала целую городскую улицу.

Звонок поступил в десять минут пятого. К этому времени произошло ожидаемое количество самоубийств или попыток самоубийства - на самом деле чуть больше, чем все предыдущие Рождества. К этому времени лейтенант Бирнс лично приехал к дому Мейера, чтобы сообщить Саре новость. Сара с облегчением узнала, что её муж был ранен только в ногу; как только она увидела Бирнса на пороге своего дома, она решила, что худшие из её опасений оправдались. После короткого визита Бирнс отвёз её в больницу, и остаток дня она провела с Мейером, который жаловался, что, когда мужчина получает пулю, его жена должна принести ему куриный суп с анисом. Примерно в это время, когда она держала руку Мейера между своими и говорила ему, как она рада, что он остался в живых, на Гедни-авеню выехал грузовик, из которого вышли шестеро мужчин и начали разрывать булыжную мостовую.

Гедни был одним из немногих районов города, где улицы всё ещё были вымощены булыжником - по крайней мере, до того

дня, когда наступило это Рождество. Одни говорили, что булыжники появились ещё во времена, когда городом управляли голландцы. Другие утверждали, что голландцы не отличили бы булыжник от тюльпана, и именно британцы первыми вымостили Гедни. Название авеню было британским, не так ли? Значит, это должны были быть англичане. Кто бы ни проложил мостовую, шестеро мужчин, выпрыгнувших из грузовика, теперь разбирали оную. Снегоуборочные машины уже дважды проезжали по Гедни, и улица была относительно чистой от снега. Мужчины принялись за работу с большой энергией - обычное дело для государственных служащих в любое время, но особенно в Рождество - используя кирки и ломы, они выковыривали драгоценные булыжники, поднимали их в грузовик, складывали в ряд, работая с точностью сапёрной бригады. Вдоль и поперёк улицы люди выглядывали из окон, наблюдая за работой мужчин и удивляясь их самоотверженному труду. На то, чтобы расчистить весь квартал от угла до угла, у мужчин ушло два часа. По истечении этого времени они погрузились в грузовик и уехали. Никто не обратил внимания на номерной знак грузовика.

Но на одного человека произвёл впечатление тот факт, что Департамент общественных работ - а именно так казалось - даже в Рождество делает всё возможное для этого всеми недовольного города. Он позвонил в мэрию, чтобы поздравить тех, кто работает на телефонах, и попал на недавно открытую мэром горячую линию для граждан, где и излил свои восторженные похвалы. Дама, ответившая на звонок, с подозрением позвонила сразу после этого в Департамент общественных работ, не получила ответа и позвонила домой начальнику департамента. Суперинтендант сообщил ей, что никаких распоряжений о вырывании булыжников на Гедни-авеню не поступало. Он посоветовал ей позвонить в полицию.

И вот в пять часов вечера, когда зажглись фонари и удлинились тени, детективы Артур Браун и Лу Москович стояли в конце квартала и смотрели на ту самую землю, по которой, должно быть, ступали в своих мокалинах индейцы много веков назад, когда Колумб прибыл на это полушарие, чтобы начать

всю эту историю. Гедни, лишённый булыжников от края до края, выглядел девственно чистым и деревенским. Браун и Московиц ухмылялись от уха до уха; даже копы время от времени ценят дерзкую вылазку.

Карелла, сидя дома, чувствовал себя чертовски виноватым. Не потому, что кто-то утащил булыжники, а потому, что Мейера дважды ранили в ногу. Если бы Карелла поменялся с ним праздниками, то, возможно, Мейера бы не подстрелили. Может быть, вместо него выстрелили бы в Кареллу. Подумав об этом, он почувствовал себя немного менее виноватым. В него уже достаточно раз стреляли - один раз, кстати, всего за несколько дней до Рождества. Но Карелла был итальянцем по происхождению, а итальянцы и евреи в этом городе разделяли вину так же, как и матриархальные семьи. У Кареллы был двоюродный брат, который, если случайно проезжал на красный сигнал светофора, останавливался в знак искупления на зелёный свет на следующем углу.

Итак, в рождественскую ночь, в 20:00, Карелла приехал в больницу Мерси, чтобы сказать Мейеру, как он чувствует себя виноватым за то, что его не застрелили вместо Мейера. Мейер и сам чувствовал себя виноватым. Мейер считал, что если бы он не был настолько глуп, чтобы позволить выстрелить в себя, то Бобу О'Брайену не пришлось бы снова доставать пистолет и стрелять. Мейер беспокоился о том, как это может отразиться на чувстве вины О'Брайена, хотя О'Брайен был ирландцем и, следовательно, менее склонен к этому.

Карелла захватил с собой пинту виски. Он достал её из кармана пальто, налил пару щедрых доз в два стерильных больничных стакана, после чего они вместе выпили за то, что Мейер всё ещё жив, хотя и немного прострелен. Карелла налил по второй порции, и мужчины выпили за то, чтобы завтра наступил новый день.

Новая комната для опознания, или, как её ещё называли, комната для показа, находилась в подвале здания участка, рядом с камерами, где временно содержались заключённые, ожидавшие отправки в здание уголовного суда в центре города. Это обеспечивало лёгкий доступ к обвиняемым, которые - если они или их адвокаты не возражали - могли быть выставлены перед жертвой или свидетелем в компании с настоящим подозреваемым, которого, как надеялась полиция, удастся опознать.

В былые времена каждое утро в центре города в штаб-квартире проводились опознания всех преступников, арестованных за предыдущий день. Цель этих опознаний была в том, чтобы познакомить детективов со всего города с людьми, которые совершают здесь преступления. Детективы посещали опознания так же часто, как и суды. Но если для вынесения обвинительных приговоров присутствие в суде было необходимо, то наверху решили, что ежедневные опознания - это лишняя трата рабочей силы и малая перспектива будущих арестов, поскольку люди на опознании всё равно отправлялись в тюрьму, некоторые из них - пожизненно. Теперь опознание стало сугубо местным делом и проводилось исключительно с целью идентификации личности.

В комнате для опознания находилась узкая сцена с указателями высоты на стене позади неё и подвесным микрофоном над ней. Перед сценой, отделяя её от трёх рядов зрительских мест, стояло одностороннее зеркало от пола до потолка. Копы иногда называли одностороннее зеркало двусторонним, но копы редко сходились во мнениях, кроме того, чей сегодня выходной. Одностороннее или двустороннее, оно представляло людям, выстроившимся на сцене за ним, только их собственные отражения. С другой стороны люди, сидящие в зрительном зале, могли смотреть через, казалось бы, стеклянное окно на мужчин и женщин, выстроившихся за ним.

Опознание утром во вторник, 26 декабря, проводилось с явной целью добиться от Джерри Мандела опознания Дэниела Корбетта. Карелла позвонил Манделу домой утром и был рад узнать, что охранник Харборвью вернулся с лыжной прогулки без переломов. Он назначил время опознания, а затем позвонил Корбетту сначала домой, а потом в «Харлоу-Хаус», чтобы спросить, будет ли он сотрудничать с полицией в этом деле. Корбетт ответил, что ему нечего скрывать - он точно не был тем человеком, который объявился в Харборвью в ночь убийства Крейга.

Из соседних камер детективы отобрали полдюжины мужчин, примерно похожих на Корбетта, - всех с чёрными волосами и карими глазами. Из отдела наверху они набрали детективов Ричарда Дженеро и Джерри Баркера с такими же чёрными волосами. Все заключённые были одеты в то, что было на них при аресте, и представляли собой портновский микс из свитеров, спортивных курток и - в случае одного джентльмена-карманника - щегольского костюма в полоску. Дженеро и Баркер были одеты в спортивные куртки. Дэниел Корбетт, приехавший в участок прямо из «Харлоу-Хауса», был одет в тёмно-синий костюм, бледно-голубую рубашку и золотисто-голубой шёлковый галстук. Как почётному гостю ему разрешили самому выбрать место в очереди. Он выбрал позицию четвертую слева. Когда все девять человек молча заняли свои места за односторонним зеркалом, над сценой зажглись прожекторы. Зрительный зал оставался тёмным. Карелла и Хоуз сидели вместе, а Мандел - во втором ряду по центру, с флангов.

«Узнаёте кого-нибудь?», - сказал Карелла.

«Нет, пока нет», - сказал Мандел. Это был удивительный для лыжника пухлый мужчина лет пятидесяти. Он сказал Карелле перед просмотром, что раньше был профессиональным борцом. Карелла не мог себе представить, чтобы он мог повернуть с кем-нибудь молотковый замок (*борцовский приём, известный сейчас как «дагестанские наручники»* – **примечание переводчика**). Мандел продолжал смотреть на мужчин за стеклом.

«Могу ли я исключить тех, которые точно не были таковыми?», - спросил он.

«Пожалуйста.»

«Ну, это были не те, что на обоих концах, и не тот, что посередине.»

«Фрэнк», - сказал Карелла в микрофон, стоявший на стойке перед ним, - «ты можешь забрать номера один, пять и девять.» Дженеро стоял первым в очереди; он слез со сцены, выглядя странно разочарованным тем, что его не выбрали победителем. Двое других дисквалифицированных мужчин были заключёнными из камер предварительного заключения. Вскоре Мандел последовательно исключил ещё двух заключённых и детектива Баркера. Теперь на сцене стояли три человека: двое оставшихся заключённых и Дэниел Корбетт.

«Могут бы они сказать что-нибудь для меня?», - прошептал Мандел.

«Конечно», - сказал Карелла. «Джентльмены, не могли бы вы сказать своими обычными голосами: «Я Дэниел Корбетт. Я хотел бы видеть мистера Крейга, пожалуйста.» Номер четыре, мы начнём с вас.»

Номером четыре был Дэниел Корбетт. Он прочистил горло и сказал: «Я Дэниел Корбетт. Я хотел бы видеть мистера Крейга, пожалуйста.»

«Хорошо, номер шесть», - сказал Карелла.

Номер шесть сказал: «Я Дэниел Корбетт. Я хотел бы видеть мистера Крейга, пожалуйста.»

«И номер восемь.»

Номер восемь сказал: «Я Дэниел Корбетт. Я хотел бы видеть мистера Крейга, пожалуйста.»

«Что вы думаете?», - спросил Карелла.

«Я не могу быть уверен...», - сказал Мандел и сделал паузу: «Но я думаю, что это тот, что справа. Номер восемь.»

Восьмым номером был мужчина по имени Энтони Руджеро, которого арестовали рано утром за попытку взломать дверь в квартире неподалёку от Гровер-авеню, в трёх кварталах от полицейского участка. В тот момент он был пьян и утверждал, что думал, будто это его собственная квартира и что женщина, которая всё время говорила ему уйти, была его женой. Карелла коротко и мрачно взглянул на Хоуза, а затем поблагодарил Мандела. Мгновение спустя он скрылся за односторонним зеркалом, подобно Джонни-на-сцене (*обозначение театрала, который постоянно крутится возле сцены – примечание переводчика*) без цветов, и извинился перед Корбеттом за то, что отнял у него так много времени.

«Так кто же это был, чёрт возьми?», - спросил Карелла у Хоуза.

«Кто-то, кого Крейг знал, это точно.»

«Должно быть. Иначе зачем бы он пустил его в квартиру? И зачем ему было пить с ним?»

«Верно, вскрытие показало...»

«Да, он пил. Фактически, он был пьян. Но лаборанты не смогли найти следов алкоголя ни в одном из стаканов.»

«Это значит, что их потом помыли.»

«Это ничего не значит, если Крейг пил один. Но Хиллари сказала мне, что он никогда не пил во время работы. Никогда. Мы знаем, что в тот день он работал, потому что в печатной машинке заправлен лист бумаги.» И предложение просто оборвалось, что позволяет предположить, что его прервали - возможно, когда убийца позвонил в дверь. Но он позволил ему войти, Коттон! Он знал, что это не Корбетт, и всё равно впустил его. И если он не пил во время работы, то должен был начать пить после того, как бросил работу. А это значит, что он сел выпить с человеком, который его убил.»

Оба детектива посмотрели друг на друга.

«Что ты думаешь?», - спросил Хоуз.

«Я не знаю, что и думать. Может быть, Крейг думал, что это просто дружеский визит, выпить, устроиться поудобнее, а потом достать нож.»

«Меня беспокоит нож», - сказал Хоуз. «Тот факт, что он взял с собой нож.»

«Конечно, это делает убийство преднамеренным.»

«Убийство первой степени, чистое и простое.»

«Тогда почему он сначала согласился выпить?»

«А о чём они говорили между пятью часами и тем временем, когда он начал резать?»

Детективы снова посмотрели друг на друга.

«Эспозито?», - спросил Хоуз.

«Возможно», - сказал Карелла. «Он жил в этом доме, мог представиться членом какого-нибудь комитета жильцов или...»

«Тогда кто это был внизу?»

«Что ты имеешь в виду?»

«Кто объявил себя Корбеттом? Это не мог быть Эспозито.»

«Нет», - сказал Карелла. «Ладно, пойдём поговорим с пожарным департаментом.»

Через полчаса в шестой роте они поговорили с Терри Броганом, подрабатывающим барменом. Броган посмотрел на фотографию Уоррена Эспозито, кивнул и сказал: «Да, я его знаю.»

«Он был в «Элмере» в четверг вечером?», - спросил Карелла.

«Какое число было в четверг? Двадцать второе?»

«Двадцать первое.»

«Да. Да, я работал в баре в ту ночь.»

«Эспозито приходил?»

«Это его имя?»

«Уоррен Эспозито, да. Он...?»

«Прислуживаешь парню, пьёт несколько месяцев подряд, и никогда не узнаёшь его имени», - сказал Броган и удивлённо покачал головой.

«Он был там в четверг вечером?»

«В четверг вечером, в четверг вечером», - сказал Броган, - «дайте-ка подумать, что произошло в четверг вечером?»
Несколько мгновений он был задумчив. Со второго этажа пожарной части через отверстие, окружавшее латунный столб, Карелла услышал голос: «Полная лодка, короли на месте.» Кто-то ещё сказал: «У тебя в заднице чёртова подкова.»

«Думаю, в четверг рыжая сняла блузку», - сказал Броган.

«Когда это было? В какое время?»

«Должно быть, около шести часов», - сказал Броган. «Она пришла пьяная и за час выпила ещё три порции. Да, должно быть, около шести. Какой-то парень, сидевший за стойкой, сказал, что она наверняка носит накладки, таких сисек не бывает. И она сняла блузку, чтобы показать ему, что это не так.»

«Был ли там Эспозито?», - терпеливо сказал Карелла.

«Мог бы и быть. При таком зрелище... кто смотрел куда-то, кроме как на грудь рыжей?»

«Во сколько вы начали работать в прошлый четверг?», - спросил Хоуз, решив, что тот вышел через боковую дверь.

«Четыре тридцать.»

«Эспозито сказал нам, что он был там в пять тридцать.»

«Он мог бы быть.»

«В котором часу пришла рыжая?»

«За час до того, как она сняла блузку.»

«Это было бы в пять часов, верно?»

«Да, около пяти.»

«Ладно, а в пять часов только вы работали в баре?»

«Конечно.»

«Значит, вы обслуживали рыжую.»

«Верно.»

«Между пятью и шестью часами не было никаких волнений. Не было ничего, что могло бы вас отвлечь. Так что вы можете попытаться вспомнить, приходил ли Уоррен Эспозито в пять тридцать?»

«Посмотрите на фотографию ещё раз», - сказал Карелла.

Броган снова посмотрел на фотографию. Карелле стало интересно, как этот человек поведёт себя при пожаре с четырьмя очагами возгорания. Что бы случилось, если бы он ворвался в пылающую спальню и обнаружил там рыжеволосую женщину с голой грудью? Забыл бы он своё имя? Стал бы он прыгать на улицу шестью этажами ниже, не имея под собой сетки? Стал бы он брызгать из шланга в открытое окно?

«Да, именно так», - сказал Броган.

«Что именно?», - спросил Карелла, гадая, не наткнулся ли он на ещё одного экстрасенса.

«Роб Рой» (*коктейль, состоящий в основном из виски и вермута, созданный в 1894 году барменом в Нью-Йорке – **примечание переводчика***). Он пьёт «Роб Рой». Точно. Я подал рыжей «Манхэттен» (*коктейль на основе виски и вермута, появившийся в конце XIX века в США – **примечание переводчика***), потом старому пердуну в баре джин со льдом, а потом он пришёл и заказал «Роб Рой».

«Эспозито?»

«Да, парень с фотографии.»

«В котором часу?»

«Ну, если рыжая пришла в пять... Да, должно быть, в пять тридцать или около того. Как он и сказал.»

«В котором часу он ушёл?», - спросил Карелла.

«Трудно сказать», - сказал Броган. «Из-за всех этих волнений с рыжей.»

«Он был там, когда рыжая снимала блузку?»

«Я почти уверен, что он был. Дайте мне подумать.»

Карелла наблюдал за ним, пока он размышлял. Карелла представил себе, как он мысленно восстанавливает всё захватывающее событие. За все годы работы в полиции он никогда не думал, чтобы алиби может зависеть от груди рыжей. Но рыжая пришла в 17:00 и сняла блузку в 18:00, а они только что установили, что Эспозито был там примерно в 17:30. Если бы Карелла хотел зарабатывать на жизнь вырыванием зубов, он бы стал дантистом. Однако казалось, что им придётся обрабатывать рот Брогана - от бикуспида (*премолярный зуб – **примечание переводчика***) до моляра и клыка, зуб за зубом, - пока они не добьются своего.

Указательным пальцем левой руки Броган начал пересчитывать воображаемых людей, выстроившихся вдоль барной стойки. «Абнер в конце бара, возле автомата, скотч с содовой. Секретарь из «Халстон, Инк.», рядом с ним, водка с тоником. Потом ваш парень, «Роб Рой». Рядом с ним парень, которого я никогда раньше не видел, - бурбон и вода. Потом рыжая, «Манхэттен». А рядом с ней парень, который сделал замечание по поводу её сисек, которого я тоже раньше не видел, - «Канада» (*коктейль на основе водки с ликёрами, посыпанный измельчёнными орехами, и листиками мяты – **примечание переводчика***) с содовой. Так вот кто был там в шесть часов, как раз перед тем, как она сняла блузку. Так что да, ваш парень всё ещё был там в шесть.»

«Откуда вы знаете, что было шесть вечера?», - спросил Хоуз.

«Как раз шли новости. По телевизору. У нас есть телевизор над баром. С этого всё и началось.»

«Что вы имеете в виду?»

«Эта девушка вела шестичасовые новости. Как её зовут? Я забыл её имя.»

«Я не знаю её имени», - сказал Хоуз.

«Но вы ведь знаете, кого я имею в виду, правда? Она и этот парень вместе ведут новости. Шестичасовые новости.»

«Ну, а что насчет неё?», - сказал Хоуз.

«Кто-то сказал, что у неё отличные сиськи – у девушки из телевизора, а рыжая сказала, что они фальшивые, а парень, сидевший рядом с рыжей, сказал что-то о том, что у неё тоже фальшивые, и тогда она сняла блузку, чтобы доказать, что это не так.» Броган одобрительно усмехнулся. «Поверьте, это точно были не накладки.»

«Эспозито был там в шесть часов, когда вышли новости и блузка слетела», - сказал Карелла.

«Верно.»

«Он всё ещё был там в шесть тридцать?»

«Шесть тридцать, шесть тридцать», - сказал Броган. «Дайте мне подумать минутку.»

Карелла посмотрел на Хоуза. Хоуз выдохнул через нос.

«Босс пришёл минут через десять после шести», - сказал Броган. «Он увидел рыжую девушку, сидящую за стойкой бара, раздетую до пояса, и сказал: «Что, чёрт возьми, здесь происходит?» Он подумал, что она проститутка или что-то в этом роде, понимаете? Он говорит ей, чтобы она убиралась к чёрту, ему не нужны проститутки в его баре, которые будут нагнетать обстановку. Между нами говоря, он принимает ставки на всякое. Так что, естественно, он не хочет, чтобы

какой-нибудь коп пришёл туда, чтобы арестовать проститутку, и случайно нарвался на операцию со ставками.» Его голос доверительно понизился. «Я говорю вам об этом, потому что мы все - государственные служащие.», - сказал он. «Я не хочу причинять парню неприятности.»

«Итак, босс пришел в шесть десять», - сказал Хоуз. «Был ли Эспозито там, когда пришёл босс?»

«Да, он присоединился к хору.»

«Какому хору?»

«Все сказали боссу, чтобы он заткнулся и оставил рыжую в покое.»

«И что дальше?»

«Босс велел ей надеть блузку и убираться оттуда, пока он не вызвал полицию. Он не собирался вызывать полицию, потому что тогда у него могут возникнуть неприятности, которых он не искал; он просто угрожал ей, понимаете?»

«Она надела блузку?», - спросил Карелла.

«Она надела блузку.»

«В десять минут шестого?»

«В четверть шестого.»

«И что дальше?»

«Она ушла. Нет, подождите. Сначала она назвала босса тугодумом и сукиным сыном. А потом ушла.»

«В шесть пятнадцать?»

«Шесть пятнадцать, точно.»

«Эспозито всё ещё был там, когда она ушла?»

«Он всё ещё был там.»

«Откуда вы знаете?»

«Он попросил у меня ещё один «Роб Рой» и сказал, что это самые большие сиськи, которые он когда-либо видел в своей жизни.»

«Хорошо, значит, сейчас шесть пятнадцать», - сказал Карелла.
«А в шесть тридцать он ещё был там?»

«Я подал ему счёт в шесть тридцать.»

«Откуда вы знаете, что было шесть тридцать?»

«Потому что так в новостях говорили.»

«Он ушёл, когда вы дали ему счёт?»

«Сперва он заплатил.»

«А потом он ушёл?», - спросил Хоуз.

«Он ушёл.», - сказал Бруган и кивнул.

«В шесть тридцать?»

«Должно быть, через несколько минут после шести тридцати.»

«Откуда вы знаете, что это Эспозито ушёл?»

«Он дал мне пять долларов чаевых. Он сказал, что пять баксов - это за шоу в баре.»

«Почему вы не смогли вспомнить всё это, когда мы впервые спросили вас?», - сказал Хоуз.

«Потому что у всего в жизни есть начало, середина и конец.», - сказал Бруган и философски пожал плечами.

Наконец-то им удалось установить алиби Уоррена Эспозито. Тот был в «Элмере», выпивал и смотрел импровизированное стриптиз-представление как раз в тот момент, когда его жену зарезали на тротуаре возле их дома.

Они снова вернулись к началу, а середины и конца, казалось, уже не было видно.

В 6:00 той ночи машина «Бой-Семь» 12-го участка была направлена к дому 1134 по Ллеулин-Мьюс, чтобы расследовать то, что звонивший описал как «крики и вопли в квартире». В полицейской номенклатуре этого города было принято называть такие участки, как 87-й и 63-й, соответственно Восемь-Семь и Шесть-Три, в то время как все участки с 1-го по 20-й именовались своими полными и правильными названиями. В этом городе не было участка Один-Шесть, он был 16-м. Точно так же не было и Один-Два; люди, откликнувшиеся на вызов в Квартале в тот день после Рождества, были полицейскими из 12-го.

Они вышли из патрульной машины, перешагнули через снежную насыпь на обочине и осторожно направились по скользкому тротуару к скульптурной чёрной кованой ограде, окружавшей выложенный плиткой двор. Они открыли калитку в заборе и прошли через небольшую рощу австралийских сосен к ярко-оранжевой парадной двери здания. Один из патрульных поднял массивный латунный стук на двери и отпустил его. Он повторил это действие четыре раза, а затем попробовал ручку. Дверь была заперта. Изнутри не доносилось ни звука; они сразу же предположили, что сейчас отзвонятся по коду 10-90 - «Не найдено». Но, будучи добросовестными сотрудниками правоохранительных органов, они обошли здание сбоку и через небольшой сад, занесённый снегом, постучали в заднюю дверь, затем заглянули через окно на кухню, снова постучали в дверь и попробовали ручку. Дверь была открыта.

Один из патрульных просунул голову на кухню и крикнул: «Полиция. Есть кто-нибудь дома?»

Ответа не последовало.

Он посмотрел на другого патрульного. Другой патрульный пожал плечами. Они осторожно вошли в квартиру, не зная своих прав, но зная, что отвечают на вызов, и полагая, что их долг - провести тщательное расследование, особенно учитывая незапертую заднюю дверь, которая, как они догадывались, может свидетельствовать о взломе, если дело дойдет до разбирательства.

В обшитой деревянными панелями библиотеке они обнаружили мёртвого мужчину в красной куртке для курения с чёрным бархатным воротником.

Детектив 2-го класса по имени Курт Хейдигер приехал на убийство один, потому что его напарник заболел гриппом, а в отделе сегодня творился сумасшедший дом, и никто не мог выделить ему сопровождение. Он с первого взгляда определил, что вероятной причиной смерти являются множественные ножевые ранения, и узнал от соседки из дома напротив - женщины, которая позвонила в службу спасения 911, - что погибшего зовут Дэниел Корбетт и что он работает в издательской фирме «Харлоу Хаус».

Хейдигер был умным полицейским и большим любителем чтения. Когда городские газеты не бастовали, а это случалось редко, он читал все три газеты от первой до последней страницы каждый день недели. Он вспомнил, как в пятницу прочитал о смерти писателя по имени Грегори Крейг, чью книгу «Мёртвые тени» он тоже читал, и увидел в книжной рубрике утреннего выпуска литературной городской газеты объявление о памятной дате с чёрной полосой; объявление было размещено издательством под названием «Харлоу Хаус». В первую очередь он вспомнил, что Крейг стал жертвой жестокой поножовщины. Скорее всего, никакой связи не было, но Хейдигер был слишком умён и слишком опытен, чтобы оставить без внимания даже самые незначительные возможности. Когда он покончил со всей этой чепухой, связанной с медицинским экспертом, лаборантом и отделом убийств на месте преступления, он вернулся в офис и уточнил в штаб-квартире имя детектива, расследующего убийство Крейга. Он позвонил в 87-й участок, его соединили с отделом наверху, и детектив по имени Берт Клинг сказал, что Карелла ушёл домой чуть позже четырёх. Он дозвонился до Кареллы в доме в Риверхеде в четверть восьмого. Карелла внимательно выслушал его, а затем сказал Хейдигеру, что увидится с ним на месте преступления через час.

Похоже, что у них есть ещё один компаньон.

Дженнифер Гроут была высокой костлявой блондинкой лет сорока, её волосы были беспорядочно уложены на макушке, а передняя часть длинного синего халата испачкана чем-то похожим то ли на майонез, то ли на заварной крем. Она объяснила, что просто готовится ко сну. Праздники просто вымотали её, и теперь ещё вот это случилось. С того момента, как она впустила детективов в свою квартиру, она ясно дала понять, что вообще жалеет о том, что вызвала полицию. В этом городе лучше всего заниматься своими делами и идти своей дорогой.

«Когда вы позвонили в службу 911», - сказал Хейдигер, - «вы упомянули, что слышали крики и вопли в квартире Корбетта...»

«Да», - сказала Дженнифер и кивнула.

«Звонок поступил в пять пятьдесят три, это правильно?»

«Да, это было чуть раньше шести.»

«Что за крики и вопли вы слышали?»

«Что это за крики и вопли?», - сказала Дженнифер. «Крики и вопли - это крики и вопли.»

«Криком...»

«Кто-то кричал во всю мощь своих лёгких.»

«Какого рода были крики?»

«Я не знаю, что этот человек кричал.»

«Он звал на помощь?»

«Я не знаю.»

«Это был один и тот же человек, который кричал?»

«Я не знаю. Я услышала там шум и позвонила в полицию. Там всегда шумно, но это было хуже, чем обычно.»

«Что вы имеете в виду?», - сразу же спросил Карелла. «Что за шум?»

«Вечеринки постоянно. Люди пьют и смеются в любое время суток. Ну, вы понимаете. С такими друзьями, какие были у мистера Корбетта...», - она оборвала фразу.

«Что это были за друзья?», - спросил Хейдигер.

«Вы знаете.»

«Нет, простите, не знаем.»

«Анютины глазки», - сказала она. «Фрукты. Педики. Геи», - сказала она, сделав ударение на слове «геи» и скорчив гримасу.

«Гомосексуалисты», - сказал Карелла.

«Квиры», - сказала Дженнифер.

«И они постоянно веселились, да?»

«Ну, не всегда. Но достаточно часто. Я телефонистка, работаю в полуночную смену, стараюсь немного вздремнуть перед выходом из дома каждый вечер. Со всем этим шумом это невозможно. Я как раз собиралась вздремнуть сейчас. Если не одно, то всегда другое», - сказала она и снова скорчила гримасу.

«Эти друзья мистера Корбетта», - спросил Карелла, - «откуда вы знаете, что они были гомосексуалистами?» Он вспомнил, что алиби Корбетта о его местонахождении во время убийства Крейга было связано с замужней женщиной по имени Присцилла Ламбет, которая развлекала его на диване в своём кабинете.

«Один из них пришёл сюда буквально на днях», - сказала она, - «в поисках большой вечеринки». Слово «вечеринка» она произнесла с придыханием и сопровождала его небрежным жестом. «Он не знал, что мистер Корбетт живёт на другой стороне улицы.»

«Он назвал вам своё имя?», - спросил Хейдигер.

«Кто?»

«Мужчина, который пришёл сюда в поисках Корбетта.»

«Мужчина? Не смешите меня.»

«Он назвал вам своё имя?»

«С чего бы это? Он спрашивал Дэнни», - затем она снова вальяжно проговорила нецензурное слово, и замерла, сжимая запястье, - «и я сказала ему, что это 1136-й номер, а тот, что ему нужен, - 1134-й. Он любезно поблагодарил меня и пошёл через двор.»

«Это было когда, вы сказали?»

«Канун Рождества. Мистер Корбетт устроил большую вечеринку в канун Рождества. Мне пришлось работать в канун Рождества, и я попыталась немного поспать. Но вместо этого в дверь постучал гомосек и попросил позвать Дэнни.»

«Вы видели, чтобы кто-нибудь входил во двор сегодня вечером?», - спросил Карелла.

«Нет, не видела.»

«Я имею в виду, до того, как вы услышали крики.»

«Никого. Я как раз была в ванне, когда услышала всю эту суматоху. Я люблю принимать ванну перед ужином. Потом я немного перекусываю, ложусь спать, что я и должна делать сейчас», - сказала она и взглянула на часы, - «а потом одеваюсь и иду на работу.»

«Видели ли вы кого-нибудь во дворе после того, как услышали крики?»

«Я оставалась в ванне.»

«То есть вы не сразу вызвали полицию?»

«Нет, я позвонила им, когда вылезла из ванны. Там всегда шумно. Если бы я звонила каждый раз, когда слышу шум, это была бы постоянная работа.»

«В котором часу вы слышали крики?»

«Я не ношу часы в ванной.»

«Как долго вы оставались в ванне? После того, как слышали крики, я имею в виду.»

«Минут пятнадцать, наверное.»

«Звонок поступил в пять пятьдесят три», - сказал Хейдигер. «Это значит, что вы слышали крики в...» Он замешкался, прикидывая в уме, а потом сказал: «Примерно без двадцати шесть, где-то так.»

«Наверное.»

«Когда вы вышли из ванны», - сказал Карелла, - «вы видели кого-нибудь во дворе? Кого-нибудь рядом с квартирой Корбетта?»

«Я не смотрела. Я подошла к телефону и позвонила в полицию. Я подумала, что, если ничего не предпринять, шум будет продолжаться всю ночь. А я хотела спокойно поужинать и вздремнуть.»

«Крики всё ещё продолжались?»

«Нет, к тому времени они уже прекратились.»

«Но вы всё равно вызвали полицию.»

«Кто знал, когда это может начаться снова? Вы же знаете, каковы эти люди», - сказала она.

«М-м-м», - сказал Карелла. «Что ж, большое спасибо, мисс Гроут. Извините, что побеспокоили вас.»

На улице Хейдигер прикурил сигарету, запоздало предложил одну Карелле, который отказался, а затем сказал: «Вы когда-нибудь разговаривали с этим Корбеттом?»

«В прошлую субботу», - сказал Карелла.

«Предполагали, что он педик?»

«Казался прямым как стрела.»

«Кто может сказать в наше время, а?», - сказал Хейдигер. «Как насчёт Крейга?»

«Он жил с красивой двадцатидвухлетней девушкой.»

«М-м-м», - сказал Хейдигер. «И что вы думаете об этом? Есть ли здесь какая-нибудь связь, как вы думаете?»

«Я не знаю.»

«Нож в обоих убийствах.»

«Да.»

«Если ведьма была права, то это могла быть ссора влюблённых.»

«Может быть. Но у нас есть только её слова о том, кем был Корбетт. Она показалась тебе особенно надёжным свидетелем?»

«Она показалась мне особенно надёжным персонажем», - сухо сказал Хейдигер. «Хочешь пива или чего-нибудь ещё? Официально я всё ещё на службе, но к чёрту.»

«В праздничные дни дежурства очень тяжёлые», - улыбаясь, говорит Карелла.

«И дежурства тоже», - сказал Хейдигер. «Я проработал в департаменте двадцать два года и за всё это время не взял ни цента ни с кого. Пусть только предъявят счёт за стакан пива, я бы хотел посмотреть, как они это делают.»

«Продолжай без меня», - сказал Карелла. «Я хочу кое с кем поговорить.»

«Оставайся на связи», - сказал Хейдигер, пожал ему руку и ушёл вверх по улице. В телефонной будке на углу Карелла проверил по справочнику Айзолы, нет ли в нём Присциллы Ламбет, не нашёл ни одной записи на её имя, зато нашёл две на доктора Говарда Ламбета - одну для его офиса и одну для его резиденции. Номер резиденции - Хигли 7-8021 - звучал как номер, который Карелла набирал из квартиры Корбетта в

прошлую субботу. Он набрал номер сейчас. На звонок ответила женщина и её голос показался ему знакомым.

«Миссис Ламбет?», - сказал Карелла.

«Да?»

«Присцилла Ламбет?»

«Да?»

«Это детектив Карелла, мы разговаривали в прошлую субботу, и вот...»

«Я просила вас больше не звонить сюда», - сказала она.

«Дэниел Корбетт убит», - сказал Карелла. «Я бы хотел поговорить с вами. Я могу приехать туда, или мы можем встретиться где-нибудь.»

На линии повисло долгое молчание.

«Миссис Ламбет?», - спросил он.

Молчание затягивалось.

«Что бы вы предпочли?», - сказал Карелла.

«Я думаю.» Он подождал. «Дайте мне полчаса», - сказала она.

«Через полчаса я буду выгуливать собаку. Встретимся на Джефферсон и Джунипер в... Который сейчас час?»

«Ближе к десяти.»

«Пусть будет в десять тридцать», - сказала она. «Он золотистый ретривер.»

Как и подобает редактору детских книг, Присцилла Ламбет была миниатюрной брюнеткой с милым личиком, короткой стрижкой стиля пикси, и большими невинными глазами. На поводке у неё был огромный пёс, который мчался по городским улицам в поисках очередного фонарного столба, чтобы

обнюхать его, и волей-неволей тащил Присциллу за собой. Карелла с трудом поспевал за ней.

Присцилла была одета в тёмно-синюю лыжную куртку поверх синих джинсов и ботинок. Она была без шапки, и ветер трепал её короткие тёмные волосы, распуская их по голове и придавая ей вид человека, которого только что неожиданно вывели из себя, что было довольно близко к истине. Она сразу же сказала Карелле, что была по-настоящему потрясена тем, что он рассказал по телефону. Она до сих пор не может прийти в себя. «Дэнни убит? Невероятно! Кто мог захотеть убить такого милого, любящего человека, как Дэнни?»

Джефферсон-авеню в этот ночной час была почти безлюдна, витрины магазинов закрыты, свирепый ветер вдоль обочин поднимал вихри снега. К северу, на Холл-авеню, ещё оставались прохожие, заглядывали в книжные магазины, которые оставались открытыми до полуночи в надежде застать после театральную толпу, стекавшуюся на юг из Стем и театрального района. Но даже эти отважные души были немногочисленны в такую ночь, когда ветер завывал над рекой Харб, а температура держалась на отметке двадцать четыре градуса по Фаренгейту (*примерно -4° по цельсию – **примечание переводчика***). Карелла шёл, засунув руки в карманы, высоко подняв воротник пальто и сторбив плечи. Пёс рысил впереди, как вожак в упряжке, натягивая поводок и увлекая за собой Присциллу, а заодно и Кареллу.

«Миссис Ламбет», - сказал он, - «Дэниел Корбетт сказал нам, что у вас с ним были близкие отношения. Я хочу...»

«Я бы хотела, чтобы вы этого не говорили», - сказала Присцилла. Голос у неё был тоненький, голос восьмилетнего ребенка, запертого в тринадцатилетнем пубертатном теле. Он ненадолго задумался, какие книги она редактирует. Книжки с картинками? Читала ли его дочь, Эйприл, хоть одну из тех книг, которые попадали на стол Присциллы Ламбет? Собака остановилась у другого фонарного столба, обнюхала его, нашла по вкусу и подняла заднюю лапу.

«Но ведь это правда, не так ли?», - сказал Карелла.

«Да, это правда. Просто, когда вы так говорите...»

Собака снова сорвалась с места, едва не выдернув её руку из муфты. Она, галантно держась за поводок, запыхавшись, мчалась за собакой. Карелла рысил рядом с ней. Его лицо было сырым от ветра, из носа текло. Он достал из кармана пальто носовой платок, надеясь, что не подхватил какую-нибудь болезнь, и высморкался.

«Миссис Ламбет», - сказал он, запыхавшись, - «меня не особенно интересует, как вы с Дэниелом Корбеттом проводили время. Но его убили сегодня ночью, и соседка намекнула... Послушайте, не могли бы вы оказать мне услугу? Не могли бы вы привязать эту собаку к фонарному столбу, чтобы мы могли на минуту остановиться и поговорить?»

«Он ещё не какал», - сказала она.

Карелла посмотрел на неё.

«Ну, хорошо», - сказала она.

Она сняла перчатки, сунула их под мышку и привязала поводок к столбику знака, запрещающего парковку. Собака сразу же завyla, как Клык, сын Когтя (*персонаж комедийного телесериала «Напряги извилины» – примечание переводчика*). Карелла подвёл ее к укрытому дверному проёму магазина мужской одежды, подождал, пока она снова наденет перчатки, а затем спросил: «Был ли Дэниел Корбетт гомосексуалистом?»

Она казалась искренне изумлённой. Её глаза раскрылись шире. Теперь он заметил, что они были зелёными. Они рассматривали его лицо, словно желая увериться в том, что он только что рассказал плохую шутку.

«Так ли это?», - спросил Карелла.

«Кажется, такого не было», - сказала она все тем же крошечным голосом, теперь уже почти шёпотом.

«Имелись ли какие-нибудь признаки того, что он мог таковым быть?»

«Я не понимаю, о чём вы.»

«Миссис Ламбет, вы были с ним близко последний месяц или около того, если верить его словам...»

«Да, но не так часто.»

«Два или три раза, не так ли?»

«Ну, да, наверное.»

«Я хочу знать, были ли у вас встречи...»

«Он показал себя достойно, если вы хотите это знать.»

«Нет, это не то, что я хочу знать.»

«Мне это кажется неловким», - сказала Присцилла.

«Как и Корбетту. Но убийство - самый большой конфуз из всех. Во время ваших встреч он как-нибудь намекал вам, что его могут интересовать и мужчины?»

«Нет.»

«Он когда-нибудь брал с собой мужчину?»

«Что вы имеете в виду?»

«Полагаю, вы встречались где-то вдали от офиса...»

«Да.»

«Был ли с ним когда-нибудь мужчина?»

«Один раз.»

«Кто?»

«Алекс Хэррод.»

«Кто это?»

«Редактор книг в мягкой обложке. Из «Абсалом Букс».»

«Он гомосексуалист?»

«Я не очень хорошо знакома с гомосексуалистами.»

«Почему он там был?»

«Дэнни подумал, что это будет... ну... Он решил, что мы будем менее заметны, если с нами будет кто-то ещё.»

«Где это было?»

«Бар отеля «Мандалай».»

«Когда?»

«Где-то в прошлом месяце.»

«Что произошло на той встрече, вы можете мне рассказать?»

«Ничего. Алекс немного выпил, а потом ушёл. Мы с Дэнни... пошли наверх, в комнату, которую он забронировал.»

«О чём вы говорили?»

«Дэнни и я?»

«Нет, вы трое. Когда вы были вместе в баре.»

«О книгах. У Дэнни было несколько книг, которые, по его мнению, «Абсалом» мог бы купить.»

«Книги? И это всё?»

«Да. Ну... да.»

«Что ещё, миссис Ламбет?»

«Ничего. Не тогда. И не в баре.»

«Когда же?»

«Правда, я нахожу это...»

«Где, миссис Ламбет? В комнате? О чём вы говорили в комнате?»

Собака выла, как голодный волк, ожидающий, когда эскимос вылезет из своего иглу. Собака и ветер вместе создавали настоящую антарктическую симфонию. Присцилла взглянула на собаку и сказала: «Я должна его отвязать.»

«Нет, не нужно», - сказал Карелла. «Я хочу знать, что Корбетт сказал вам после встречи с Хэрродом.»

«Это были разговоры в подушку», - сказала Присцилла. «Люди говорят в постели всякое...»

«Да, и что он сказал?»

"Он спросил меня, была ли я... была ли я когда-нибудь два на одну.»

«Что, по-вашему, он имел в виду?»

«Он имел в виду... меня и двух мужчин.»

«У него был какой-то конкретный мужчина на примете?»

«Он спросил, что я думаю об Алексе Хэрроде.»

«Это был тот человек, которого он имел в виду?»

«Я... думаю, да. Да. Он спросил меня, нахожу ли я Алекса привлекательным. И он... он предположил, что было бы... забавно как-нибудь попробовать с ним вместе.»

«Какова была ваша реакция на это?»

«Я сказала, что считаю Алекса привлекательным.»

Её голос был таким тихим, что он почти не слышал её. Собака и ветер отказывались прекратить своё сотрудничество. Карелла ничего не мог поделать с ветром, но хотел пристрелить собаку.

«Вы согласились на такое приглашение?»

«Я сказала, что... подумаю об этом.»

«Вы когда-нибудь поднимали эту тему?»

Наступила долгая тишина, нарушаемая лишь воем собаки и ветром.

«Правда?»

«Да.»

«Когда?»

«На рождественской вечеринке.»

«Корбетт снова предложил, чтобы вы трое...»

«Да.»

«И каков был ваш ответ?»

Присцилла посмотрела на собаку. Её руки были скрещены на груди, а руки в перчатках засунуты в подмышки. Она продолжала смотреть на собаку.

«Какова была ваша реакция?», - сказал Карелла.

«Я сказала ему, что... что, возможно, хотела бы попробовать. Мы оба немного перебрали, это была ежегодная рождественская вечеринка...»

«Вы назначили свидание?»

«Да, мы... мы сделали это.»

«Когда?»

«Мой муж на этой неделе едет в Висконсин. Его мать живёт в Висконсине, она очень больна, и он едет туда, чтобы навестить её. Мы планировали... поехать к Дэнни в деревню на новогодние выходные. Мой муж не вернется до... до второго числа.»

«Под деревней вы подразумеваете Грейслендс?»

«Да, у Дэнни там дом.»

«Это его дом?»

«Думаю, да.»

«Или он делит дом с Алексом Хэрродом?»

«Я не знаю.»

«Спасибо, миссис Ламбет», - сказал Карелла. «Теперь вы можете отвязать собаку.»

В справочнике Айзолы адрес Александра Хэррода указан как 511 Жакаранда, в центре Квартала. Карелла вначале позвонил и сказал, что расследует убийство и хочет поговорить с Хэрродом. Он не стал упоминать, что жертвой убийства был Дэниел Корбетт: он хотел приберечь это для личной встречи. Хэррод возразил, что сейчас уже одиннадцать часов, и поинтересовался, не может ли это подождать до утра. Карелла пустился в долгие рассуждения о том, что первые двадцать четыре часа в расследовании убийства наиболее важны для детектива, и в конце концов убедил Хэррода уделить ему полчаса своего времени.

Здание, в котором жил Хэррод, представляло собой трёхэтажный кирпичный дом, выкрашенный в белый цвет. Карелла позвонил в звонок на нижнем этаже, получил ответное гудение и поднялся по лестнице на третий этаж. Квартира находилась в конце коридора. Он постучал в дверь, и она сразу же открылась, как будто Хэррод нетерпеливо ждал за ней. Карелла удивился, увидев перед собой лицо высокого, стройного чернокожего мужчины. Присцилла не говорила ему о том, что третий мужчина в предполагаемой ménage à trois (*буквально с французского «хозяйство на троих»*, означает **сексуальные взаимоотношения втроём – примечание переводчика**) - чернокожий.

«Мистер Хэррод?», - спросил он.

«Да, пожалуйста, входите.»

На нём были синие джинсы и облегающая белая футболка под синим свитером-кардиганом с шалевым воротником. Босиком он вошёл в гостиную, украшенную, по выражению Кареллы, которое он перенял у Мейера, «всякой всячиной» (*tchotchke-*

potchke, выражение на идиш – **примечание переводчика**).

Стены были уставлены полками и стеллажами с предметами искусства и безделушками, маленькими вазочками с засушенными цветами, фотографиями в миниатюрных овальных рамках, ключами, собранными в антикварных магазинах, буквой «А» разных размеров, одни из латуни, другие из дерева, окрашенного под золото, книгами, которыми можно было бы заполнить книжный магазин хорошего размера, маленькими записками в рамках, которые, очевидно, представляли для Хэррода сентиментальную ценность. Диван был обтянут мягкой чёрной кожей и завален подушками разных размеров, некоторые из них были глянцевыми, некоторые - с кисточками, которые переливались на пол, образуя ещё одну зону отдыха. На стене над диваном висела картина с изображением двух борющихся мужчин. На полу лежал белый мохнатый ковёр. Отопление было включено очень сильно; Карелла подумал, не выращивает ли Хэррод в свободное время орхидеи.

«Это из-за Грегори Крейга?», - спросил Хэррод.

«Почему вы так думаете?»

«Я знаю, что его убили, а «Абсалом» опубликовал «Тени» в мягкой обложке.»

«Речь идёт о Дэниеле Корбетте», - сказал Карелла.

«Дэнни? Что с ним?»

«Его убили сегодня рано утром», - сказал Карелла и стал наблюдать за реакцией Хэррода. Реакция последовала незамедлительно. Хэррод отступил на шаг, как будто Карелла ударил его по лицу.

«Вы меня разыгрываете», - сказал он.

«Я бы хотел, чтобы так и было.»

«Дэнни?», - сказал он.

«Да, Дэниел Корбетт. Он был зарезан где-то между пятью тридцатью и шестью часами вечера.»

«Дэнни?», - глухо повторил Хэррод и вдруг разрыдался. Карелла смотрел на него и ничего не говорил. Хэррод достал из заднего кармана джинсов салфетку и вытер глаза. «Мне жаль... мы... мы были хорошими друзьями», - сказал он.

«Именно поэтому я здесь, мистер Хэррод», - сказал Карелла. «Насколько близкими были ваши отношения?»

«Я только что сказал вам. Мы были хорошими друзьями.»

«Мистер Хэррод, правда ли, что вы и мистер Корбетт планировали отправиться в Грейслендс на выходные с женщиной по имени Присцилла Ламбет?»

«Где вы об этом слышали?», - спросил Хэррод.

«От миссис Ламбет.»

«Ну, тогда...»

«Это правда?»

«Да, но это не значит...»

«Мистер Хэррод, вы знали, что Дэниел Корбетт предложил вам троим лечь в постель вместе?»

«Я знал об этом, да. Но это всё равно не значит...»

«Разве не для этого вы планировали отправиться в Грейслендс?»

«Да, но...»

«Вы с мистером Корбеттом когда-нибудь занимались этим раньше?»

«Нет.»

«Я не имею в виду с Присциллой Ламбет. Я имею в виду с любой женщиной.»

«Какое отношение это имеет к его убийству?»

«Вы не ответили на мой вопрос.»

«Я не обязан отвечать ни на один вопрос», - сказал Хэррод.
«Позвольте спросить вас, мистер детектив. Если бы вы не считали меня геем, вы бы задавали здесь те же вопросы?»

«Мне наплевать на ваши сексуальные предпочтения, мистер Хэррод. Это ваше дело. Я здесь, чтобы...»

«Конечно», - сказал Хэррод. «Пойдите и расскажите это каждому другому полицейскому в этом городе.»

«Я не любой другой полицейский в этом городе, я - это я. Я хочу знать, согласились ли вы разделить постель с Дэниелом Корбеттом и Присциллой Ламбет.»

«Почему?»

«Вы с Корбеттом были любовниками?»

«Я не обязан отвечать на этот вопрос.»

«Это правда, вы не обязаны. Где вы были сегодня в пять сорок, мистер Хэррод?»

«Прямо здесь. Я пришёл сюда прямо с работы.»

«Где находится «Абсалом Букс»?»

«В центре города на Джефферсон.»

«В котором часу вы приехали?»

«Пять тридцать, может чуть позже.»

«Вы разговаривали с мистером Корбеттом сегодня?»

«Мы говорили, да.»

«О чём?»

«Ничего важного.»

«О поездке в Грейслендс?»

«Возможно, эта тема поднималась.»

«Как вам идея этой поездки?»

«Опять это гейское дерьмо», - сказал Хэррод.

«Это вы всё время об этом говорите. Что вы думаете о поездке?»

«Я не хотел ехать, ясно?»

«Почему бы и нет?»

«Потому что я...» Хэррод внезапно сжал кулаки. «Вы не имеете права так ко мне приставать. Меня не было рядом с домом Дэнни, когда он... когда он...» Он снова начал рыдать. «Вы сукин сын», - сказал он и снова достал из кармана рваную салфетку, чтобы вытереть глаза. «Вечно вы нас достаёте. Неужели вы не можете, ради всего святого, оставить нас в покое?»

«Расскажите мне о поездке», - сказал Карелла.

«Я не хотел ехать», - рыдая, сказал Хэррод. «Меня тошнило... от того, что Дэнни таскал за собой всех этих педиков. Он был АС-ДС (*жаргонный термин, обозначающий бисексуальность – примечание переводчика*), ладно, с этим я мог смириться. Но эти... эти чёртовы женщины, с которыми он постоянно вторгался в наши отношения...» Он покачал головой. «Я сказал ему, чтобы он принял решение. Он... он обещал, что это будет в последний раз. Он сказал, что мне это понравится. Он сказал, что она находит меня привлекательным.»

«А как вы её находите?»

«Отвратительной», - категорично заявил Хэррод.

«Но вы согласились поехать.»

«В последний раз. Я сказал ему, что уйду, если он будет продолжать настаивать на этих внешних отношениях. Так и должно было быть. В самый последний раз.»

«Это оказалось именно так, не правда ли?», - сказал Карелла.

«Я был здесь в пять тридцать», - сказал Хэррод. «Проверьте это.»

«С кем?»

Хэррод колебался.

«С кем вы были, мистер Хэррод?»

«С моим другом.»

«Кем?»

«Его зовут Оливер Уолш. Вы тоже собираетесь его допытывать?»

«Да», - сказал Карелла, - «я тоже собираюсь с ним побеседовать.»

Оливер Уолш жил в нескольких минутах ходьбы от квартиры Хэррода. Карелла приехал туда без пяти минут полночь. Он не стал вначале звонить, чтобы объявить о себе, и предупредил Хэррода, чтобы тот не трогал телефонную трубку, когда выходил из квартиры. Уолш, казалось, был искренне удивлён, обнаружив у себя на пороге городского детектива. По мнению Кареллы, ему было лет девятнадцать-двадцать, с копной рыжих волос и россыпью веснушек на переносице. Карелла видел всё это сквозь щёколду в частично приоткрытой двери; Уолш не снимал ночную цепочку, пока Карелла не предъявил свои полицейский значок и удостоверение личности в пластиковой оболочке.

«Я подумал, что вы, возможно, грабитель или что-то в этом роде», - сказал Уолш.

«Мистер Уолш», - сказал Карелла, - «я скажу вам, зачем я здесь. Я хочу знать, где вы были сегодня между пятью тридцатью и шестью часами.»

«Почему?», - сразу же сказал Уолш.

«Вы были здесь, дома?», - спросил Карелла, уклоняясь от ответа.

«Нет.»

«Тогда, где вы были?»

«Почему вы спрашиваете меня?»

«Мистер Уолш», - сказал Карелла, - «кто-то убит. Всё, что я хочу знать...»

«Ну, Господи... вы же не думаете...»

«Где вы были?»

«Между... между... во сколько, вы сказали?»

«Пять тридцать и шесть.»

«С моим другом», - сказал Уолш и почувствовал огромное облегчение.

«Как зовут вашего друга?»

«Алекс Хэррод. Его номер телефона - Квин 7-6430, позвоните ему. Давайте, звоните ему. Он скажет вам, где я был.»

«Где вы были?»

«Что?»

«Где вы были со своим другом Алексом Хэрродом?»

«В его квартире. 511 Жакаранда, третий этаж. Квартира 32. Давайте, звоните ему.»

«Во сколько вы приехали?»

«Около пяти двадцати. Он как раз возвращался домой с работы.»

«Как долго вы там пробыли?»

«Я ушёл около девяти тридцати.»

«Вы выходили из квартиры в любое время?»

«Нет, не выходил.»

«Возможно, выходил Хэррод?»

«Нет, мы были там вместе.»

«Как давно вы знакомы с Хэрродом?»

«Мы познакомились совсем недавно.»

«Когда?»

«В канун Рождества.»

«Где?»

«На вечеринке.»

«Где проходила вечеринка?»

«Здесь, в Квартале.»

«Где в Квартале?»

«В Ллеулин Мьюз. Человек по имени Дэниел Корбетт устраивал вечеринку, и мой друг попросил меня пойти с ним.»

«Вы знали Корбетта до этого?»

«Нет, я увидел его той ночью.»

«И тогда же вы познакомились с Хэрродом, верно?»

«Именно так.»

«Вы разговаривали с ним после того, как покинули его квартиру сегодня вечером?»

«Нет, не разговаривал.»

«Мы можем проверить в телефонной компании все звонки с его номера на ваш.»

«Пожалуйста», - сказал Уолш. «Я ушёл от него в девять тридцать и с тех пор не разговаривал с ним. Кого убили? Это ведь не Алекс, верно?»

«Нет, это был не Алекс», - сказал Карелла. «Спасибо, что уделите мне время, мистер Уолш.»

Как потом выяснилось, убийца выбрал не того человека. Ошибка была разумной; даже Карелла ранее совершил такую же ошибку. Убийца, должно быть, следил за ней последние несколько дней, и когда он увидел её - или человека, которого он принял за Хиллари Скотт, - выходящей из жилого дома в Стюарт-Сити в 8:30 утра в среду, он проследил за ней до самого входа в метро, а затем попытался зарезать её тем, что Дениз Скотт позже описала как «самый большой чёртов нож, который я когда-либо видела в своей жизни».

Через несколько минут после того, как Дениз ворвалась в квартиру с разрезанной передней частью чёрного суконного пальто и белой атласной блузки, Хиллари позвонил сначала в местный участок, а затем Карелле домой. Они с Хоузом приехали туда через час. Патрульные из Южного Мидтауна уже были там и размышляли, что им делать. Они спросили Кареллу, должны ли они сообщить об этом в свой участок как о 10-24 – «Нападение в прошлом» - или этим займутся в 87-м участке? Карелла объяснил, что нападение могло быть связано с убийством, над которым они работают, и патрульным следует забыть об этом. Патрульные выглядели неубеждёнными.

«А как же бумаги?» - спросил один из них. «Кто позаботится о бумагах?»

«Мы, обязательно», - сказал Карелла.

«Тогда, возможно, мы попадём в передрагу», - сказал второй патрульный.

«Если вы хотите составить заявление, валяйте», - сказал Карелла.

«В качестве чего? 10-24?»

«Так оно и было.»

«Где, по нашим сведениям, это было?»

«Что вы имеете в виду?»

«Парень пытался зарезать её у метро на Мастерс. Но она не звонила нам, пока не вернулась сюда. Итак, что мы будем считать местом преступления?»

«Вот», - сказал Карелла. «Теперь вы сами ответили, не так ли?»

«Да, но это не то место, где всё случилось.»

«Поэтому позвольте мне составить документы, хорошо?», - сказал Карелла. «Не беспокойтесь об этом.»

«У вас нет такого сержанта, как у нас», - сказал первый патрульный.

«Послушайте, я хочу поговорить с жертвой», - сказал Карелла. «Я же сказал, что мы работаем над убийством, так что позвольте мне оформить дело, и тогда вам не придётся об этом беспокоиться.»

«Узнай его имя и номер полицейского значка», - посоветовал второй патрульный.

«Детектив второго класса Стивен Луис Карелла», - терпеливо сказал Карелла, - «87-й участок. Номер моего полицейского значка 714-5632.»

«Ты понял?», - спросил второй патрульный у своего напарника.

«Я понял», - сказал первый патрульный, и они оба вышли из квартиры, всё ещё беспокоясь о том, что может сказать их сержант.

Дениз Скотт находилась в состоянии оцепенелого шока. Её лицо было бледным, губы дрожали, она не снимала пальто - как будто оно каким-то образом всё ещё защищало её от ножа нападавшего. Хиллари принесла ей большую рюмку бренди, и когда она сделала несколько глотков и цвет вернулся к её щекам, она, казалось, была готова рассказать о том, что произошло. А случилось всё очень просто. Кто-то схватил её

сзади, когда она спускалась по ступенькам на станцию метро, потянул за спину, а затем распорол переднюю часть её пальто самым большим ножом, который она когда-либо видела в своей жизни. Она ударила его сумкой и начала кричать, а мужчина повернулся и начал убегать, когда кто-то начал подниматься по ступенькам снизу.

«Это был мужчина, вы уверены в этом?», - сказал Карелла.

«Совершенно.»

«Как он выглядел?», - спросил Хоуз.

«Чёрные волосы и карие глаза. Очень узкое лицо», - сказала Дениз.

«Сколько ему лет?»

«Около двадцати, я бы сказала.»

«Вы бы узнали его, если бы увидели снова?»

«Через минуту.»

«Он вам что-нибудь сказал?»

«Ни слова. Он просто дёрнул меня и попытался ударить ножом. Посмотрите, что он сделал с моими пальто и блузкой», - сказала она и откинула в сторону разорванную блузку, чтобы позволить изучить покатуую верхнюю часть левой груди. Хоуза, похоже, очень интересовало, проник ли нож в её плоть. Он уставился на V-образное отверстие блузки со всей тщательностью помощника судмедэксперта. «Мне просто повезло, вот и всё», - сказала Дениз и позволила блузке упасть на место.

«Он собирался убить меня», - сказала Хиллари.

Карелла не стал спрашивать, почему она так думает, - он и сам думал точно так же.

«Позвольте мне взять пальто», - сказала она.

«Что?», - спросила ее сестра.

«Ваше пальто. Позвольте мне его взять.»

Дениз сняла пальто. Удар ножом разорвал блузку на левой груди. Под зияющей атласной прорехой Хоуз разглядел обещанную плоть Дениз, молочно-белую на фоне белесого атласа. Хиллари прижала чёрное пальто к груди, словно призрачного любовника. Закрыв глаза, она начала раскачиваться, как после поцелуя с Кареллой. Хоуз посмотрел на неё, потом на сестру и решил, что лучше ляжет в постель с Дениз, чем с Хиллари. Потом он решил, что наоборот. А потом решил, что им обеим было бы неплохо вместе, в одно и то же время, на двуспальной кровати в его квартире. Карелла, не будучи экстрасенсом, не знал, что в этот праздничный сезон все в мире мечтали о сексе втроем. Хиллари, выдавая себя за ту, кем, как знал Карелла, она не являясь, начала повторять голосом, напоминающим тот, который она использовала после того, как поцеловала его: «лента, ты украл, лента», - всё по старинке.

Хоуз в замешательстве наблюдал за ней: раньше он никогда не замечал её действий. Дениз, привыкшая к действиям медиумов, зевнула. Бренди подействовало на неё. Она, казалось, забыла, что менее часа назад кто-то пытался отправить её в тот великий мир, куда, предположительно, сейчас стремится её сестра. Хиллари сказала, что это призрак убил Грегори Крейга, а теперь тот же призрак пытался убить её сестру, и от её чёрного пальто исходили эманации, которые, казалось, указывали либо на что-то, либо вообще ни на что.

«Хемп», - сказала она.

Карелла не был уверен, прочищала ли она горло или нет.

«Хемп», - повторила она. «Останьтесь.»

Он не собирался уходить, поэтому не знал, что она имела в виду.

«Хемп, останься (*стэй, по-английски – примечание переводчика*)», - сказала она. «Хэмпстед. Хэмпстед.»

Карелла отчётливо почувствовал, как у него на затылке зашевелились волосы. Хоуз, наблюдая за Дениз, которая теперь

безрассудно скрестила ноги и ухмылялась ему, вдохновлённая бренди, чувствовал только шевеление щетины где-то в районе паха.

«Месса», - повторяла Хиллари, глаза её были по-прежнему закрыты, тело покачивалось, чёрное пальто было зажато в руках. «Масса. Массачусетс. Хэмпстед, Массачусетс», - и у Кареллы открылся рот.

Хиллари открыла глаза и уставилась на него безучастным взглядом. Его взгляд был таким же пустым. словно пара слепых идиотов-знатоков, разделяющих одно и то же таинственное знание, они смотрели друг на друга через пропасть шириной не более трёх футов, но кишашую шепчущими демонами и бездыханными трупами. Его ноги внезапно похолодели. Он смотрел на неё не мигая, а она смотрела в ответ, и он мог поклясться, что её глаза горели, глубокие, карие, освещённые изнутри всеми красными и жёлтыми оттенками сверкающих опалов.

«Кто-то утонул в Хэмпстеде, штат Массачусетс», - сказала она.

Она сказала это прямо ему, не обращая внимания на Хоуза и сестру. И Карелла, прекрасно зная, что она жила с Крейгом последний год с лишним, зная также, что он мог рассказать ей всё об утоплении своей бывшей жены в двух милях от того места, где он снимал дом с привидениями, прославленный в «Мёртвых тенях», тем не менее полагала, что это знание пришло к ней из чёрного пальто, которое она держала в руках.

Когда она сказала: «Мы поедем в Массачусетс, ты и я», он понял, что так и будет, потому что три года назад там утонула жена Крейга, а теперь погибли ещё три человека, и была совершена ещё одна попытка убийства, и, возможно, в этом замешаны призраки.

Они надеялись добраться туда к часу дня, что было вполне реально, учитывая, что из города они выехали чуть позже десяти, а Хэмпстед, судя по карте, находился не более чем в

двухстах милях к северо-востоку. Дороги за городом были сухими; буря, накрывшая Айзолу, оставила окрестности нетронутыми. Только когда они въехали в Массачусетс, возникли трудности. Если раньше Карелла стабильно держал скорость пятьдесят пять миль в час (*примерно 80 километров в час – примечание переводчика*) в соответствии с федеральным ограничением по энергосбережению, то теперь он сбавил обороты и надеялся, что в среднем будет ехать тридцать (*примерно 48 километров в час – примечание переводчика*). Снег не был проблемой: любой штат, рассчитывающий на лыжников в зимние месяцы, позаботился о том, чтобы дороги были вычищены и выскоблены, как только выпадет первая снежинка. Но температура упала до восемнадцати градусов по Фаренгейту (*примерно -8° по Цельсию – примечание переводчика*), и снег на дорогах, который таял в утренние часы, теперь застыл в тонкую плёнку, покрывавшую асфальт от разделительной полосы до обочины и делавшую езду коварной и утомительной.

Они добрались до Хэмпстеда в 2:25 пополудни. Небо было пасмурным, с океана дул резкий ветер, трепавший деревянные ставни прибрежных зданий. Казалось, город выполз из Атлантики, как какое-то доисторическое существо в поисках солнца, а вместо него нашёл скалистое, негостеприимное побережье и рухнул на него в разочаровании и изнеможении. Ветхие здания на набережной были одинаково серыми, их побитая непогодой черепица напоминала о том времени, когда Хэмпстед был маленькой рыбацкой деревушкой, а люди пускались в море на кораблях. Здесь всё ещё стояли сети и ловушки для ловли омаров, но неизбежный прогресс пронёс через город аляповатую череду мотелей и заведений быстрого питания, которые основательно испортили то, что и так не могло быть особенно весёлым местом.

Общежитие, каким оно было, представляло собой унылый прямоугольник неухоженного газона, окружённый городскими муниципальными зданиями и четырёхэтажным кирпичным отелем, называвшим себя «Хэмпстед Армс». Безвкусная сезонная мишура облепила площадь, словно эскадрилья

танцующих девушек в блёстках и пайетках. В центре главной площади стояла незажжённая рождественская ёлка, похожая на поникшую чайку, потерявшую ориентацию. Карелла припарковал машину и вместе с Хиллари отправился к ратуше, где надеялся найти офис коронера и документы, касающиеся смерти бывшей жены Грегори Крейга. На Хиллари была объёмная енотовая шуба, коричневая шерстяная шапка, надвинутая на уши, коричневые перчатки, коричневые ботинки и тот же наряд, в котором она была утром в квартире сестры: твидовая бежевая юбка, испещрённая зелеными и коричневыми нитями, водолазка цвета горького шоколада и зелёный свитер-кардиган с кожаными пуговицами. На Карелле было много вещей, подаренных ему двумя днями ранее: тёмно-серые фланелевые брюки от Фанни, красная клетчатая фланелевая рубашка от Эйприл, твидовый спортивный пиджак цвета копчёной селедки от Тедди, тёмно-синее автомобильное пальто с флисовой подкладкой и воротником из искусственного меха, тоже от Тедди, и пара перчаток на меховой подкладке от Марка. Ноги у него замёрзли: утром он надел мокасины, не ожидая, что будет бродить по улицам городка на берегу океана в Массачусетсе, где температура держится чуть выше нуля, а ветер дует с Атлантики, словно мстя каждому моряку, когда-либо погибшему в этих тёмных водах у берега. Когда они пересекали главную площадь, Хиллари кивнула и сказала: «Да, я знала, что это будет выглядеть именно так.»

Ратуша Хэмпстеда представляла собой белое здание с серой черепичной крышей. Оно выходило на запад, в сторону океана, защищая тротуар от яростных атлантических ветров. Все фонари горели, защищаясь от полуденного мрака; они манили, как маяки для заблудившихся мореплавателей. Внутри здания было тепло, как в обычном магазине с печкой-буржуйкой. Карелла изучил информационную доску в вестибюле - чёрный прямоугольник с белыми пластиковыми буквами и цифрами, на которых были указаны различные отделы и комнаты, в которых их можно найти. Офиса коронера не было. Он выбрал офис городского клерка и поговорил там с женщиной, которая по голосу очень напоминала покойного президента Кеннеди. Она сказала ему, что офис коронера находится в больнице

Хэмпстеда, что в двух милях к северо-востоку, по другую сторону бухты. Не желая в очередной раз вступить в замёрзшие отходы, Карелла всё же дошел с Хиллари до места, где припарковал машину, а затем поехал на север по прибрежной дороге, которая изгибалась мимо, казалось, большого пруда с солёной водой, но была обозначена придорожным знаком как Хэмпстед-Байт.

«Вот где она утонула», - сказала Хиллари. «Остановите машину.»

«Нет», - сказал Карелла. «Сначала давайте выясним, как она утонула.»

Коронером был мужчина лет шестидесяти, бледный и худой, как труп, с бахромой седых волос вокруг шелушащейся лысины. На нём был поношенный коричневый свитер, помятые коричневые брюки, белая рубашка с обтрёпанным воротником и галстук цвета коровьего навоза. Его стол был загромождён связкой беспорядочно разбросанных папок с документами и чёрной пластиковой табличкой, на которой белыми буквами было написано его имя: Мистер Хирам Холлистер. Карелла разговаривал с ним наедине; одно дело - брать с собой медиума, когда идёшь вызывать призраков; совсем другое - вести официальные дела в присутствии потрясающе красивой двадцатидвухлетней девушки в енотовой шубе, которая придавала ей уютный вид. Хиллари ждала на скамейке в коридоре снаружи.

«Я расследую три убийства в Айзоле, возможно, связанных между собой», - сказал Карелла, показывая свой полицейский значок. «Одной из жертв был человек по имени Грегори Крейг, который...»

«Что там написано?», - спросил Холлистер, глядя на золотой щиток с голубой эмалью и рельефной городской печатью.

«Детектив», - сказал Карелла.

«О, детектив, да», - сказал Холлистер.

«Одной из жертв был человек по имени Грегори Крейг. Его бывшая жена, Стефани Крейг, утонула в Хэмпстед-Байт три

лета назад. Ваш офис пришёл к выводу, что смерть была случайной. Я хотел бы узнать, могу ли я...»

«Три лета назад, да», - сказал Холлистер.

«Вы помните это дело?»

«Нет, но я помню три лета назад, точно. В тот год у нас было столько дождей.»

«У вас есть записи о том, что произошло? Я предполагаю, что было дознание...»

«О, да, так бы и было, если бы она утонула.»

«Стефани Крейг», - сказал Карелла. «Это имя вам о чём-нибудь говорит?»

«Нет, совсем не помню. К нам приезжают туристы, а они, знаете ли, не знают, насколько коварными могут быть течения. У нас случаются утопления, скажу я вам, как и в любом другом прибрежном посёлке.»

«Как насчёт Грегори Крейга?»

«Я его тоже не помню.»

Он написал книгу под названием «Мёртвые тени».

«Не читал.»

«О доме в этом городе.»

«Нет, не знаю.»

Карелла ненадолго задумался об иллюзорности славы. За своим столом Холлистер кивал, словно внезапно вспомнил что-то, о чём раньше не рассказывал.

«Да», - сказал он.

Карелла ждал.

«Тем летом было много дождей. Размыло причал у пирса Логана.»

«Мистер Холлистер», - сказал Карелла, - «где я могу найти протокол дознания?»

«Прямо по коридору», - сказал Холлистер и посмотрел на часы. «Но уже три часа, и я хочу вернуться домой до того, как начнётся буря. Предполагается, что будет не менее шести дюймов снега, вы знали об этом?»

«Нет, не знал», - сказал Карелла и посмотрел на свои часы. «Если вы достанете для меня папку», - сказал он, - «я могу взглянуть на неё, а потом оставить на вашем столе, если вы не против.»

«Что ж», - сказал Холлистер.

«Я могу подписать расписку в своём официальном качестве...»

«Нет, расписка не нужна», - сказал Холлистер. «Просто не хочу, чтобы она была в беспорядке и не на месте.»

«Я буду очень осторожен с ней», - сказал Карелла.

«Периодически приглашайте сюда полицейских из других штатов», - сказал Холлистер, - «они не знают, что такое аккуратность и порядок.»

«Я могу это понять, сэр», - сказал Карелла, решив, что «сэр» не помешает в этот непростой момент. «Но я привык работать с документами и обещаю, что верну папку в том же состоянии, в каком её получил. Сэр», - добавил он.

«Полагаю, всё будет в порядке», - сказал Холлистер и поднялся со своего вращающегося кресла, удивив Кареллу ростом в шесть футов четыре дюйма, который должен был принадлежать баскетболисту. Он прошёл за Холлистером по коридору, мимо Хиллари, которая сидела на скамейке и пылливо смотрела на него, а затем вошёл в кабинет с лаконичной надписью «Записи» на матовом стекле двери. В кабинете стояли пыльные деревянные картотечные шкафы, за которые можно было бы выручить неплохую цену в любом из антикварных магазинов Айзолы.

«Как пишется эта фамилия?», - спросил Холлистер.

«К-Р-Э-Й-Г», - сказал Карелла и снова задумался о славе, а также о том, что где-то в Америке в этот самый момент кто-то спрашивает, как пишется Хемингуэй, Фолкнер или даже Гарольд Роббинс (*настоящее имя Гарольд Рубин, американский писатель, автор резонансных романов, изданных на десятках языков – примечание переводчика*).

«К-Р-Э-Й-Г», - сказал Холлистер, подошёл к одному из картотечных шкафов, открыл ящик и, листая папки, снова и снова произносил про себя это имя.

«Стефани?», - спросил он.

«Стефани», - подтвердил Карелла.

«Вот она», - сказал Холлистер, достал папку толщиной в дюйм и ещё раз изучил на ней название, прежде чем передать Карелле. «Просто положите её сюда, на верх шкафа, когда закончите с этим. Я не хочу, чтобы вы заново пытались подшивать документы, слышите?»

«Да, сэр», - сказал Карелла.

«Так можно испортить все документы», - сказал Холлистер.

«Да, сэр.»

«Если хотите, можете воспользоваться столом вон там, у окна, снимайте пальто, устраивайтесь поудобнее. Что это за женщина снаружи, похожая на медведя гризли?»

«Она помогает мне с делом», - сказал Карелла.

«Вы можете взять её с собой, если это вас устроит; нет смысла морозить её задницу в коридоре. В коридоре ужасный сквозняк.»

«Да, сэр, спасибо», - сказал Карелла.

«Ну, вот, пожалуй, и всё», - сказал Холлистер и, пожав плечами, оставил Кареллу одного в комнате. Карелла высунул голову за дверь. Хиллари всё ещё остужала пятки на скамье, нетерпеливо покачивая одной из скрещённых ног.

«Входите», - сказал он, и она тут же поднялась и пошла по коридору, щёлкая каблуками сапог по деревянному полу.

«Что у вас?», - спросила она.

«Протокол дознания.»

«В Хэмпстед-Байт мы узнаем больше», - сказала она.

Карелла включил настольную лампу с абажуром, а затем придвинул стул для Хиллари. Она не стала снимать енотовую шубу. Снаружи уже начинал идти снег. Часы на стене отбивали время: семь минут третьего.

«Я хочу сделать это быстро», - сказал Карелла, - «и убраться отсюда до того, как начнется буря.»

«Мы должны отправиться в Хэмпстед-Байт. И в тот дом, снятый Греггом.»

«Если будет время», - сказал он.

«В любом случае нам не выбраться», - сказала она. «Они уже закрыли Сорок четвёртое шоссе.»

«Откуда вы знаете?», - спросил он, и она бросила на него усталый взгляд. «Ну... в любом случае, давайте поторопимся», - сказал он. «Вы хотели посмотреть на всё это вместе со мной? Есть ли здесь что-нибудь, что...»

«Я хочу потрогать бумаги», - сказала она.

После её выступления с пальто сестры он знал, что лучше не отмахиваться от её просьбы. В машине по дороге в Массачусетс она пыталась объяснить ему, какими способностями обладает она и подобные ей. Он внимательно слушал, пока она рассказывала ему об экстрасенсорном восприятии и, в частности, о психометрии. Она определила это как способность измерять шестым чувством поток - электромагнитное излучение - от другого человека, чаще всего путём прикосновения к предмету, принадлежащему ему или надетому на него. Люди, наделённые этим даром - «а иногда и проклятые», - сказала она, - способны получать информацию о

прошлом и настоящем, а иногда, в случае особо талантливых психометристов, даже о будущем. Она объяснила, что с точки зрения экстрасенса время можно рассматривать как огромную фонографическую пластинку с миллионами и миллионами гребней и канавок, содержащую тысячелетия записанных данных. Экстрасенс, в некотором смысле, - это человек, обладающий необычайной силой, способный поднять метафорическую ручку проигрывателя и опустить иглу в любую из канавок, тем самым воспроизводя в сознании любое из сохранённых на пластинке сведений. Она не совсем понимала, как это работает в отношении будущих событий: ей никогда не удавалось с точностью предсказать то, что должно было произойти. Ясновидение, яснослышание и ясночувствование - все эти таланты были выше её скромных возможностей. Но она была полностью уверена в своей способности безошибочно определять по электромагнитной утечке энергии любого объекта события - прошлые или настоящие, - связанные с этим объектом. Вчера она смогла сделать это с пальто сестры, потому что пальто соприкоснулось с ножом убийцы, а нож был в руке убийцы, и поток был достаточно сильным, чтобы перенестись от человека к предмету и от предмета к другому человеку. Трезво осмысленная диссертация, которую он прослушал, ещё больше убедила Кареллу в том, что она обладает способностями, которые он не в силах объяснить.

Сев за стол рядом с ней, он открыл папку с делом и начал читать. Она не читала вместе с ним. Она просто прикасалась к правому верхнему углу каждой страницы, держа страницу между большим и указательным пальцами, ощупывая её, как ощупывают образец ткани, глаза её были закрыты, а тело слегка покачивалось на стуле рядом с ним. От неё исходил пьянящий аромат духов, которого он не заметил во время поездки на машине. Он предположил, что её психометрическая концентрация создаёт эманации собственного тепла, усиливающие аромат духов.

Согласно результатам дознания, проведённого коронером в шестнадцатый день сентября, через три недели после смертельного утопления три лета назад, Стефани Крейг плавала

одна в Хэмпстед-Байт между 3:00 и 3:50 пополудни, когда, по словам наблюдателей на берегу, она внезапно исчезла под водой. Она дважды всплывала, каждый раз с трудом и задыхаясь, но когда она опустилась под воду в третий раз, то больше не всплыла. Один из очевидцев предположил на дознании, что миссис Крейг (очевидно, она всё ещё использовала форму обращения «миссис» через четыре года после развода с Крейгом) могла быть схвачена снизу акулой «или какой-нибудь другой рыбой», но комиссия сразу же отвергла эту версию, сославшись на то, что в воде не было крови, и, возможно, памятуя о множестве недавних книг и фильмов, которые мало способствовали притоку туристов в посёлки на берегу океана; Хэмпстеду меньше всего нужен был страх перед акулой - или любой другой рыбой. Комиссия провела тщательное расследование, выведав у разнорабочего, что она ушла на пляж в 2:30 того же дня, взяв с собой полотенце и сумочку, висевшую на плече, и сообщив ему, что планирует «пройтись до залива, чтобы немного поплавать». На ней, как он точно помнит, был голубой купальник-бикини и сандалии. Свидетели на пляже вспомнили, что видели, как она подошла к кромке воды, попробовала воду пальцами ног, а затем вернулась с берега и положила сандалии, полотенце и сумку. Один из очевидцев упомянул, что это был «первый солнечный день за последние несколько недель», что, должно быть, мало обрадовало сердца двух членов Совета торговой палаты.

Стефани Крейг вошла в воду, чтобы искупаться, в три часа дня. В тот день в бухте было даже спокойнее, чем обычно. Защищённый естественным каменным волнорезом, разбивающим океанские волны с восточной стороны, и окаймлённый редким для этих мест пляжем с белым песком, он был безопасным, свободным от течений местом для купания и любимым как среди местных жителей, так и среди туристов. В тот день на пляже было шестьдесят четыре человека. Только дюжина из них стала свидетелем утопления. Все они рассказали одну и ту же историю. Она внезапно ушла под воду и утонула. Точка. В заключении судмедэксперта говорится, что на теле не было ни ушибов, ни рваных ран, ни синяков, что раз

и навсегда отвергает версию о том, что акула «или какая-нибудь другая рыба» схватила её снизу. В отчёте также говорилось, что тело было доставлено в морг только в трусиках от купального костюма-бикини, а бюстгальтер, очевидно, был потерян во время борьбы миссис Крейг за спасение от утопления. Анализ на наркотики и алкоголь был отрицательным. Врач, проводивший осмотр, не смог сказать, была ли судорога причиной её внезапной неспособности держаться на плаву, но комиссия всё же решила, что вероятной причиной несчастного случая была «сильная судорога или серия судорог, которые лишили миссис Крейг сил в воде, глубина которой в тот день оценивалась в двадцать футов (около 6 метров – **примечание переводчика**), где она плавала». Очевидец на пляже сказал, что она погрузилась под воду в последний раз в десять минут четвёртого; это означало, что она плавала почти час в воде, не отличающейся комфортной температурой. Но Стефани Крейг была обладательницей трёх золотых медалей в составе сборной университета Холмана по плаванию, и в отчёте комиссии этот факт не упоминался.

Карелла закрыл папку. Хиллари провела руками по папке, потом открыла глаза и сказала: «Это был не несчастный случай. Кто бы ни напечатал этот отчёт, он знает, что это не случайность.»

Карелла проверил первую и последнюю страницы отчёта, чтобы выяснить, нет ли на них фамилии или инициалов машинистки. Не было. Он сделал мысленную пометку позвонить Холлистеру и выяснить, кто набирал текст.

«Я хочу пойти в Бухту», - сказала Хиллари. «Мы можем пойти, пожалуйста? Пока не стемнело?»

Когда они добрались до места, было уже почти совсем темно. Свет, который ещё держался на горизонте, был рассеян падающим снегом, что делало видимость и положение на ногах весьма сомнительными. Они стояли на берегу и смотрели на воду. Стефани Крейг утонула в пятидесяти футах от берега, всего в десяти ярдах (около 2,74 метров – **примечание переводчика**) от волнореза, который являл собой

изгибающийся выступ естественной скалы. По настоянию Хиллари они вышли на волнорез. По форме он напоминал рыболовный крючок: хвостовик торчал из берега под северо-восточным углом, а скалы на самом дальнем конце загибались, образуя естественную бухту. Со стороны океана волны разбивались о выступ, словно намереваясь разломать его в щепки. Но бухта со стороны залива была так же защищена, как и большой полумесяц пляжа, и здесь только шторм и брызги сбивали летящие снежинки. К выступу над бухтой была прикреплена ржавая железная лестница. Хиллари повернулась к ней спиной, и Карелла сразу понял, что она собирается спуститься на каменистый пляж внизу. Он схватил её за руку и сказал: «Эй, нет.»

«Там безопасно», - сказала она. «Океан на другой стороне.»

Он посмотрел вниз. Бухта действительно казалась достаточно безопасной. Со стороны океана о выступ яростно бились волны, но в защищённой маленькой бухточке внизу он бы доверил свою десятилетнюю дочь резиновой уточке. Он спустился перед Хиллари по лестнице, а затем предусмотрительно отвернулся, когда она слезла за ним, и её юбка зашелестела по ногам и бёдрам. Внизу ветра не было. За каменистым берегом зияла небольшая пещера, выветрившаяся из уступа. Внутри неё смутно виднелась причаленная лодка, выкрашенная в зелёный цвет, который облупился и окрасился в красно-жёлтый под ржавыми замками. Хиллари остановилась прямо перед входом в пещеру.

«Что ещё?», - сказал Карелла.

«Он был здесь», - сказала она.

«Кто?»

Свет быстро угасал; ему следовало бы взять фонарик из бардачка машины, но он этого не сделал. Пещера казалась ничуть не привлекательной. Он всегда считал спелеологов самыми отъявленными маньяками и боялся оказаться запертым в маленьком пространстве, не имея возможности двигаться ни вперёд, ни назад. Но он последовал за Хиллари в

пещеру, пригнув голову, чтобы не удариться о низкий потолок, и вглядываясь в темноту за лодкой. Пещера была неглубокой и резко заканчивалась в нескольких футах за лодкой. Наклонные стены были влажными. Хиллари дотронулась до одного из ржавых замков, но тут же отдернула руку, словно её ударило током.

«Нет», - сказала она.

«Что это?»

«Нет», - сказала она, отступая от лодки. «О, нет, Боже, пожалуйста, нет.»

«Что это, чёрт возьми, такое?»

Она не ответила. Она покачала головой и вышла из пещеры. Она поднималась по лестнице, когда он вышел на усыпанный камнями пляж позади неё. Когда она добралась до уступа, ветер трепал её юбку, обнажая её длинные ноги. Он поднялся вслед за ней. Она бежала вдоль волнореза, волны разбивались слева от неё, направляясь к полумесяцу пляжа, за которым он припарковал машину. Он бежал за ней, задыхаясь, едва не теряя опору на камнях, почти претворяя в жизнь свой второй самый дикий страх - утонуть. Когда он добрался до машины, она уже сидела в ней, сложив руки на передней части енотовой шубы, и её тело дрожало.

«Что там произошло?», - спросил он.

«Ничего.»

«Когда вы прикоснулись к лодке...»

«Ничего, - сказала она.

Он завёл машину. На стоянке лежало не менее двух дюймов снега. Часы на приборной панели показывали 16:00. Он сразу же включил радио, надеясь поймать местные новости, и прослушал сначала сообщение о новом плане президента по борьбе с инфляцией, затем о последних неприятностях на Ближнем Востоке и, наконец, о погоде. Буря, затопившая

город, наконец достигла Массачусетса, и ожидалось, что до утра выпадет от восьми до десяти дюймов снега. Шоссе 44 было закрыто, а на повороте на юг и запад было очень опасно. Действовало предупреждение для путешественников; Департамент шоссе штата попросил не выезжать на дороги, чтобы обеспечить свободный доступ для снегоуборочной техники.

«Нам лучше вернуться в город», - сказал он, - «и посмотреть, нельзя ли снять пару комнат на ночь.»

«Нет», - сказала она. Её всё ещё била дрожь. «Я хочу увидеть дом, который Грег снимал тем летом.»

«Я не хочу застрять здесь посреди бездорожья.»

«Это по дороге», - сказала она. «В двух милях от бухты. Разве не так она вам сказала? Разве не так сказала вам его дочь?»

Эбигейл Крейг сказала: «Она утонула в Бухте, в двух милях от того места, где мой отец снимал свой знаменитый дом с привидениями.» Частично верующий, Карелла был готов принять тот факт, что Хиллари не могла знать о его разговоре с дочерью Крейга и, следовательно, узнала об этом благодаря своим экстрасенсорным способностям. Но, оставаясь скептиком, он понимал, что Хиллари, несомненно, знакома с книгой, которую Крейг написал об этом доме, так не разумно ли теперь предположить, что он подробно описал его, вплоть до географического расположения?

«Две мили от бухты могут быть двумя милями в любом направлении», - сказал он. «Я не хочу выезжать в Атлантический океан.»

«Нет, это по дороге в город», - сказала она.

«Он так написал в своей книге?»

«Я узнала его, когда мы проезжали мимо», - сказала она.

«Вы не ответили на мой вопрос.»

«Нет, в книге он не указал точное местоположение.»

«Почему вы ничего не сказали, когда мы проезжали мимо?»

«Потому что поле было таким сильным.»

«Какое поле?»

«Электромагнитное поле.»

«Настолько сильное, что заставило вас замолчать?»

«Такое сильное, что это меня испугало.»

«А в бухте не было, да? Когда мы проходили мимо бухты...»

«Там в бухте она только утонула. Дом...» Она снова задрожала и поплотнее закуталась в пальто. Он никогда не слышал, чтобы у человека стучали зубы; он всегда считал, что это выдумка. Но сейчас её зубы действительно стучали; он слышал их тихие щелчки на фоне гула автомобильной печки.

«Так что о доме?», - спросил он.

«Я должна его увидеть. Дом был началом. Дом был местом, где всё началось.»

«Началось что?»

«Четыре убийства.»

«Четыре?», - сказал он. «Было только три.»

«Четыре», - повторила она.

«Грегори Крейг, Мэриан Эспозито, Дэниел Корбетт...»

«И Стефани Крейг», - сказала она.

Дом находился на берегу океана, в 1,8 мили (*приблизительно 2,9 километра – примечание переводчика*) от Хэмпстед-Байт, если верить одометру (*прибор для измерения количества оборотов колеса – примечание переводчика*). Он припарковал машину на песчаной дорожке, припорошенной снегом, поросшей засохшей пляжной травой и сорняками. Слева от входной двери, словно гигантский наполеоновский солдат под Москвой, возвышалась одинокая сосна, ветви которой отяжелели от налипшего на них снега. Дом был почти полностью серым: обветренная серая черепица со всех сторон, серая черепица более тёмного оттенка на крыше, дверь, ставни и наличники окон - всё окрашено в серый цвет, который шелушился и выцветал. Кирпичная дымовая труба поднималась на два этажа с северной стороны, создавая столб красного, как кровь, цвета, пронзительный вертикальный крик на фоне серого цвета дома и белого кружасьегося снега. На этот раз он не забыл взять с собой фонарик. Сначала он осветил на небольшую табличку в окне, расположенном ближе всего к входной двери. Вывеска сообщала, что дом сдаётся в аренду или продается, и указывала имя и адрес агента по недвижимости, с которым можно связаться. Он перевёл свет на потускневшую дверную ручку и попробовал ее. Дверь была заперта.

«Вот и всё», - сказал он.

Хиллари положила руку на ручку. Она закрыла глаза. Он ждал, не зная, чего ожидать, когда она дотронется до чего-нибудь. Снежинка приземлилась ему на шею и растеклась по воротнику.

«Там есть чёрный ход», - сказала она.

Они пробирались по снегу вокруг дома, миновали заросли колючего кустарника и вышли на серое деревянное крыльцо со стороны океана. Ветер прибивал снег к крыльцу. Он отпихнул

снег ботинком, распахнул внешнюю дверь, а затем попробовал ручку на внутренней двери.

«Заперто», - сказал он. «Давайте вернёмся в город.»

Хиллари потянулась к ручке. Карелла вздохнул. Она держала ручку, как ему показалось, необычайно долго, ветер со свистом налетал с океана и хлестал по маленькому крыльцу, а штормовая дверь билась о стену дома. Когда она отпустила ручку, то сказала: «За водосточной трубой есть ключ.»

Карелла заиграл светом над водосточной трубой. Отверстие было на высоте восьми дюймов от земли. Он пощупал его рукой. На задней стенке трубы был прикреплен один из магнитных держателей для ключей, призванных облегчить взломщикам вход в дом. Он открыл крышку металлического контейнера, достал ключ и примерил его к замку. Ключ легко вошёл в паз; когда он повернул его, то услышал, как ригели, смазанные маслом, отодвинулись с тихим щелчком. Он снова попробовал ручку, и дверь открылась. Пошарив на стене справа от двери, он нашёл выключатель и щёлкнул им. Он шагнул в комнату; Хиллари закрыла за ним дверь.

Они стояли в гостиной, обставленной так, что её можно было бы назвать «пляжным домиком». У окна, выходящего на океан, стоял диван, покрытый чехлами с цветочным рисунком. Два мягких кресла с несовпадающей обивкой стояли напротив дивана, словно уродливые женихи, просящие руки принцессы. На полу между диваном и креслами лежал овальный плетёный ковёр с пятнами, а на нём покоился кофейный столик со смещённым центром, словно из сапожной мастерской. Пианино стояло у стены с двумя дверями: одна вела на кухню, другая - в кладовую. Ступеньки в дальнем конце комнаты вели на верхний этаж дома.

«Это не тот», - сказала Хиллари.

«Что вы имеете в виду?»

«Это не тот дом, о котором писал Грег.»

«Мне показалось, вы сказали...»

«Я сказала, что всё началось здесь. Но это не тот дом, который был в «Мёртвых тенях».»

«Откуда вы знаете?»

«В этом доме нет привидений», - категорично заявила она. «В этом доме никогда не было привидений.»

Тем не менее, они обошли дом сверху донизу. Хиллари вела себя спокойно, почти отстранённо. Она шла по дому, как незаинтересованная покупательница, которой муж пытается навязать нежелательную покупку, пока они не добрались до подвала. В подвале, а Карелла уже начал привыкать к этим внезапным перепадам психического настроения, она вздрогнула при виде закрытой двери. Её руки начали молотить воздух, пальцы на каждой из них стали похожи на пальцы слепого, ищущего препятствия. Дрожа, она подошла к двери. Подняв примитивную задвижку, она вошла в комнату с полками, где находилась печь. Карелла сразу понял, что в доме страшно холодно. Его ноги стали свинцовыми, руки онемели. На одной из полок лежали маска водолаза, пара резиновых ласт и кислородный баллон. Хиллари подошла к полке, но ничего не тронула. Как и в случае с лодкой в пещере, она отступила назад и сказала: «Нет, о Боже, нет.»

Он чувствовал что-то почти осязаемое в этой комнате, но ему лучше было не верить в то, что он интуитивно понимает, что думает Хиллари. Его реакция была непримиримой, как у детектива одного из крупнейших городов мира: многолетний опыт и километры эмпирической дедукции, приправленные щепоткой догадок и столовой ложкой надежды - но надежда была эфемерной. Стефани Крейг, опытная пловчиха, утонула в бухте в самом спокойном море, которое все помнили тем летом. По крайней мере один из свидетелей предположил, что её схватила снизу акула или какая-нибудь другая рыба. В подвальной комнате дома, который её бывший муж Грегор снял на лето, они как раз наткнулись на снаряжение водолаза. Разве это невозможно...?

«Это был Грег», - сказала Хиллари. «Грег утопил её.»

В отеле «Хэмпстед Армс» они забронировали на ночь пару смежных номеров. Набирая номер своего дома в Риверхеде, Карелла слышал, как Хиллари разговаривает по телефону в соседней комнате. Он не знал, кому она звонит. Он знал только, что в машине на обратном пути в город она отказалась подкрепить своё прямое обвинение. Фанни взяла трубку на четвёртом звонке.

«Привет», - сказал он, - «я застрял здесь.»

«А где, наверху в отделе?», - спросила Фанни.

«Я попросил Коттона позвонить...»

«Он не сделал этого.»

«Я в Массачусетсе.»

«Ах», - сказала Фанни. «И что, позволь спросить, ты делаешь в Массачусетсе?»

«Проверяю дома с привидениями.»

«Твоё итальянское чувство юмора оставляет желать лучшего», - сказала Фанни. «У Тедди будет припадок. Она думает, что тебя убили в каком-нибудь тёмном переулке.»

«Передай ей, что со мной всё в порядке и я позвоню утром.»

«Это её не успокоит.»

«Тогда скажи ей, что я люблю её.»

«Если ты любишь её, то какого чёрта ты делаешь в Массачусетсе?»

«Там всё в порядке?»

«Всё хорошо и прекрасно.»

«Снег ведь ещё не выпал?»

«Ни снежинки.»

«Здесь уже выпало восемь дюймов снега.»

«Ну и правильно», - сказала Фанни и повесила трубку.

Он набрал номер Хоуза в отделе и получил от него ответ на третьем гудке.

«Ты должен был позвонить и сказать моей жене, что я уехал в Массачусетс», - сказал он.

«Чёрт», - сказал Хоуз.

«Ты забыл.»

«Сегодня случилось много всякого. Трое парней пытались ограбить банк на углу Калвер и Десятой. Заперлись внутри, когда сработала сигнализация, и решили держаться против всего чёртова полицейского департамента. В итоге мы выбили их около четырёх часов.»

«Кто-нибудь ранен?»

«У одной из кассирш случился сердечный приступ. Но это всё. Я рад, что ты позвонил. У нас есть кое-что по драгоценностям. Владелец ломбарда позвонил в отдел, пока я играл в полицейских и грабителей. У него магазин на углу Эйнсли и Третьей.»

«Так, продолжай.»

«Я перезвонил ему, как только вернулся. Оказывается, сегодня днём там был какой-то парень, который пытался продать бриллиантовую подвеску. Секундочку, вот список.» Линия замолчала. Карелла представил себе, как Хоуз проводит пальцем по списку, предоставленному Хиллари Скотт. «Да», - сказал Хоуз, - «вот он. Бриллиантовый кулон грушевидной формы в платиновой оправе с восемнадцатидюймовой цепочкой из восемнадцатикаратного золота.»

«Во сколько его оценили?»

«Тридцать пять сотен.»

«Кто заложил его?»

«Пытался заложить его. Брокер предложил шестнадцать сотен, парень согласился, а потом замялся, когда у него попросили удостоверение личности. Им нужно удостоверение личности, знаешь ли, когда они отправляют нам список своих сделок.»

«И парень отказался его показать?»

«Всё, что требовал брокер, - это водительские права. Парень сказал, что у него нет водительских прав.»

«Так что же произошло?»

«Он забрал кулон и ушёл.»

«Отлично», - сказал Карелла.

«Всё не так уж плохо. Как только он вышел из магазина, брокер проверил листовку, которую мы разослали, и заметил на ней кулон. Тогда он и позвонил сюда. На листовке был номер, ты помнишь...»

«Да, и что же произошло?»

«Он сказал мне, что парень положил руки на стеклянную крышку ювелирного прилавка. Он решил, что мы можем снять с него отпечатки пальцев. Он довольно умный старик.»

«Ты ходил туда?»

«Только что вернулся, вообще-то. Оставил там команду, чтобы снять отпечатки с ювелирного прилавка, дверной ручки и всего остального, к чему парень мог прикоснуться. Десятки людей входят и выходят из этого места каждый день, Стив, но, возможно, нам повезёт.»

«Да, возможно. Как выглядел этот парень?»

«Он подходит под описание. Молодой парень с чёрными волосами и карими глазами.»

«Когда ребята из лаборатории дадут нам знать?»

«Сейчас они этим занимаются.»

«Что это значит? Завтра утром?»

«Я сказал им, что это убийство. Может быть, нам удастся добиться быстрых результатов.»

«Хорошо, сообщи мне, если что-нибудь узнаешь. Я в «Хэмпстед Армс», хочешь записать этот номер?»

«Сейчас возьму карандаш», - сказал Хоуз. «Никогда не бывает чёртова карандаша, когда он нужен.»

Он назвал Хоузу номер отеля и номер комнаты, а затем рассказал о том, что узнал в офисе коронера. Он не упомянул ни о каких экстрасенсорных выводах Хиллари. Когда он повесил трубку, было уже около шести часов. Он отыскал в местном справочнике домашний номер Хайрама Холлистера и набрал его.

«Алло?», - сказала женщина.

«Мистера Холлистера, пожалуйста.»

«Кто звонит?»

«Детектив Карелла.»

«Одну минутку.»

Он ждал. Когда Холлистер снял трубку, он сказал:
«Здравствуйте, мистер Карелла. Вы нашли то, что искали?»

«Да, спасибо», - сказал Карелла. «Мистер Холлистер, не могли бы вы сказать, кто напечатал отчёт, составленный комиссией по расследованию?»

«Напечатал?»

«Да.»

«Напечатал? Вы имеете в виду наборщицу, которая его напечатала?»

«Да, сэр.»

«Полагаю, она был бы стенографисткой на дознании.»

«И кто же это была?»

«Это было три лета назад», - сказал Холлистер.

«Да.»

«Это была бы Мод Дженкинс», - сказал он. «Ага. Три лета назад это была бы Мод.»

«Как я могу с ней связаться?»

«Она есть в телефонной книге. Она будет значиться под именем Гарольд Дженкинс, так зовут её мужа.»

«Спасибо, мистер Холлистер.»

Он повесил трубку и снова обратился к телефонному справочнику. Он нашел запись о Гарольде Дженкинсе и вторую запись о Гарольде Дженкинсе-младшем. Он попробовал набрать первый номер, и ему ответил пожилой мужчина, который сказал, что Карелла, вероятно, ищет его невестку, и начал давать ему номер Гарольда Дженкинса-младшего. Карелла сказал ему, что у него есть номер, поблагодарил его и набрал второе объявление.

«Дженкинс», - сказал мужской голос.

«Мистер Дженкинс, я детектив Карелла из 87-го участка в Айзоле. Не мог бы я поговорить с вашей женой?»

«Моей женой? Мод?»

«Да, сэр.»

«Ну... конечно», - сказал Дженкинс. Его голос звучал озадаченно. Карелла услышал, как он обращается к жене. Он подождал. В соседней комнате Хиллари Скотт всё ещё разговаривала по телефону.

«Алло?», - сказал женский голос.

«Миссис Дженкинс?»

«Да?»

«Это детектив Карелла из 87-го участка в Айзоле...»

«Да?»

«Я здесь в связи с убийством, которое расследую, и не могли бы вы ответить на несколько вопросов?»

«Убийство?»

«Да. Насколько я понимаю, вы были стенографисткой на дознании по делу Стефани Крейг три года...»

«Да, это так.»

«Вы напечатали отчёт?»

«Да. Я сделала стенограмму, а потом напечатала её, когда дознание закончилось. Мы стараемся, чтобы стенограмму набирал тот же человек, что и записывал. Это потому, что стенография у разных людей разная, а мы не хотим ошибок в таком важном деле, как дознание.» Она заколебалась, а потом сказала: «Но утопление было случайным.»

«Я понимаю.»

«Вы сказали «убийство». Вы сказали, что расследуете убийство.»

«Что может иметь отношение к утоплению, а может и не иметь», - сказал Карелла. Он заколебался, а затем спросил: «Миссис Дженкинс, были ли у вас основания полагать, что смерть миссис Крейг была не случайной?»

«Совсем нет.»

«Вы лично знали миссис Крейг?»

«Видела её в городе, вот и всё. Она была одной из тех, кто приезжает летом. Вообще-то, я знала её мужа лучше, чем её. Бывшего мужа, надо сказать.»

«Вы знали Грегори Крейга?»

«Да, я выполняла для него кое-какую работу.»

«Что за работа?»

«Печатание.»

«Что вы напечатали для него, миссис Дженкинс?»

«Книгу, над которой он работал.»

«Какую книгу?»

«О, вы знаете эту книгу. Ту, которая потом стала большим бестселлером. Про призраков.»

««Мёртвые тени»? Такое было название?»

«Нет, пока я её печатала.»

«Что вы имеете в виду?»

«Тогда не было никакого названия.»

«Там не было титульного листа?»

«Ну, не могло быть титульного листа, ведь страниц не было.»

«Я потерял суть вашего повествования, миссис Дженкинс.»

«Всё это было записано на плёнку.»

«Книга была записана на плёнку?»

«На самом деле это была даже не книга. Просто мистер Крейг рассказывал об этом доме с привидениями. Рассказывал истории о призраках в нём. Всякую чепуху. Ума не приложу, как она стала бестселлером. В том доме, который он снимал, вообще не было призраков. Он просто всё это выдумал.»

«Вы были в этом доме?»

«Моя сестра из Огайо арендовала его прошлым летом. Она сказала бы мне, что в нём водятся призраки, поверьте мне.»

«Эта кассета, которую дал вам мистер Крейг...»

«Ага?»

«Что с ней случилось?»

«Что вы имеете в виду, что с ней случилось?»

«Вы вернули её ему, когда закончили печатать книгу?»

«Не закончила печатать. Успела примерно половину, а потом лето закончилось, и он вернулся в город.»

«Когда это было?»

«После Дня труда (*национальный праздник в США, отмечаемый в первый понедельник сентября – примечание переводчика*).»

«В сентябре?»

«Вот когда День труда. Каждый год.»

«Это было после того, как утонула его жена», - сказал Карелла.

«Да, она утонула в августе. В конце августа.»

«Мистер Крейг был на дознании?»

«В этом не было необходимости. Они были в разводе, знаете ли. Не было причин вызывать его на дознание. Кроме того, к тому времени он уже покинул Хэмпстед. Я забыла дату дознания...»

«Шестнадцатое сентября.»

«Да, но к тому времени его уже не было.»

«Какую часть книги вы успели напечатать до его ухода?»

«Я же говорила, это была не книга. Это просто бредни о призраках.»

«Более или менее сноски к книге, так вы бы описали...?»

«Нет, это были скорее истории, чем заметки. О мерцании свечей, знаете ли, и о том, что дверь была открыта после того, как кто-то её запер. О женщине, которая искала своего мужа. Ну и так далее. Истории.»

«Мистер Крейг рассказывает истории о призраках, да?»

«Да. И на записи он говорил каким-то жутким голосом, представляете? Когда он рассказывал истории. Он пытался придать всему этому драматизм, просыпаясь посреди ночи и слыша, как женщина спускается с чердака, а потом брал свечу,

выходил в коридор и видел её там. Всё это была чепуха, но очень жуткая.»

«Истории.»

«Да, и его голос тоже.»

«Под жутким...»

«Как бы... хрипловатый, наверное. Мистер Крейг был заядлым курильщиком, и его голос всегда был хриплым. Но не таким, как на плёнке. Думаю, он пытался добиться на плёнке какого-то эффекта. Почти как актёр, рассказывающий жуткую историю по телевизору. Звучало это гораздо лучше, чем напечатано, могу вам сказать.»

«Миссис Дженкинс, вы читали «Мёртвые тени»?»

«Думаю, все в этом городе её читали.»

Кроме Хайрама Холлистера, подумал Карелла.

«Было ли это похоже на то, что вы напечатали с плёнки?»

«Ну, я не напечатала всего этого.»

«Часть, которую вы напечатали.»

«У меня не было возможности сравнить, но по памяти я бы сказала, что это идентично тому, что я напечатала.»

«И вы вернули ему кассету до того, как он покинул Хэмпстед?»

«Да, это так.»

«Какой длины была кассета?»

«Двухчасовая кассета.»

«Сколько вы успели напечатать до его уезда?»

«О, я бы сказала, около половины.»

«Примерно на час?»

«Да.»

«Сколько страниц получилось?»

«Не более пятидесяти страниц.»

«Тогда полная запись заняла бы около сотни страниц.»

«Более или менее.»

«Миссис Дженкинс, я не читал книгу, не могли бы вы вспомнить, сколько она длится?»

«В страницах?»

«Да.»

«О, это была довольно толстая книга.»

«Толще, чем сто страниц?»

«О, да. Может быть, триста страниц.»

«Тогда были бы другие кассеты.»

«Понятия не имею. Он просто дал мне одну кассету.»

«Как он с вами связался?»

«Я работаю для других писателей. Летом сюда приезжает много писателей. Думаю, он поспрашивал и узнал обо мне таким образом.»

«Вы выполняли для него какую-нибудь работу до этого?»

«Нет, это была моя первая работа для него.»

«И вы говорите, что на тот момент у записи не было названия?»

«Без названия.»

«На самой кассете ничего не было?»

«О, я понимаю, что вы имеете в виду. Да, было. На этикетке, представляете? Написано фломастером.»

«Что было написано на этикетке?»

«Призраки.»

«Только одно слово «призраки»?»

«И его имя.»

«Имя самого Крейга?»

«Да. «Призраки», а потом «Грегори Крейг».»

«Значит, тогда было название.»

«Ну, если вы хотите назвать это «заголовком». Но там не было написано: «Автор Грегори Крейг», это был просто способ идентифицировать кассету, вот и всё.»

«Спасибо, миссис Дженкинс, вы мне очень помогли», - сказал он.

«Ну, хорошо», - сказала она и повесила трубку.

Честно говоря, он не знал, чем она могла помочь, но догадывался, что, возможно, так оно и было. Во время транса Хиллари в прошлую субботу она снова и снова упоминала слово «лента» и связывала его со словом «утопление». Он сразу же представил себе тонущую жертву, чьи руки или ноги были связаны лентой, - фантазия усилилась от того, что руки Грегори Крейга были связаны за спиной провололочной вешалкой. В одной из прочитанных Кареллой книг по юридической патологии и токсикологии ему попала фраза, которая заставила его громко рассмеяться: «Если из воды извлекают тело утопленника, связанное таким образом, что это не могло быть сделано самостоятельно, можно обоснованно заподозрить умысел на убийство.» В день утопления тело Стефани Крейг не было сковано ни цепью, ни веревкой, ни проволокой, ни лентой. Но тут в дело вступила лента другого вида, и Карелла не мог забыть, что Хиллари связала «ленту» с «утоплением».

Она вошла в его комнату без стука. Её лицо покраснелось, глаза сияли.

«Я только что разговаривала по телефону с женщиной по имени Элиза Блэр», - сказала она. «Это агент по недвижимости, чья вывеска висела в окне дома, который снимал Грег.»

«А что по ней?», - спросил Карелла.

«Я описала дом, который был в книге Грега. Я описала его до последнего гвоздя. Она знает этот дом. Три лета назад его арендовал человек из Бостона. Она не была агентом по сделке, но может связаться с риелтором, который им был, и узнать имя и адрес этого человека из договора аренды - если вам это нужно.»

«Зачем мне это нужно?», - спросил Карелла.

«Это был дом в «Тенях», разве вы не понимаете?»

«Нет, не особенно.»

«Это был дом, о котором писал Грег.»

«И что?»

«В этом доме жил не он, а кто-то другой», - сказала Хиллари. «Я хочу поехать туда. Я хочу увидеть своими глазами, есть ли в этом доме призраки.»

Агент по недвижимости, сдававшая дом три лета назад, работала из задней спальни собственного дома на Главной улице города. Они пробирались по снегу в четверть шестого, шли мимо зажжённой рождественской ёлки на Общей улице, пригнув головы от снега и свирепого ветра. Женщину звали Салли Бартон, и она, казалось, была безмерно рада играть в детектива. По её словам, она всегда знала, что дом, о котором писал Крейг, - это старый дом Лумиса на косе. Он никогда не указывал местоположение, даже не упоминал город Хэмпстед, за что, по её мнению, они все должны быть ему благодарны. Но она знала, что это дом Лумиса. «Он любил море, Фрэнк Лумис», - сказала она. «Этот дом не похож на типичный пляжный домик, но на косе он выглядит гармонично. Он влюбился в него, когда ещё жил в Салеме, перевёз его сюда доску за доской и поставил на принадлежащем ему участке пляжа.»

«Салем?», - сказал Карелла. «Здесь, в Массачусетсе?»

«Да», - сказала миссис Бартон. «Там, где вешали ведьм в 1692 году (*имеется в виду судебный процесс «охоты на ведьм», проходивший с февраля 1692 года по май 1693 года, по обвинению в колдовстве 14 женщин и 5 мужчин было повешено, один мужчина раздавлен камнями, и от 175 до 200 человек заключено в тюрьму, из которых не менее 5 умерли в заключении – примечание переводчика*).»

Она предложила им ключ от дома, который, по её словам, ей не удалось сдать летом, но это не имеет никакого отношения к призракам Грегори Крейга. За пределами города мало кто знал, что это тот самый дом, который он прославил в своей книге.

«Не знаю, как ему это сошло с рук», - сказала она. «Утверждал, что это правдивая история, а потом никому не сказал, где на самом деле находится дом. Сказал, что это для защиты невинных. Каких невинных? Фрэнк Лумис мёртв уже пятьдесят лет, а двое его сыновей живут в Калифорнии, и им наплевать,

есть ли в доме привидения. Всё, что их интересует, - это сдавать его в аренду каждое лето. И всё же я полагаю, что он мог опасаться юридических осложнений. Вы знаете об этом больше, чем я», - сказала она и улыбнулась Карелле.

«Я не юрист, мэм», - сказал Карелла и улыбнулся в ответ, понимая, что ему только что польстили. «Интересно, можете ли вы сказать мне, кто арендовал этот дом три лета назад?»

«Да, я искала договор аренды сразу после вашего звонка. Это был человек по имени Джек Роулз.»

«Как он выглядел?»

«Приятная на вид особа.»

«Молодой, старый?»

«Ему около двадцати, я бы сказала.»

«Какого цвета волосы?»

«Чёрные.»

«Глаза?»

«Карие.»

«А его адрес?»

Она протянула ему листок бумаги, на который скопировала адрес Роулза на Юнион-авеню из договора аренды, а затем сказала: «Этот дом не так-то просто сдать в аренду, знаете ли. Фрэнк никогда не модернизировал его. Электричество, конечно, есть, но единственное тепло - от каминов. Их три: один в гостиной, один на кухне и ещё один в одной из спален наверху. Летом не так уж плохо, но зимой это ледяная коробка. Вы уверены, что хотите пойти туда прямо сейчас?»

«Да, мы настроены положительно», - сказала Хиллари.

«Я бы пошла с вами, но я ещё не приготовила ужин для мужа.»

«Мы вернём вам ключ, как только осмотрим помещение», - сказал Карелла.

«Там должна быть мёртвая женщина, которая ищет своего мужа», - сказала миссис Бартон.

В местном гараже Карелла купил пару цепей противоскольжения и попросил служащего установить их на машину, пока они с Хиллари перекусят в закускойной на соседней улице. Когда они выехали из города в 7:00, снег ещё шёл. На улицах и главных дорогах работали снегоуборочные машины, но он был благодарен за цепи, когда они выехали на дорогу, ведущую к полуострову суши, вдающемуся в Атлантический океан. Занесённый снегом знак сообщил им, что это коса Олбрайта, а знак под ним предупреждал, что это тупиковая дорога. Машина с трудом пробиравась по плотному снегу, заносясь и кренясь на том, что, по мнению Кареллы, было песчаной дорогой. Дважды он чуть не застрял, а когда наконец заметил старый дом, вырисовывающийся на краю моря, вздохнул с облегчением и припарковал машину на относительно ровном участке под наклонной подъездной дорожкой. Вместе, освещая себе путь фонариком, они с Хиллари добрались до входной двери.

«Да, это он», - сказала Хиллари. «Это тот самый дом.»

Входная дверь открылась в небольшой подъезд, выходящий на лестницу, ведущую на верхний этаж. Он нашёл выключатель на стене справа от двери и несколько раз щёлкнул им. Ничего не произошло.

«Ветер, наверное, съёл линии электропередач», - сказал он и посветил фонариком сначала на ступеньки, ведущие наверх, а затем на небольшой вход. Справа находилась дверь, ведущая на кухню с балками. Слева находилась гостиная - то, что в те времена, когда строился дом, называлось «лучшей комнатой». По всей длине комнаты проходила одна толстая балка. В комнате было два окна: одно выходило на океан, другое находилось по диагонали напротив. Камин находился не в самом центре стены, на которой он располагался: это место занимала лестничная клетка. А в стене напротив располагался

огромный камин с чёрным железным чайником, висящим на петле, поленьями и хворостом, сложенными на очаге, большими чёрными андиронами (*горизонтальные железные бруски, на которых держится древесина в камине* – **примечание переводчика**), выгнувшимися от жара бесчисленных костров. На камине, прямо над каминным очагом, Карелла обнаружил пару свечей в оловянных подсвечниках. Он не курил, поэтому попросил у Хиллари спички и зажёл обе свечи.

Комната, как он теперь увидел, была прекрасно обставлена старым американским антиквариатом, подобный которому вряд ли можно найти в продаже в наши дни, разве что по заоблачным ценам. По всей комнате стояло несколько штормовых ламп, он зажёл их, и вокруг него ожили богато отделанные деревянные панели и мебель. Если в этом доме и были призраки, то они не могли найти более гостеприимного места для обитания. В латунном ведре у камина он обнаружил несколько выцветших экземпляров газеты «Хэмпстед ньюс». Даты выхода были два года назад, когда дом в последний раз снимали на лето. Он разорвал газеты в клочья, разложил на них хворост и положил сверху три увесистых полена. Огонь развеял затянувшийся холод в комнате, а вместе с ним и все мысли о том, что в любой момент из деревянной обстановки могут выскочить призраки. Снаружи завывал ветер с океана, дребезжали ставни, но огонь уже потрескивал, лампы и свечи были зажжены, и единственными призраками были огненные дьяволы, танцующие на решётке. Карелла вышел на кухню, зажёл там свечи и лампы, а затем развёл ещё один огонь во втором камине. Ни он, ни Хиллари ещё не поднимались на второй этаж дома.

В одном из кухонных шкафов он нашёл почти полную бутылку скотча. Лотки для кубиков льда в холодильнике были пусты, а вода в кране выключена. Он уже собирался выйти из комнаты с бутылкой и двумя стаканами, когда заметил, что дверь на кухню приоткрыта. Он поставил стаканы и бутылку, подошел к двери и открыл её до конца. Штормовая дверь снаружи была закрыта, но простой шпингалет был не заперт. Он отбросил засов, а затем изучил замок на внутренней двери. Это был

замок Микки-Мауса (обычный навесной замок, реже с кодовым набором, называемый так в США – **примечание переводчика**) с пружинной защёлкой, которую любой взломщик мог открыть за несколько секунд с помощью полоски целлулоида, лезвия ножа или кредитной карты. Тем не менее он запер её, подергал за ручку, чтобы убедиться в надёжности двери, и вернулся в гостиную, неся бутылку виски и два бокала. Хиллари стояла у камина. Она сняла енотовую шубу и расстегнула зелёный свитер-кардиган. Она стояла, слегка расставив ноги, обутые в ботинки, у каменного очага, вытянув руки к огню.

«Хотите?», - сказал он.

«Да, пожалуйста.»

«Здесь только крепкие напитки», - сказал он, намереваясь пошутить, и удивился, когда она даже не улыбнулась в ответ. «Придётся пить в чистом виде», - сказал он.

Он щедро налил в оба бокала, поставил бутылку на камин, поднял свой бокал, сказал «за вас!» и глотнул виски, обжегшего его до самых пальцев ног.

«Уже видели призраков?», - спросил он.

«Ещё нет.»

«Вы бы узнали их, если бы увидели?»

«Я бы узнала одного.»

«Вы когда-нибудь видели таких?»

«Нет. Но я понимаю этот феномен.»

«Может, объясните мне?»

«Вы скептик», - сказала она. «Я бы зря потратила время.»

«Попробуйте разубедить меня.»

«Нет. Я не стану даже пытаться.»

«Хорошо», - сказал он и пожал плечами. «Может, вместо этого расскажете мне о рабочих привычках Крейга?»

«Что вы имеете в виду?»

«Как он работал? В день убийства в его пишущей машинке был лист бумаги. Он обычно печатал свои произведения?»

«Да.»

«Всегда? Он когда-нибудь писал от руки, например?»

«Никогда.»

«Он что, даже не диктовал?»

«Секретарше, вы имеете в виду? Нет.»

«Или в устройство?»

«Диктофон?»

«Да. Он когда-нибудь записывал что-нибудь на плёнку?»

Это слово, казалось, прозвучало в комнате. Он ещё не сказал ей, что Мод Дженкинс напечатала часть книги Крейга с двухчасовой кассеты, которую он предоставил в конце лета три года назад. Хиллари ответила не сразу. На решётке сдвинулось полено, огонь потрескивал и плевался.

«Так да?», - сказал Карелла.

«Насколько я знаю, нет.»

«Каким был его голос?»

«Голос Грега?»

«Да. Насколько я понимаю, он был заядлым курильщиком. Его голос был хриплым или...?» Он подыскивал другое слово и наконец выбрал то, которое Мод Дженкинс использовала, описывая голос на плёнке. «Грубым? Вы бы назвали его грубым?»

«Нет.»

По крайней мере, часть «Мёртвых теней» была записана на плёнку, - сказал он. «Около ста страниц. Были ли там...?»

«Откуда вы это знаете?»

«Я разговаривал с женщиной, которая напечатала её. Были ли ещё какие-то записи? В опубликованной книге было около трёхсот страниц, не так ли?»

«Почти четыреста.»

«Так где же кассеты? Если первая часть была на плёнке...»

«Я никогда не видела никаких кассет», - сказала Хиллари.

«Кто напечатал окончательный вариант рукописи?»

«Я не знаю. Я не знала Грега, пока он работал над «Тенями».»

«Как обычно он печатает свои произведения? В городе, я имею в виду.»

«В последнее время он ничего не печатал. Он всё ещё работал над новой книгой, и у него не было причин печатать её начисто, пока он её не закончит.»

«Мог ли Дэниел Корбетт знать о существовании каких-либо плёнок?»

«Понятия не имею», - сказала Хиллари, и свечи на каминной полке погасли.

Карелла почувствовал резкий сквозняк в комнате и резко повернулся к входной двери, решив, что её распахнул бушующий ветер. За краем лестничной клетки он увидел небольшой вход. Дверь была закрыта. Но он всё равно подошёл к ней и изучил замок - такой же, как на кухонной двери, но, тем не менее, надёжно запёртый. Он вышел на кухню. Над камином и над водосточной трубой всё ещё горели штормовые лампы, но свечи, которые он зажёл на кухонном столе, были потушены, а дверь в кухню открыта.

Он стоял и смотрел на дверь. Он был один в комнате. От погасших свечей к потолочным балкам поднимались клубы дыма. Он поставил стакан на кухонный стол, подошел к двери и посмотрел на замок. Задвижка была повернута; пружинная

защёлка утоплена в запорный механизм. Как и раньше, штормовая дверь была закрыта, но шпингалет был откинут. Он услышал позади себя какой-то звук и мгновенно обернулся. В дверном проёме кухни стояла Хиллари.

«Они здесь», - прошептала она.

Он не ответил ей. Он снова запер обе двери и уже повернулся, чтобы снова зажечь свечи, когда штормовая лампа на водосточной трубе вдруг подскочила в воздух и упала на пол, ёмкость разбилась, керосин выплеснулся из основания и вспыхнул. Он потушил пламя, а затем почувствовал ещё один сквозняк и без сомнения понял, что здесь что-то произошло.

Он никогда в жизни не расскажет ни единой душе о том, что произошло дальше. Он не расскажет никому из тех, кто был в отделе, потому что знал, что они никогда больше не доверятся дипломированному сумасшедшему в перестрелке. Он не расскажет Тедди, потому что знал, что она тоже перестанет полностью доверять ему. Он уже повернулся к стоящей в дверях Хиллари, когда увидел позади неё фигуру. Это была женщина. На ней было длинное платье с передником. На голове у неё было что-то вроде бабушкиной шляпы. Её глаза были скорбными, а руки сцеплены на груди. Она в любом случае испугала бы, появившись так внезапно, но ужаснее всего было то, что Карелла мог видеть сквозь её тело дверь в дом. Хиллари обернулась в тот же миг, то ли почувствовав фигуру позади себя, то ли решив, что она там, судя по выражению лица Кареллы. Женщина тут же исчезла, вернее, её словно унесло яростным ветром, который влетел в холл и поднялся по лестнице на второй этаж дома. Следом за ней раздался стон; прошептанное имя «Джон» эхом прокатилось по лестничной клетке, а затем рассеялось в воздухе.

«Пойдёмте за ней», - сказала Хиллари.

«Послушайте», - сказал Карелла, - «я думаю, нам следует...»

«Идёмте», - сказала она и стала подниматься по лестнице.

У Кареллы не было настроения вступать в конфронтацию с беспокойным духом, ищущим Джона. Что делать, когда перед тобой призрак? Он не держал в руках распятия уже больше лет, чем хотел бы вспомнить, а зубчик чеснока в последний раз висел у него на шее, когда он в детстве болел пневмонией и бабушка привязала его на нитку, чтобы отвести сглаз. Кроме того, разве можно обращаться с призраками как с вампирами, вбивая колья в их сердца и возвращая их в состояние настоящей смерти? А есть ли у них вообще сердца? Или печень? Или почки? Что такое, чёрт возьми, призрак? И вообще, кто в них верит?

Карелла так и сделал.

Он никогда не был так напуган с того самого дня, когда вошёл в дом к безумцу с топором, глаза которого были расширены, изо рта капала слюна, в левой руке была чья-то отрубленная рука, и кровь капала на пол, когда он понёсся через всю комнату к месту, где стоял Карелла, застыв на месте. Он шесть раз выстрелил мужчине в грудь и, наконец, повалил его за мгновение до того, как тесак оторвал бы ему нос и часть лица. Но как можно стрелять в призрака? Карелла не хотел подниматься на второй этаж этого дома. Однако Хиллари уже была на полпути к лестнице, и ему тоже не хотелось, чтобы его называли трусом. «Почему бы и нет», - подумал он. «Называйте меня трусишкой, давайте. Я боюсь призраков. Этот чёртов дом перенесли сюда доска за доской из Салема, где вешали ведьм, и я только что видел кого-то, одетого как Ребекка Нурс (*урождённая Таун, женщина, которую обвинили в колдовстве и казнили через повешение в Новой Англии во время Салемского процесса над ведьмами в 1692 году; менее двадцати лет спустя она была полностью реабилитирована – **примечание переводчика***), или Сара Осборн (*урождённая Уоррен, ранее Принс, колонистка в колонии Массачусетского залива и одна из первых женщин, обвинённых в колдовстве в 1692 году – **примечание переводчика***), или Гуди Проктор (*Элизабет Проктор, урождённая Бассетт, была признана виновной в колдовстве в 1692 году, вдобавок был осуждён и казнён её муж Джон Проктор; в 1693 освобождена среди 153 заключённых*

новым губернатором, снова вышла замуж в 1699 году за Дэниела Ричардса, в 1703 году реабилитирована вместе с мужем, и в том же году скончалась – **примечание переводчика**), или ещё хрен пойми кто, и она причитала по человеку по имени Джон, а здесь нет никого, кроме нас, трусишек, босс. Адиос», - подумал он и увидел, как Хиллари исчезла за углом наверху лестницы, и вдруг услышал её крик. Он выхватил пистолет и поднялся на две ступеньки.

Хиллари, отважная охотница за привидениями, какой она была, рухнула на пол в обмороке. Жутковатый голубой свет заливал коридор второго этажа. В коридоре царил ледяной холод, от которого у него по спине побежали мурашки ещё до того, как он увидела стоящих там женщин. Их было четверо. Все они были одеты, похоже, в одежду конца семнадцатого века. Он видел сквозь них и за ними окно в конце коридора, где на старинных свинцовых стёклах лежал снег. Они стали приближаться к нему. Они ухмылялись. У одной из них руки были в крови. И вдруг откуда-то сверху - с чердака, как он догадался, - донёлся звук. Сначала он не смог разобрать звук. Это был ровный пульсирующий звук, похожий на приглушённое биение сердца. Услышав звук, женщины остановились. Их головы в унисон задрались к потолку. Звук становился всё громче, но он по-прежнему не мог его определить. Женщины сжались от звука, прижались друг к другу в коридоре, казалось, что они растворяются одна в другой, их тела накладываются друг на друга, а затем и вовсе исчезли, унесённые тем же сильным ветром, который изгнал призрак вниз.

Он прищурил глаза от ветра. Ветер утих так же внезапно, как и начался. Он стоял, дрожа, в коридоре, позади него на полу лежала Хиллари, в окно в самом дальнем конце пробивался снежный отсвет, а над ним раздавался ровный пульсирующий звук. Нет, это было больше похоже на стук, медленный, ровный стук...

Он сразу же узнал этот звук.

На чердаке кто-то подбрасывал мяч.

Он стоял перед дверью этажом выше, раздумывая, стоит ли туда подниматься, и думал, что, возможно, кто-то продельывает трюки со светом и ветряными машинами, вызывая появление призраков - театр сверхъестественного, рассчитанный на то, что экстрасенс упадёт в обморок, а опытный детектив будет стоять, трясясь в своих промокших мокасынах. Он говорил себе, что здесь не может быть ничего похожего на призраков, но он уже видел пять таких призраков. Он говорил себе, что бояться нечего, но был в ужасе. Подув на воздух у дула пистолета, он поднялся по ступенькам на чердак. Лестница скрипела под его осторожными шагами. Мяч продолжал подпрыгивать где-то над ним.

Она стояла на верхней ступеньке лестницы. Она была не старше его дочери Эйприл, одетая в длинное серое платье и выцветшую шляпку. Она ухмылялась ему. Она подбрасывала мяч и, ухмыляясь, напевала в такт подпрыгивающему мячу. Напевы эхом разносились по лестничной клетке. Он не сразу понял, что она снова и снова повторяет слова: «Повесить их». Мяч подпрыгнул, ребёнок ухмыльнулся, и слова «Повесить их, повесить их» понеслись по лестничной клетке к тому месту, где он стоял с пистолетом, дрожащим в кулаке. Воздух вокруг неё задрожал, мяч приобрёл радужный оттенок. Она сделала шаг вниз по лестнице, мяч был зажат в её руке. Он отступил назад, но вдруг потерял опору и кувырком полетел вниз по лестнице на этаж ниже. Над собой он услышал её смех. А потом вдруг снова раздался звук подпрыгивающего мяча.

Он поднялся на ноги и направил пистолет вверх по ступенькам. Её там уже не было. На полу вверху виднелось голубое свечение. У него болел локоть, на который он приземлился при падении. Он поднял Хиллари на ноги, прижал к себе, крепко обнял и спустился по ступенькам на первый этаж. Сверху всё ещё слышался звук прыгающего мяча. Выйдя из дома, он понёс Хиллари к месту, где припарковал машину, снежинки покрывали её одежду, пока она не стала похожа на обмякший труп. Он затащил её на переднее сиденье и вернулся в дом, но только для того, чтобы забрать енотовую шубу. Мяч всё ещё подпрыгивал на чердаке.

Он слышал его, когда снова вышел на улицу и, спотыкаясь, пошёл по глубокому снегу к машине. Он услышал его над воем стартера и внезапным рёвом двигателя. Он услышал его над диким ветром и грохотом океана. И он знал, что, когда бы в будущем его что-нибудь ни напугало, когда бы какой-нибудь неведомый тёмный ужас ни охватил его разум или сжал его сердце, он снова услышит тот звук от маленькой девочки, которая подбрасывала мяч на чердаке - мяч прыгал, прыгал, прыгал.

Когда они вернулись в отель, было уже около 10:00. Ночной служащий передал ему через стол сообщение. Оно гласило: «Звонил Кельвин Хорс. Хочет, чтобы вы позвонили ему домой. Карелла поблагодарил его, принял ключи от обоих номеров, а затем повёл Хиллари к лифту. Она молчала с того момента, как пришла в сознание в автомобиле. Не проронила она ни слова и сейчас, поднимаясь на второй этаж. За дверью, отпирая её, она спросила: «Вы сразу идёте спать?»

«Не сразу», - сказал он.

«Не хотите ли выпить на ночь?»

«Сначала я должен позвонить.»

«Я позвоню в обслуживание номеров. Что бы вы хотели?»

«Ирландский кофе (*кофейный напиток, который относят в категорию коктейлей, на основе ирландского виски, чёрного кофе, взбитых сливок и коричневого сахара – примечание переводчика*).»

«Хорошо, я тоже буду. Заходите, когда будете готовы», - сказала она, открыла дверь и прошла в комнату. Он отпер свою дверь, снял пальто, сел на край кровати и набрал домашний номер Хоуза. Он решил поприветствовать его как мистера Хорса, но сейчас у него не было настроения для шуток в отделе. Хоуз взял трубку на третьем звонке.

«Хоуз», - сказал он.

«Коттон, это Стив. Как дела?»

«Привет, Стив. Секунду, я хочу убавить громкость стерео.» Карелла ждал. Когда Хоуз вернулся на линию, он сказал: «Где ты был? Я звонил три раза.»

«Вышел на разведку», - сказал Карелла. Он не стал упоминать о привидениях, которых видел; он никогда бы не стал упоминать об увиденных привидениях. Он невольно вздрагивал при одной только мысли о них. «Что у тебя?»

«Во-первых, много всяких впечатков с того прилавка ломбарда. Очень хорошие, по словам лаборантов. Они уже отправили их в отдел идентификации; возможно, к утру мы получим заключение. Надеюсь.»

«Хорошо. Что ещё?»

«Наш человек предпринял ещё одну попытку. На этот раз он пытался сбыть золотые серьги с жемчугом. Место на углу Калвер и Восьмой. Они стоят около шестисот баксов, согласно списку Хиллари Скотт.»

«Что произошло?»

«На этот раз он был подготовлен. Не стал показывать водительские права, сказал, что не водит машину. Брокер принял бы его карточку социального страхования, но он сказал, что оставил её дома. Он предъявил письмо с почтовым штемпелем, адресованное ему по адресу 1624 Макгрю. На конверте значилось имя - Джеймс Рейдер. Брокер насторожился, потому что выглядело так, будто имя и адрес были стёрты, а потом напечатаны заново. Он всё равно не принял бы это за удостоверение личности, но это его насторожило, понимаешь? Поэтому он пошёл в заднюю комнату, чтобы проверить нашу рассылку. Когда он снова вышел, парня уже не было, а вместе с ним и серёжек.»

«Есть что-нибудь на Джеймса Рейдера?»

«В телефонных справочниках ничего нет, сейчас я пробиваю имя в отделе идентификации. Скорее всего, это фальшивка. Я

бы не стал задерживать дыхание. Я также отправил конверт в лабораторию. Возможно, на нём есть отпечатки пальцев, которые можно сравнить с остальными.»

«Как насчёт адреса?»

«Несуществующий.» Макгрю тянется на шесть кварталов с востока на запад, как раз по эту сторону Стэма. Самый большой номер на улице - 1411. Он взял его из воздуха, Стив.»

«Проверь Джека Роулза», - сказал Карелла. «Инициалы совпадают, он может быть нашим человеком. Если в городе на него ничего нет, проверь бостонские справочники на предмет записи на Юнион-авеню. А если и там ничего нет, позвони в полицию Бостона, может, они смогут найти его.»

«Как пишется Роулз?», - спросил Хоуз.

«Р-О-У-Л-З.»

«Откуда у тебя это имя?»

«Он снимал дом, который Крейг описал в своей книге.»

«И что это значит?»

«Может быть, ничего. Проверь его. Я буду на ногах ещё некоторое время, позвони мне, если что-нибудь узнаешь.»

«Что ты думаешь обо всей этой беготне с попытками сбыть драгоценности?», - спросил Хоуз.

«Любительская проделка», - сказал Карелла. «Ему нужны деньги, и он не знает никаких скупщиков краденого. Как он звучит?»

«Кто?»

«Парень, который пытался заложить эти вещи», - нетерпеливо сказал Карелла. «Джеймс Рейдер или как там он назвался.»

«Стив?», - сказал Хоуз. «У тебя там что-то не так?»

«Всё в порядке. Ты можешь связаться с этими ломбардами?»

«Ну, теперь они будут закрыты. Сейчас время близко к...»

«Попробуй вызвонить их дома. Спроси их, был ли у парня хриплый голос.»

«Хриплый голос?»

«Хриплый голос, грубый голос. Свяжись со мной, Коттон.»

Он резко повесил трубку, поднялся с кровати, с минуту походил по комнате, а затем снова сел и набрал номер «Бостон информ». В соседнем номере было слышно, как Хиллари делает заказ в службе обслуживания номеров. Карелла назвал бостонскому оператору оба имени - Джек Роулз и Джеймс Рейдер - и попросил прочитать объявления об аренде квартиры на Юнион-авеню. Она сказала, что у неё есть объявление о Джеке Роулзе, но оно не относится к Юнион-авеню. Он всё равно записал телефонный номер, а затем попросил назвать адрес. Она сказала ему, что не имеет права давать адреса. Он раздражённо сказал, что является офицером полиции, расследующим убийство, и она попросила его подождать, пока она свяжется с начальством. В голосе начальницы звучала патока и арахисовое масло. Она терпеливо объяснила, что по правилам телефонной компании адреса абонентов не разглашаются. Когда Карелла с не меньшим терпением объяснил, что он детектив из Айзолы, работающий над делом об убийстве, и назвал ей номер участка, его адрес, имя командира, а затем номер своего полицейского значка, она сказала просто и не очень терпеливо: «Извините, сэр», - и повесила трубку.

Со злостью он набрал номер Джека Роулза, который дал ему оператор. В коридоре снаружи Карелла услышал, как кто-то стучит в дверь Хиллари. Он уже собирался повесить трубку, когда трубку взяла женщина.

«Алло?», - сказала она.

«Мистера Роулза, пожалуйста», - сказал Карелла.

«Извините, его сейчас нет дома.»

«Где он, вы не знаете?»

«Кто это, скажите пожалуйста?»

«Старый друг», - сказал он. «Стив Карелла.»

«Извини, Стив, его нет в городе», - сказала женщина.

«Кто это?»

«Марсия.»

«Марсия, ты знаешь, когда он вернётся?»

«Нет, я сама только что вернулась. Я стюардесса, застряла в Лондоне. Тут записка для моего парня, пишет, что Джеку пришлось съездить в город, он не вернётся пару дней.»

«Какой город?», - спросил Карелла.

«Город, чувак», - сказала Марсия. «Во всём мире есть только один город, и это не Бостон, поверь мне.»

«Под своим парнем... кого ты имеешь в виду?»

«Сосед Джека по комнате, Энди. Они живут вместе с тех пор, как случился пожар.»

«Что это был за пожар?», - спросил Карелла.

«Дом Джека на Юнион. Потерял всё, что у него там было.»

«Чем он сейчас занимается?», - спросил Карелла.

«Когда ты видел его в последний раз?»

«Мы познакомились здесь, в Хэмпстеде, три лета назад.»

«О. Значит, он делает то же самое. Должно быть, он тогда был в Хэмпстедском театре, я права?»

«Всё ещё играет?», - спросил Карелла, рискуя и надеясь, что Джек Роулз не был менеджером по сцене, электриком или художником по декорациям.

«Всё ещё играет», - сказала Марсия. «Или, по крайней мере, пытается играть. Летом у нас много представлений. Зимой - ноль. Джек вечно на мели, вечно ищет где-нибудь роль.»

Единственный раз, когда у него были деньги, - перед тем летом в Хэмпстеде, и он спустил их на аренду дома, в котором жил. Две тысячи баксов, кажется, за телевизионную рекламу, которую он делал в городе. Я всё время говорю ему, что он должен переехать туда. Что может предложить актёру Бостон?»

«Я не помню, чтобы он упоминал о пожаре», - сказал Карелла, обходя вопрос.

«Когда, ты говоришь, вы встречались? Три лета назад? Пожар был не раньше... дай-ка подумать.»

Карелла ждал.

«Два года назад, должно быть. Да, примерно в это время, два года назад.»

«Ага», - сказал Карелла. «Когда он уехал из Бостона, ты не знаешь?»

«В записке ничего не сказано. Это должно быть где-то после двадцатого числа.»

«Откуда ты знаешь?»

«Потому что я улетела в Лондон двадцатого числа, Энди уехал в Калифорнию в тот же день, а Джек всё ещё был здесь. Элементарно, мой дорогой Ватсон.»

«Где сейчас Энди?»

«Не имею представления. Я пришла всего несколько минут назад. Хочешь увидеть сумасшедший дом во время праздников? Посети аэропорт Хитроу.»

«Ты ведь не знаешь, остался ли Джек в городе?»

«Если бы он вернулся сюда, я бы об этом знала», - сказала Марсия. «Он неряха всех времён и народов. Открой сахарницу, и ты наверняка найдёшь там пару его грязных жокейских трусов.»

Карелла усмехнулся, а затем спросил: «У него всё ещё такой характерный голос?»

«Старый Медвежий Коготь Роулз, ты имеешь в виду?»

«Что-то вроде рашпиля?»

«Как магнитофонная запись», - сказала Марсия.

«Ты ведь не знаешь, где он остановился в городе?»

«Большой город, Стив», - сказала она. «Он может быть где угодно.»

«Да», - сказал Карелла. «Передай ему, что я звонил, хорошо? Ничего важного, просто хотел поздравить его с Новым годом.»

«Обязательно», - сказала Марсия и повесила трубку.

Карелла положил трубку обратно на подставку. Он подумал, не позвонить ли Хоузу ещё раз, чтобы сообщить, что вышел на связь, но решил отказаться. Если бы он не знал Хоуза, то уже в эту минуту пытался бы связаться с бостонской полицией, даже после того, как узнал номер телефона Роулза. Чашка кофе по-ирландски сейчас была бы как нельзя кстати. Он пересёк комнату и постучал в смежную дверь.

«Входите», - сказала Хиллари.

Она уныло сидела в мягком кресле, на низком столике перед ней стояли две чашки ирландского кофе. На ней всё ещё была енотовая шуба, в которую она куталась.

«Вы в порядке?», - спросил он.

«Наверное.»

Он взял со стола одну из чашек, отпил из неё и слизал с губ взбитые сливки. «Почему бы вам не выпить, пока не остыло?», - сказал он.

Она подняла вторую чашку, но пить из неё не стала.

«В чём дело?»

«Ни в чём.»

«Пейте свой кофе.»

Она потягивала кофе, опустив глаза.

«Хотите рассказать мне?»

«Нет.»

«Хорошо», - сказал он.

«Просто... мне чертовски стыдно за себя.»

«Почему?»

«Такой обморок.»

«Там было очень страшно», - сказал Карелла и присел на край кровати.

«Мне всё ещё страшно», - сказала Хиллари.

«Мне тоже.»

«Я в это не верю.»

«Уж поверьте.»

«Моё первое настоящее проявление», - сказала она, - «и я...» Она покачала головой.

«Когда я впервые столкнулся с человеком с оружием, я ослеп», - сказал Карелла.

«Ослепли?»

«От страха. Я увидел пистолет в его руке, а потом больше ничего не видел. Всё стало белым.»

«Что случилось?», - спросила Хиллари.

«Он выстрелил в меня, и я умер.»

Она улыбнулась и отпила кофе.

«Я опомнился примерно за три секунды до того, как стало бы слишком поздно.»

«Вы стреляли в него?»

«Да.»

«И вы его убили?»

«Нет.»

«Вы когда-нибудь убивали кого-нибудь?»

«Да.»

«В вас когда-нибудь стреляли?»

«Да.»

«Почему вы продолжаете этим заниматься?»

«Чем заниматься?»

«Полицейской работой.»

«Мне нравится», - просто ответил он и пожал плечами.

«Я всё думала, как же я могу...» Она снова покачала головой и отставила чашку с кофе.

«Что?»

«Продолжать делать то, что я делаю. После сегодняшнего вечера я думаю, не стоит ли мне просто устроиться на работу клерком или кем-то в этом роде.»

«У вас ничего не получится.»

«У меня уже не очень хорошо получается.»

«Да ладно, вы очень хороши», - сказал он.

«Конечно. Обморочная как...»

«Я еле заставил себя подниматься за вами по лестнице», - сказал Карелла.

«Ну да, конечно.»

«Это правда. Я чуть не сбежал из этого проклятого дома.»

«И всё же вы готовы встретить людей с оружием в руках.»

«Пистолет - это пистолет. А призрак...» Он пожал плечами.

«Наверное, я рада, что увидела их», - сказала она.

«Я тоже.»

«Я намочила трусики, знаете ли.»

«Нет, я этого не знал.»

«Да.»

«Я чуть не обмочился.»

«Прекрасная пара», - сказала она и снова улыбнулась.

В комнате воцарилась тишина.

«Я действительно похожа на вашу жену?», - спросила она.

«Да. Вы это знаете.»

«Я больше ни в чём не уверена.»

В комнате снова воцарилась тишина.

«Что ж», - сказал Карелла и поднялся на ноги.

«Нет, не уходите пока», - сказала она.

Он посмотрел на неё.

«Пожалуйста», - сказала она.

«Ну, хорошо, побуду несколько минут», - сказал он и снова сел на край кровати.

«Ваша жена хоть чем-то похожа на меня?», - спросил Хиллари.
«Или сходство чисто физически?»

«Чисто физически.»

«Она красивее меня?»

«Ну... вы действительно очень похожи.»

«Я всегда считала, что моя сестра красивее меня», - сказала Хиллари и пожала плечами.

«Она тоже так считает.»

«Это она вам сказала?»

«Да.»

«Сука», - сказала Хиллари, но при этом улыбалась. «Может, закажем ещё по одной порции?»

«Нет, я так не думаю. Завтра нам предстоит долгая дорога обратно. Нам лучше поспать.»

«Да, нам лучше», - сказала Хиллари.

«Итак», - сказал он и снова поднялся. «Я позвоню дя...»

«Нет, не уходите», - сказала она. «Я всё еще напугана.»

«Уже очень поздно», - сказал он. «Мы...»

«Каждый раз, когда я думаю о них, я содрогаюсь.»

«Бояться нечего», - сказал он. «Вы здесь, а наши дружелюбные леди за много миль от...»

«Оставайтесь со мной», - сказала она.

Её глаза встретились с его глазами. Он посмотрел ей в лицо.

«Спите здесь», - сказала она. «Со мной.»

«Хиллари», - сказал он, - «спасибо, но...»

«Только чтобы обнять меня», - сказала она. «Ночью.»

«Просто чтобы обнять вас, да?», - сказал он и улыбнулся.

«Ну, как скажете», - сказала она и улыбнулась в ответ.
«Хорошо?»

«Нет», - сказал он. «Это неправильно.»

«Думаю, вам это понравится», - сказала она. Она всё ещё улыбалась.

Он заколебался. «Да, наверное», - сказал он.

«Так что...?»

«Но я не буду.»

«Мы здесь застряли...»

«Да...»

«Никто никогда не узнает.»

«Я бы знал.»

«Вы бы простили себя», - сказала она, и её улыбка расширилась.

«Хиллари, давайте прекратим это, хорошо?»

«Нет», - сказала она. «Не прекратим.»

«Слушайте, я... да ладно, правда.»

«Знаете, как бы моя сестра к этому отнеслась?», - спросила она.

«Она бы сказала, что выстирала свои трусики, как только вернулась в комнату. Она бы сказала, что её трусики висят на душевой штанге в ванной. Она бы сказала, что под юбкой у неё нет трусиков. Как вы думаете, это вас заинтересует?»

«Только если бы я занимался нижним бельём», - сказал Карелла, и, к его огромному удивлению и облегчению, Хиллари разразилась хохотом.

«Вы действительно это имеете в виду, не так ли?», - сказала она.

«Да, что поделаешь?», - сказал Карелла и пожал плечами.

«Ну, тогда ладно», - сказала Хиллари, - «наверное.» Она поднялась, отряхнула шубу, снова нежно рассмеялась, пробормотала «нижнее бельё», покачала головой и сказала: «Увидимся утром.»

«Спокойной ночи, Хиллари», - сказал он.

«Спокойной ночи, Стив», - сказала она и, вздохнув, пошла в ванную.

Он постоял немного, глядя на закрытую дверь ванной, а потом вошёл в свою комнату и закрыл за собой дверь.

Той ночью ему приснилось, что дверь между их комнатами открылась так же таинственно, как и все двери в доме Лумиса. Ему снилось, что Хиллари стоит в дверях обнажённая, и свет из её собственной комнаты на мгновение освещает изгибы её молодого тела, прежде чем она снова закрывает за собой дверь. Она молча стояла за дверью, приспособив глаза к темноте, а потом тихо и бесшумно подошла к кровати и скользнула под одеяло рядом с ним. Её рука нашла его. В темноте она прошептала: «Мне всё равно, что ты думаешь», - и её рот опустился вниз.

Утром, когда он проснулся, снег уже прекратился.

Он подошёл к двери между комнатами и попробовал ручку. Дверь была заперта. Но в ванной он почувствовал приторный запах её духов и увидел длинные чёрные волосы, завитые, как вопросительный знак, на белом кафеле раковины.

Он не стал рассказывать Тедди и об этой встрече. Семь призраков за одну ночь - на одного больше, чем кому-то нужно или хочется.

Слежка за ломбардом вступила в силу 28 декабря в результате мозгового штурма, который состоялся рано утром в кабинете лейтенанта Бирнса. Лейтенант сидел за своим столом в синем свитере-кардигане - рождественском подарке жены, Хэрриет, - поверх белой рубашки и синего галстука. Его стол был завален бумагами. Он сказал Карелле и Хоузу, что может уделить им пятнадцать минут своего времени, и сейчас, когда Карелла начал свою речь, он смотрел на часы.

«Похоже, что человек, за которым мы охотимся, - это Джек Роулз», - сказал Карелла. «Приехал сюда из Бостона за день до убийств и ещё не вернулся, когда я звонил вчера.»

«Зачем ты позвонил?», - спросил Бирнс.

«Потому что он арендовал дом, о котором писал Крейг.»

«И что?»

«Значит, в этом доме должны быть призраки», - сказал Карелла, не решаясь упомянуть, что он действительно видел призраков, которые должны были там быть.

«Какое отношение это имеет к цене на рыбу?», - сказал Бирнс - любимое выражение, которое он не уставал использовать, когда его детективы, казалось, не понимали смысла.

«Я думаю, что здесь есть связь», - сказал Карелла.

«Какая связь?», - сказал Бирнс.

«Машинистка в Хэмпстеде говорит, что напечатала часть книги Крейга с кассеты, которую, возможно, надиктовал Роулз.»

«Откуда ты знаешь, что этим занимался Роулз?»

«Я точно не знаю. Но когда я разговаривал с девушкой его соседа по комнате, она подтвердила, что у него хриплый голос. Голос на записи был описан мне как хриплый.»

«Валяй дальше», - сказал Бирнс и снова посмотрел на часы.

«Хорошо. Кто-то, подходящий под описание Роулза, предпринял две попытки сбыть с рук два разных украшения, украденных из квартиры Крейга в день убийства.»

«Первый ломбард был на углу Эйнсли и Третьей», - сказал Хоуз. «Второй - на Калвер и Восьмой. Мы полагаем, что он затаился где-то в участке и пытается избавиться от вещей в местных ломбардах.»

«Сколько их в участке?», - спросил Бирнс.

«Мы получаем ежедневные отчёты о сделках от семнадцати из них.»

«Не может быть и речи», - сразу же ответил Бирнс.

«Мы не хотели бы покрывать все...»

«Сколько их?»

«Восемь.»

«Где?»

«Площадь в десять кварталов, к северу и востоку от Гровер и Первой.»

«Восемь магазинов. Это шестнадцать человек, которых вы просите.»

«Верно, шестнадцать», - сказал Карелла.

«Вы проверили отели и мотели на наличие Джека Роулза?»

«Все, которые на территории участка. Мы получили отрицательный результат.»

«Может, за пределами участка?»

«Дженеро сейчас их проверяет. Это длинный список, Пит. В любом случае, мы думаем, что он где-то здесь. В противном случае он бы окучивал ломбарды в других частях города.»

«Где же он остановился? Арендует комнату в каком-нибудь доме?»

«Может быть. Или, возможно, у друга.»

«Шестнадцать человек», - повторил Бирнс и покачал головой. «Я не могу оставить пустым детективный отдел. Придётся просить у Фрика офицеров в форме.»

«Ты это сделаешь?»

«Мне понадобится четырнадцать», - сказал Бирнс.

«Шестнадцать», - сказал Карелла.

«Четырнадцать плюс ты и Хоуз - шестнадцать.»

«Да, конечно.»

«Хотел бы я попросить у него десять. Он очень строг, когда речь идёт о назначении его людей на особые задания.»

«Мы можем обойтись и десятью», - сказал Карелла, - «если ты считаешь, что этого будет достаточно.»

«Я попрошу даже дюжину», - сказал Бирнс. «Он будет торговаться за восемь, и мы сойдёмся на десяти.»

«Хорошо», - сказал Карелла. «Мы составим список ломбардов, которые хотим охватить.»

«Он не будет навеваться в те два, которые уже пробовал», - сказал Бирнс. «Я позвоню капитану. Напечатай свой список. Когда вы хотите начать?»

«Немедленно.»

«Хорошо, давайте я с ним поговорю.»

Служка началась в 10 часов утра, вскоре после того, как начался дождь. В этом городе погода зимой была вполне

закономерной. Сначала шёл снег. Затем шёл дождь. Затем наступал лютый мороз, превращая улицы и тротуары в лёд. Затем снова шёл снег. А потом, чаще всего, шёл дождь. И снова превращался в лёд. Это было связано с тем, что атмосферные фронты перемещались из города в город. Это была настоящая заноза в заднице. Уютно устроившись в задней комнате ломбарда Сильверштейна на углу Стем и Северной Пятой, Карелла и Хоуз жаловались на погоду и потягивали горячий кофе из промокших картонных стаканчиков. В другом месте участка десять полицейских в форме сидели так же, ожидая появления кого-нибудь, подходящего под описание Джека Роулза, желательно со всякими драгоценностями, украденными из квартиры Крейга.

«Я должен тебе кое-что рассказать», - сказал Хоуз.

«О чём?»

«Вчера вечером я пригласил Дениз Скотт на ужин.»

«В этом нет ничего плохого», - сказал Карелла.

«Ну... Вообще-то, она была в моей квартире, когда я с тобой разговаривал.»

«О?», - сказал Карелла.

«На самом деле она лежала в моей постели.»

«О», - сказал Карелла.

«Я упоминаю об этом только потому, что она будет важным свидетелем, когда мы возьмём этого парня, и я надеюсь, что это не осложнит...»

«Если мы его поймаем.»

«О, мы его поймаем.»

«И если он наш человек.»

«Он будет нашим человеком», - сказал Хоуз. «Он должен быть нашим человеком, ты так не думаешь?»

«На это я и надеюсь», - сказал Карелла.

«Почему ты решил, что он это сделал?», - спросил Хоуз.

«Я не уверен. Но мне кажется...» Карелла заколебался. Потом сказал: «Думаю, это потому, что Крейг украл его «Призраков».

«А?», - сказал Хоуз.

Адольф Гитлер наверняка считал себя героем; Ричард Никсон, вероятно, до сих пор считает себя таковым (*имеется в виду Уотергейтский скандал, окончившийся его отставкой с должности президента США – примечание переводчика*); каждый мужчина и каждая женщина в мире - герой или героиня своего личного сценария. Поэтому вполне понятно, что Карелла считал себя героем в продолжающейся драме, которая началась 21 декабря с убийства Грегори Крейга. Он ни на секунду не допускал мысли, что Хоуз может считать себя таким же героем. Хоуз был его напарником. У героев иногда бывают напарники, но они нужны только для того, чтобы сказать: «Кемо Сабе» (*используемое в качестве индейского имя Одинокого рейнджера в одноимённых радиопередаче и телешоу – примечание переводчика*). В понимании Хоуза он был героем, а Карелла - его партнёром. Никто из них не мог предположить, что ещё один герой может произвести арест, который раскроет дело.

Такэси Фудзивара был двадцатитрёхлетним патрульным, работавшим в 87-м участке. Сослуживцы звали его «Тэк». Как и все мужчины, он считал себя героем, тем более в эту ночь 29 декабря, когда снежка длилась уже два дня, а снег снова превратился в дождь. Фудзивара свято верил, что никто в здравом уме не должен ходить под дождём. Он вообще-то не был уверен, должен ли кто-то ходить в дождь или нет. Что ему за дело до того, что все городские патрульные сидят в машинах? Что это за чушь, что пешие патрули сдерживают преступность? Фудзивара ходил по улицам уже два года и не замечал заметного снижения уровня преступности в городе. Он не знал, что в две минуты пятого в эту дерьмовую, жалкую

дождливую пятницу он станет героем не только в своих собственных глазах, но и в глазах своих сверстников. Он не знал, что не пройдёт и недели, как его повысят до детектива 3-го класса и он станет почётным и заслуженным членом команды людей там, на втором этаже здания участка. Он знал только, что промок до нитки.

Родители Фудзивары родились в Соединённых Штатах. Он был младшим из четырёх сыновей и единственным из них, кто поступил на службу в полицию. Его старший брат был адвокатом в Сан-Франциско. Следующие два брата владели японским рестораном в центре города на Ларимор-стрит. Фудзивара ненавидел японскую кухню, поэтому редко посещал братьев в их заведении. Мать постоянно твердила ему, что он должен научиться ценить японскую кухню. Она продолжала угощать его сашими. А он целовал ее в щёку и просил стейк.

Когда матери Фудзивары было шестнадцать лет, а он сам с тремя его братьям ещё не появились на свет из её утробы, его мать имела несчастье принять от своей бабушки в Токио приглашение навестить её. Рейко Комагомэ - таково было её девичье имя - в то время училась в частной школе в долине Сан-Фернандо, а её родители были довольно состоятельными японскими иммигрантами, владевшими и управлявшими оживлённым шёлковым бизнесом с базой в Токио и основным американским филиалом в Лос-Анджелесе. В тот год каникулы Рейко в честь Дня благодарения начались 21 ноября, а в школу она должна была вернуться только 1 декабря. Но поскольку её день рождения выпал на 10 ноября, понедельник, а поездка в Японию, в конце концов, могла рассматриваться как образовательный и культурный опыт, мать Рэйко смогла убедить школьную администрацию отпустить её более чем на неделю до начала запланированных каникул - при условии, что она будет старательно выполнять заданные домашние задания, пока находится на Востоке. Рейко уехала в Японию 9 ноября. Однако к концу пребывания там она сильно простудилась и слегла с высокой температурой, и бабушка побоялась отправлять её в долгое путешествие обратно в Штаты. Она позвонила в Лос-Анджелес и получила разрешение матери

Рэйко оставить её в Токио хотя бы до тех пор, пока температура не спадёт.

Год был 1941-й.

7 декабря, когда температура Рейко была в норме, а чемоданы собраны, японцы разбомбили Перл-Харбор. Она вернулась в Лос-Анджелес только летом 1946 года, когда ей был двадцать один год. В следующем году она вышла замуж за человека, который впоследствии научил её тонкостям нефритового бизнеса и радостям секса (Рэйко была рада узнать, что японские гравюры не врут) и, кстати, оплодотворил её четырьмя красивыми сыновьями, младшим из которых был Тэк Фудзивара.

То, как Фудзивара стал героем, а впоследствии детективом 3-го класса, произошло совершенно случайно. Он освободился с поста в четверть пятого и шёл по унылой части Калвер-авеню, расположенной примерно в трёх кварталах от полицейского участка, - району мрачных доходных домов, перемежающихся несколькими забегаловками, бильярдным салоном, чековой кассой, ломбардом, баром и магазином, торгующим убогим бельём с разрывами. Большинство магазинов будут открыты до шести-семи часов, и до этого времени ему не придётся трясти дверные ручки. Один из дешёвых ресторанов быстрой готовки работал до 11:00, другой закрывался в полночь. Бильярдный салон обычно закрывал свои двери где-то между двумя и тремя часами ночи, в зависимости от того, сколько там было клиентов, играющих в бильярд. Он посоветовался с сержантом, ехавшим на «Адам Шесть», который велел ему высматривать новенький синий седан «Меркури», объявленный в угон тем днём, и в шутку посоветовал не утонуть под дождём.

В десять минут пятого он заглянул в бильярдный салон, чтобы убедиться, что никто не проломил никому голову бильярдным кием. В четыре минуты пятого он зашёл в соседнюю забегаловку и отказался от предложенной хозяином чашки кофе, сказав, что заглянет позже вечером. Он проходил мимо ломбарда Мартина Леви ровно в две минуты пятого, когда представилась возможность стать героем. Двери магазина были

уже закрыты на ночь, но внутри всё ещё горел свет. Фудзивара не увидел в этом ничего необычного: мистер Леви часто работал внутри ещё полчаса или больше после того, как запирался. Он даже не заглянул в магазин. Он обернулся, чтобы посмотреть на него, только потому что услышал, как зазвенел колокольчик над дверью, и с удивлением увидел тёмноволосого мужчину без шляпы, выбежавшего под дождь с зажатым в кулаке бриллиантовым ожерельем.

Фудзивара не имел ни малейшего представления о том, что это восемнадцатикаратный золотой чокер Хиллари Скотт с бриллиантами стоимостью 16 500 долларов. Он также не знал, что магазин Леви был одним из тех, которые Карелла предусмотрительно исключил из списка, потому что невозможно было охватить восемь магазинов по два человека на магазин, когда для работы имелась всего дюжина человек. На самом деле Фудзивара даже не знал, что в нескольких ломбардах участка в данный момент ведётся слежка; такая информация редко передавалась простым патрульным, чтобы они не повели себя так, что могли сорвать всю схему прикрытия. Фудзивара был всего лишь бедным мокрым неряхой, который шёл по своему участку и стал свидетелем того, что было чертовски похоже на готовящееся ограбление. Выбегая из магазина, мужчина сунул ожерелье в карман пальто, и если до этого момента у Фудзивары и были какие-то сомнения, то теперь все они исчезли. Выхватив пистолет, он закричал: «Полиция! Стоять, или я буду стрелять!», и беглец сбил его с ног на тротуаре, а затем растоптал его, как стадо буйволов, и побежал дальше, к углу квартала.

Фудзивара перевернулся на живот и, держа пистолет обеими руками и опираясь на локти, как его учили в академии, сделал два выстрела подряд по ногам убегающего человека. Оба раза он промахнулся и выругался под нос, когда мужчина скрылся за углом. Фудзивара тут же поднялся на ноги. С пистолетом в правой руке, в чёрном пончо, развевающимся так, что он напоминал гигантскую летучую мышь, летящую под дождем, он дошёл до угла, повернул за него и оказался лицом к лицу с

человеком, которого преследовал. В правой руке тот держал нечто похожее на хлебный нож.

Не зная, что этот человек подозревается в трёх убийствах, и веря лишь в то, что он украл украшение из ломбарда мистера Леви, Фудзивара широко раскрыл глаза от испуга, удивления и неверия. Одно дело - зайти в магазин, где какой-то дешёвый воришка держит на мушке пистолета продавца; в такой ситуации можно было ожидать нападения. Но этот парень уже обогнул угол и скрывался, так какого чёрта он рисковал связаться в драку с полицейским? «Ты, дубина, я полицейский!», - подумал Фудзивара и рефлекторно шагнул в сторону, чтобы увернуться от ножа. Кончик ножа вонзился в пончо, в дюйме (2,54 сантиметра – **примечание переводчика**) от его тела, зацепился за прорезиненную ткань, а затем снова вырвался на свободу для, как предположил Фудзивара, более решительного удара. На этот раз он не стал утруждать себя тонкостями стрельбы ниже пояса. Поэтому он стрелял прямо в грудь, но попал не в грудь, а в плечо, что было достаточно хорошо. От удара пули мужчина отшатнулся назад. Нож выпал из его руки и шмякнулся на скользкий мокрый тротуар. Фудзивара сказал так тихо, что это было похоже на шёпот дождя: «Мистер, вы мертвы», - и мужчина остановился на месте, кивнул головой, а затем, к огромному удивлению Фудзивары, разрыдался.

Официальный допрос состоялся в больничной палате Джека Роулза в 8:20 вечера в канун Нового года. Присутствовали лейтенант Питер Бирнс, детектив Стивен Луис Карелла, детектив Коттон Хоуз и помощник окружного прокурора по имени Дэвид Саперштейн. Полицейский стенографист записывал всё, что говорилось. Саперштейн задавал все вопросы, Роулз давал все ответы.

Вопрос: Мистер Роулз, не могли бы вы рассказать, когда и как в вашем распоряжении оказался чокер, который вы пытались заложить двадцать девятого декабря?

Ответ: Я взял это, потому что имел на это право.

Вопрос: Когда это было, мистер Роулз?

Ответ: Я уже рассказал полицейским.

Вопрос: Да, но это официальное заявление, которое вы сейчас делаете, и я хотел бы, чтобы вы повторили его для меня.

Ответ: Это было двадцать первого декабря.

Вопрос: Как он оказался у вас в руках в тот день?

Ответ: Я взял его из квартиры Грегори Крейга.

Вопрос: Вы украли ещё что-нибудь?

Ответ: Я ничего не крал. Я взял всё в качестве частичной оплаты долга.

Вопрос: Какого долга?

Ответ: Денег, которые мне задолжал Грегори Крейг.

Вопрос: Сколько денег он вам задолжал?

Ответ: Половину поступлений за «Мёртвые тени».

Вопрос: «Мёртвые тени», вы сказали?

Ответ: Да.

Вопрос: «Мёртвые тени»? Простите, что...?

Ответ: Вы, наверное, шутите.

Вопрос: Нет. Что вы имеете в виду, говоря о «Мёртвых тенях»?

Ответ: Это книга. Грегори Крейг был писателем.

Вопрос: О, понятно. И вы забрали чокер из его квартиры, потому что считали, что он должен вам пятьдесят процентов...

Ответ: По контракту.

Вопрос: У вас был контракт с мистером Крейгом?

Ответ: Да. Пятьдесят процентов авторских отчислений за книгу. Напечатанный и подписанный нами обоими.

Вопрос: Понятно. И где сейчас находится этот контракт?

Ответ: Я не знаю. Поэтому я и поехал туда. Чтобы получить копию.

Вопрос: Мы сейчас говорим о двадцать первом декабря, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: И тогда вы пошли к мистеру Крейгу, чтобы получить копию контракта.

Ответ: Да. Мой экземпляр пропал во время пожара. Я жил на Юнион-авеню в Бостоне. В моей квартире случился пожар, и контракт сгорел вместе со всем остальным.

Вопрос: Итак... если я правильно понимаю... После пожара осталась только копия контракта мистера Крейга.

Ответ: Да. Поэтому я и отправился туда. Чтобы узнать, смогу ли я оную получить.

Вопрос: Во сколько вы приехали, мистер Роулз?

Ответ: Примерно в пять часов.

Вопрос: Мы сейчас говорим о доме 781 по Джексон-авеню, не так ли?

Ответ: Да. О квартире Крейга.

Вопрос: И вы приехали туда в пять часов вечера двадцать первого декабря.

Ответ: Да.

Вопрос: Что вы делали, когда приехали туда?

Ответ: Я сказал охраннику, что я Дэниел Корбетт. Я знал, что Корбетт был редактором книги. Я прочитал историю о них в журнале «People».

Вопрос: Почему вы использовали вымышленное имя?

Ответ: Потому что я знал, что иначе Крейг меня не впустит. Я писал ему письма, пытался звонить. Он никогда не отвечал на мои письма, а когда я звонил, бросал трубку. В конце концов он сменил номер телефона. Вот почему я приехал в город. Чтобы поговорить с ним лично. Чтобы потребовать свою долю денег.

Вопрос: Что случилось, когда вы поднялись наверх?

Ответ: Я позвонил в дверь, и Крейг посмотрел на меня через глазок. Я сказал ему, что не хочу никаких проблем, а просто хочу поговорить с ним.

Вопрос: Он открыл вам дверь?

Ответ: Да, но лишь потому, что я сказал ему, что пойду к окружному прокурору, если он не захочет со мной разговаривать.

Вопрос: Мы сейчас говорим о квартире 304, не так ли?

Ответ: Да, наверное. Я не помню, какая это была квартира. Охранник сказал мне, и я поднялся, но сейчас я не помню, какой там был номер.

Вопрос: Что произошло после того, как вы вошли в квартиру?

Ответ: Мы сели и поговорили.

Вопрос: О чём?

Ответ: О деньгах, которые он мне задолжал. Он знал, что у меня случился пожар, а я был настолько глуп, что написал ему после этого и попросил копию контракта.

Вопрос: Вы говорили о деньгах...

Ответ: Да. По моим подсчётам, он задолжал мне около восьмисот тысяч долларов. Я должен был получить половину от

всего, понимаете? Роялти (*вид лицензионного вознаграждения – примечание переводчика*) только за издание в твёрдом переплёте составили около четырёмсот тысяч долларов. Права на издание в мягкой обложке были проданы за полтора миллиона, и доля автора составила семьсот пятьдесят тысяч. Его издатели получили десять процентов с продажи фильма, но всё равно ему осталось четыреста пятьдесят тысяч. Если сложить их, получится миллион шестьсот тысяч, а половина - восемьсот тысяч. Он не дал мне ни цента.

Вопрос: Вы просили у него деньги?

Ответ: Когда вы имеете в виду?

Вопрос: Когда вы разговаривали с ним.

Ответ: Конечно, я попросил у него деньги. Именно поэтому я там и был. Требовать деньги. Чтобы сказать ему, что если он не заплатит мне всё до цента, я обращусь к окружному прокурору.

Вопрос: Какова была его реакция на это?

Ответ: Он сказал мне сесть и расслабиться. Он спросил, не хочу ли я выпить.

Вопрос: Вы употребляли напитки?

Ответ: Да.

Вопрос: Он тоже выпил?

Ответ: Две или три порции.

Вопрос: А вы?

Ответ: Столько же. Две или три.

Вопрос: Что произошло потом?

Ответ: Он сказал, что я могу обратиться к окружному прокурору, если хочу, но это ничего не даст. Моя копия контракта пропала во время пожара, а он уничтожил свою копию, так что теперь нет никаких записей о сделке. Он сказал, что мне не на что опереться. Он сказал, что если я считаю, что

у меня есть основания для судебного разбирательства, то мне следует обратиться к его издателям, и они рассмеются мне в лицо. Это были его точные слова. Рассмеются мне в лицо.

Вопрос: Почему вы не обратились к его издателям до этого?

Ответ: Потому что я знал, что он прав. У меня не было контракта, у меня даже не было кассет. Почему они должны были мне поверить?

Вопрос: О каких кассетах вы говорите, мистер Роулз?

Ответ: Я записал всё это для него на плёнку. Всё, что я пережил в доме в Хэмпстеде. Однажды мы разговорились об этом в баре, и он сказал, что находит всё это очень интересным, и рассказал мне, что он писатель, а потом спросил, не запишу ли я всё это для него на плёнку. Мы записали это в доме, который он снимал тем летом, но только после того, как он предложил мне сделку. Пятьдесят на пятьдесят. Он продаст книгу и отдаст мне пятьдесят процентов от выручки. Я сказал ему: «Нет, я хочу, чтобы моё имя тоже было на обложке книги, я хочу участвовать в авторстве.» Я подумал, что это поможет мне. Я актёр. Я подумал, что моё имя в книге поможет мне в дальнейшем получать роли.

Вопрос: Он согласился проставить ваше имя в книге?

Ответ: Нет. Он сказал мне, что никогда не сможет продать её с разделённым авторством. Поэтому я согласился. Я подумал, что пятьдесят процентов от прибыли позволят мне двигаться дальше.

Вопрос: И это то, что было прописано в контракте?

Ответ: Да, в чёрно-белом варианте. Он сам написал контракт, и мы оба его подписали. Простое письменное соглашение, но обязательное к исполнению.

Вопрос: Адвокат проверил его для вас?

Ответ: Нет, я не мог позволить себе адвоката. Я актёр.

Вопрос: Хорошо, мистер Роулз, вечером двадцать первого декабря, где-то после пяти часов, когда вы и мистер Крейг выпивали вместе...

Ответ: Да.

Вопрос: Он сказал вам, что обращение к окружному прокурору не принесёт вам пользы.

Ответ: Совершенно верно.

Вопрос: Что произошло потом?

Ответ: Я достал нож.

Вопрос: Какой нож?

Ответ: Нож.

Вопрос: Да, какой нож?

Ответ: Он был у меня в чемоданчике. Я привёз его из Бостона.

Вопрос: Почему?

Ответ: На всякий случай.

Вопрос: На случай чего?

Ответ: На случай, если мне придётся его напугать или что-то в этом роде. Этот человек не отвечал ни на одно моё письмо, он часто вешал трубку. Я подумал, что, возможно, мне придётся напугать его, чтобы он отдал мне мою долю денег.

Вопрос: И поэтому вы достали нож из чемодана? Чтобы напугать его?

Ответ: Да.

Вопрос: Что произошло потом?

Ответ: Я заставил его войти в спальню.

Вопрос: А потом?

Ответ: Он пытался отобрать у меня нож.

Вопрос: Да?

Ответ: И я ударил его ножом.

Вопрос: Вы убили его, потому что он пытался...

Ответ: Нет, он не был мёртв. Я перевернул его и связал ему руки за спиной провололочной вешалкой. Затем я начал обыскивать квартиру. Я поверил его словам о том, что он уничтожил свою копию контракта, но подумал, что, может быть, у него остались кассеты, спрятанные где-нибудь в квартире. Кассеты с моим голосом. Кассеты, на которых я рассказываю историю. Это была бы защита, понимаете? Поэтому я начал их искать.

Вопрос: Вы нашли их?

Ответ: Нет.

Вопрос: Чем вы потом занимались?

Ответ: Я снова ударил его ножом.

Вопрос: Почему?

Ответ: Потому что я был зол. Он украл мою историю и не заплатил мне за неё.

Вопрос: Он был мёртв, когда вы вышли из квартиры?

Ответ: Я не знал, погиб он или нет. Когда я потом прочитал газету, там было написано, что его убили.

Вопрос: В отчёте коронера говорится, что мистеру Крейгу нанесли девятнадцать ножевых ранений.

Ответ: Я не знаю, сколько раз я ударил его ножом. Я был зол.

Вопрос: Но вы не знали, что он мёртв. Вы нанесли ему девятнадцать ударов ножом...

Ответ: Я говорил вам, что не знаю сколько раз.

Вопрос: Но вы не знали, что он мёртв.

Ответ: Верно, не знал.

Вопрос: Что вы сделали потом?

Ответ: Я взял всё, что смог найти. В качестве частичной оплаты долга. Потом я вымыл стаканы, из которых мы пили, и ушёл из квартиры.

Вопрос: Зачем вы помыли стаканы?

Ответ: Отпечатки пальцев. Вы думаете, я не знаю об отпечатках пальцев? Все знают об отпечатках пальцев.

Вопрос: Что произошло, когда вы вышли из квартиры?

Ответ: Меня увидела женщина. Я прошёл через вестибюль нормально, но потом эта женщина увидела меня на улице. На моей одежде была кровь, я бежал из здания, и она странно на меня посмотрела. Нож был у меня под пальто. Я... я просто достал его и ударил её ножом.

Вопрос: Это была Мэриан Эспозито?

Ответ: В то время я не знал, кто она такая.

Вопрос: Когда вы узнали, кто она?

Ответ: В газете что-то было. Я решил, что это должна быть она.

Вопрос: Мистер Роулз, это вы убили Дэниела Корбетта?

Ответ: Да.

Вопрос: Почему?

Ответ: Потому что потом... понимаете, потом, когда я начал думать об этом... ну, я знал, что Корбетт был его редактором, и я назвал его имя охраннику, так что я подумал... я подумал, что, возможно, есть шанс, что Корбетт слышал записи. Возможно, он знал, что это действительно моя история. И если это так, то, возможно, он расскажет обо мне полиции, скажет, что у Джека Роулза есть... ну... обида на Крейга, и они придут искать меня. Поэтому я пошёл к нему.

Вопрос: С целью убить его.

Ответ: Ну... просто чтобы убедиться.

Вопрос: Убедиться в чём?

Ответ: Что он никому не расскажет о возможной связи между мной и Крейгом. Мне было трудно его найти. Его нет в телефонной книге, я не знал, где он живёт. В конце концов я отправился в «Харлоу Хаус» и стал ждать, когда он выйдет после работы...

Вопрос: Каким образом вы узнали, как он выглядел?

Ответ: В журнале «People» была фотография его и Крейга. Я знал, как он выглядит. Я проследил за ним до дома, а потом... наверное, я его убил.

Вопрос: И вы также пытались убить Дениз Скотт?

Ответ: Я не знаю никого по имени Дениз Скотт.

Вопрос: Хиллари Скотт?

Ответ: Хиллари, да.

Вопрос: Вы пытались убить её?

Ответ: Да.

Вопрос: Почему?

Ответ: По той же причине. Я подумал, что Крейг мог упомянуть ей обо мне. Я знал, что они живут вместе, она иногда брала трубку, когда я звонил. Я проследил за ней из квартиры на следующий день после того, как я... на следующий день после того, как я убил Крейга. Она была там с двумя полицейскими, я видел, как они вместе выходили из квартиры. У неё была ещё одна квартира в Стюарт-Сити, на почтовом ящике стояло имя Скотт. Я подумал, что она может быть опасна, понимаете? Я не хотел, чтобы кто-то ещё знал обо мне. Был ещё кое-кто, кто...

Вопрос: Да?

Ответ: Нет, не берите в голову.

Вопрос: Что вы хотели сказать?

Ответ: Только то, что знал кто-то другой.

Вопрос: Кто это был?

Ответ: Стефани Крейг. Его бывшая.

Вопрос: Бывшая жена мистера Крейга?

Ответ: Да.

Вопрос: Знала о чём?

Ответ: О кассетах. Однажды она услышала кассеты. Мы сидели в его гостиной и проигрывали их, когда она пришла к нему. Магнитофон работал, и она их услышала.

Вопрос: Почему она пришла к нему?

Ответ: Она всегда заходила к нему. Она все ещё любила него.

Вопрос: И она слышала эти записи?

Ответ: Да. Но мне не пришлось о ней беспокоиться. Она утонула тем же летом.

Всю дорогу от больницы «Буэна Виста» до больницы «Мерси Джeneral», где восстанавливался Мейер Мейер, Карелла размышляла над заявлением Джека Роулза. Мотивы убийств никогда не перестанут его удивлять, но если не брать в расчёт убийство Мэриан Эспозито - которое, как он подозревал с самого начала, было убийством из соображений целесообразности, - то мотивы убийств Грегори Крейга и Дэниела Корбетта были сложными и противоречивыми. Роулз пришёл к Крейгу, потому что хотел получить признание в виде оплаты за свой вклад в создание феноменального бестселлера. Он убил Крейга, потому что в признании ему было отказано. А потом он убил Корбетта и пытался убить Хиллари, потому что боялся того самого признания, которого так отчаянно хотел раньше.

В показаниях были дыры, они всегда есть. Но ничего такого, что могло бы помешать вынесению обвинительного приговора, не было. Саперштейн проделал хорошую работу, собрав все факты, и Карелла подозревал, что прокуратуре не составит труда убедить присяжных в том, что Джек Роулз действительно убил трёх человек во время праздничного сезона и пытался убить четвёртого. Но, припарковав машину на стоянке у больницы «Мерси Дженерал» и поднимаясь на лифте в палату Мейера на шестом этаже, он думал о том странном сотрудничестве три лета назад и размышлял, как Крейг в конце концов убедил Роулза отказаться от единственного настоящего признания, на котором тот должен был настаивать: своего имени на книге. Во многих отношениях Роулз был именно тем, кем его назвала Хиллари, - призраком, по крайней мере в литературном смысле. По сути, он уже написал книгу для Крейга в тот день, когда записал на плёнку свои переживания. И ему было отказано в единственной вещи, которая могла бы дать ему нечто большее, чем эктоплазменная субстанция (в данном контексте эктоплазма это якобы вещество, из которого состоят призраки – **примечание переводчика**), - в общем авторстве.

Карелла тоже задавался вопросом - и это чертовски его беспокоило - об утоплении Стефани Крейг. Она слышала голос Роулза на тех плёнках, она, несомненно, знала, что Крейг пишет книгу, и, если верить экстрасенсам, она угрожала раскрыть, что материал украден, что книга Крейга на самом деле не его, а чужая. Но действительно ли она угрожала Крейгу разоблачением или это лишь плод живого психического воображения Хиллари Скотт? Ведь если она угрожала ему и если Крейг действительно был виновен в её утоплении, значит, он начал планировать кражу ещё тогда, когда книга была в процессе работы, и не собирался выполнять свой контракт с Роулзом.

Вздохнув, Карелла направился по коридору в комнату Мейера.

Мейер сидел в постели и читал. Он отложил книгу в сторону, как только Карелла вошёл в комнату, протянул руку и стал слушать, пока Карелла рассказывал ему сначала о том, как это

дело завершил патрульный по имени Тэк Фудзивара, а затем о показаниях Роулза и о вопросах, которые они оставили неразрешёнными.

«Меня беспокоит, что у меня нет ответов на все вопросы», - говорит Карелла.

«Послушай», - сказал Мейер, - «если бы у тебя были все ответы, ты был бы Богом.»

Карелла улыбнулся. Мейер улыбнулся в ответ. Они снова пожали друг другу руки и пожелали счастливого Нового года, а затем Карелла отправился домой в Риверхед. Фанни уже уехала к сестре в Калмс-Пойнт. Они разрешили близнецам остаться до полуночи и даже позволили им выпить по глотку шампанского, когда они поднимали тост за Новый год. Позже, уложив детей спать, они занялись любовью - традиция, которую они соблюдали с первого года брака, потому что, как сказала Тедди, она верила, что каждый новый год нужно начинать с чистого листа.

Посреди ночи Карелла проснулся и сидел, глядя в комнату, всё ещё мучимый осознанием того, что никогда не узнает наверняка, убил ли Грегори Крейг свою бывшую жену. Но потом он снова заснул, потому что в конце концов он не Бог, и, возможно, в общей схеме вещей есть ответы, о которых он и не мечтал.